

Г. ЗАМЕСЛОВСКИЙ

Членъ Императорскаго Дворянскаго Собора

УБИЙСТВО АНДРЮШИ ЮЩИНСКАГО

ИЗЛОЖЕНІЕ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Съ 2 картинами и 20 рисунками изъ уголов. и въ мнѣхъ
суденъ въ Иркутскѣ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФАКТИЧЕСКАЯ.

I.

Родственники.

12 марта 1911 года, въ субботу, проживавшій на Предмостной Слободкѣ г. Кіева тринадцатилѣтній мальчикъ Андрюша Ющинскій рано утромъ ушелъ изъ дома и безслѣдно исчезъ. Всѣ поиски мальчика остались тщетными, пока, черезъ восемь дней, 20 марта 1911 г., мертвое тѣло Андрюши, все исколотое и обезкровленное, не было обнаружено верстъ за шесть отъ Слободки, въ совершенно противоположной части Кіева — за Лукьяновкой, на Загоровщинѣ, въ одной изъ тамошнихъ пещеръ, гдѣ на эту ужасную находку совершенно случайно наткнулись игравшіе около мальчика.

Самый видъ мертваго тѣла, съ его 47 уколами, полураздѣтаго, со связанными за спиной руками, выброшеннаго, какъ падалъ, передъ еврейской пасхой—не могъ не возбудить въ народѣ толковъ, что убійство совершено жидами ради христіанской крови. Однако, полиція, принявшаяся за розыски, не замедлила сейчасъ же направить ихъ не въ сторону евреевъ, а по пути совершенно иному, явно исключавшему виновность жидовъ—по пути заподозриванія ближайшихъ родственниковъ убитаго. Это заставляетъ и насъ обратиться прежде всего къ семьѣ погибшаго мальчика, къ ея жизни.

Андрюша былъ внѣбрачнымъ сыномъ Александры Ющинской и Θεодосія Чиркова, съ которымъ она сожительствовала

около двухъ лѣтъ. Затѣмъ Ѳеодосій Чирковъ былъ взятъ въ военную службу и отправленъ на Дальній Востокъ, гдѣ, послѣ войны, пропалъ безъ вѣсти. Первоначально онъ располагалъ деньгами, вырученными отъ продажи принадлежавшаго ему на окраинѣ г. Кіева домика, но уже ко времени отправленія на Дальній Востокъ эти деньги — въ общей суммѣ двѣ тысячи рублей — совершенно изсякли, ибо Чирковъ не прочь былъ покутить, и Александру Ющинскую онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ. Убѣдясь, что Ѳеодосій Чирковъ пропалъ безъ вѣсти, Александра Ющинская вышла замужъ за Луку Приходько, по ремеслу переплетчика, помогая ему стиркой бѣлья и торговлей на базарѣ. Поселились они на окраинѣ города, называемой Лукьяновкою, гдѣ прожили до 1910 года, а въ 1910 году, весной, мѣсяцевъ за десять до убійства, переѣхали въ Предмостную Слободку, гдѣ, къ марту 1911 г. занимали небольшую квартирку въ домикѣ Заблущихъ. Тутъ же рядомъ, отдѣленные лишь тонкою перегородкою, жили сами Заблущіе и другой квартирантъ, Толкачевъ. Помѣщеніе было настолько тѣсное и убогое, что въ немъ не то, что мальчика, а курицы нельзя было зарѣзать такъ, чтобы это сейчасъ же не сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ сосѣдямъ. Вдобавокъ, Лука Приходько ночевалъ дома только въ ночи съ субботы на воскресенье, а все остальное время работалъ и ночевалъ въ переплетной мастерской Колбасова, по Фундуклеевской улицѣ, т. е. въ большомъ отдаленіи какъ отъ Слободки, такъ отъ Лукьяновки и Загоровщины.

Вотъ что говорилъ о Лукѣ Приходькѣ на предварительномъ по дѣлу слѣдствіи его хозяинъ, Колбасовъ:

«Лука Приходько работаетъ въ моей мастерской около пяти лѣтъ. Я его считаю самымъ лучшимъ мастеромъ. Въ мѣсяць я ему плачу 26 рублей. Человѣкъ онъ трезвый, работающій и очень хорошій семьянинъ. Всѣ заработанные деньги онъ отдаетъ своей семьѣ, на себя же тратитъ очень мало. Всю недѣлю Приходько работаетъ у меня и только по субботамъ уходитъ въ Слободку, откуда возвращается на работу въ понедѣльникъ. Я помню хорошо и утверждаю, что Лука Приходько, съ понедѣльника, 7-го марта 1911 г., до субботы, 12 марта, безотлучно находился въ моей мастерской».

Послѣднее обстоятельство вполне подтвердилъ и переплетный мастеръ, работавшій у Колбасова вмѣстѣ съ Приходькою — Василевскій.

Къ Андриюшѣ Лука Приходько относился вполне хорошо, что же касается Александры Приходько, то она горячо любила своего первенца и заботилась о немъ даже больше, чѣмъ о младшемъ сынѣ, прижитомъ отъ Луки; но еще сильнѣе была привязана къ Андриюшѣ его тетка, Наталья Ющинская, сестра Александры. Незамужняя, слабая здоровьемъ, съ начинавшеюся чахоткой, не перенесшая гибели Андриюши и преждевременно умершая скоро послѣ его смерти,—она всей душой отдалась мальчику и въ немъ видѣла весь смыслъ своей жизни. Сравнительно хорошо зарабатывая коробочнымъ мастерствомъ — отъ 50 до 100 рублей въ мѣсяцъ—она на свои средства, послѣ того, какъ Андриюша выучился грамотѣ въ дѣтскомъ пріютѣ и побылъ два года въ начальной школѣ, отдала его въ обученіе псаломщику Мочуговскому, которому платила около года по десять рублей въ мѣсяцъ, чтобы Мочуговскій подготовилъ Андриюшу къ поступленію въ пятиклассное Софійское духовное училище, куда онъ и былъ принятъ въ 1910 году, причемъ платить за него приходилось по 75 рублей въ годъ.

Поселилась Наталья Ющинская съ 1910 г. тоже на Слободкѣ, недалеко отъ своей сестры Александры, причемъ вмѣстѣ съ Натальей жила и мать ихъ—Олимпиада Ющинская, по второму мужу Нѣжинская, 70-лѣтняя старуха, тоже горячо любившая Андриюшу. У бабушки и тетки онъ бывалъ почти ежедневно.

Любовь, которою пользовался Андриюша, являлась вполне заслуженною. Общія отзывы о немъ сходились въ томъ, что это былъ мальчикъ замѣчательно хорошій: привязчивый, смиренный, послушный, очень способный и трудолюбивый,—онъ даже среди сверстниковъ не имѣлъ недоброжелателей. Кого-кого только не спрашивали на слѣдствіи объ Андриюшѣ: и его прежнихъ товарищей съ Лукьяновки, и товарищей по Слободкѣ, и товарищей по школѣ, и школьное начальство, и всѣхъ вообще, кто зналъ семью Приходьки,—и среди множества спрошенныхъ—ни одного худого слова. Зато много словъ прямо восторженныхъ. Въ школѣ Андриюша учился чрезвычайно прилежно и одно время былъ даже первымъ ученикомъ. Завѣтною мечтою мальчика была—по окончаніи ученія сдѣлаться священникомъ. Эту мечту знали его родные, сочувствовали ей и изъ послѣднихъ средствъ старались дать Андриюшѣ возможность получить соответствующее образованіе. На первой недѣлѣ Великаго поста (а пропалъ

онъ въ концѣ третей недѣли) мать говѣла съ нимъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, несмотря на свою работу и на огромное разстояніе отъ Слободки до Лавры.

Всѣ обстоятельства эти, казалось бы, неопровержимо устанавливали, что заподозривать родственниковъ Андриуши въ его убійствѣ невозможно, а предполагать, что убивала мать у себя на квартирѣ, въ домѣ Заблудцкихъ—дико и явно-нелѣпо.

Иначе взглянула на дѣло кіевская сыскная полиція. Первымъ шагомъ ея начальника, Мищука, былъ арестъ Александры Приходько и строжайшій обыскъ въ ея квартирѣ. «Все было переворочено, все поломано. Тяжело было это и ужасно»... рассказывалъ потомъ на судѣ Лука Приходько, оправясь отъ обморока, который сдѣлался съ нимъ, когда онъ дошелъ въ своемъ показаніи до дѣйствій кіевской сыскной полиціи. Со стѣнъ квартиры отбили семь кусковъ штукатурки для химико-микроскопическаго изслѣдованія «темнобурыхъ пятенъ», показавшихся подозрительными. Съ тою же цѣлью взяли юбку и кофту Александры Приходько, рабочую блузу Луки и двѣ тряпки. Никакихъ результатовъ химико-микроскопическое изслѣдованіе не дало, признаковъ крови въ отобранныхъ предметахъ не оказалось,—но времени, пока сіе было удостовѣрено, прошло достаточно.

Показаніе объ этомъ Олимпіады Нѣжинской — сплошной вопль: «Совсѣмъ замучили... Все разбили и разгромили... Я кричала, плакала, говорила: что вы дѣлаете!?... А они: молчите, всѣмъ Сибирь будетъ!.. Я говорила: что вы тутъ шукаете, вы бы шукали тамъ, гдѣ люди его нашли... Тамъ не хотѣли шукать, а только до насъ ходили»...

Александрю Ющинскую арестовали 24 марта (тѣло Андриуши найдено 20-го) и держали подъ арестомъ двѣ недѣли. Каждый день ее, на пятомъ мѣсяцѣ беременности, отводили рано утромъ изъ полицейскаго участка, гдѣ она ночевала, въ сыскную полицію, гдѣ держали въ напряженномъ состояніи до часа—двухъ ночи, хотя допрашивали сравнительно рѣдко.

«Мищуку обращался со мной скверно,—показывала на судѣ Александра Приходько: —ругалъ меня, требовалъ, чтобы я созналась, будто я убила. Я сказала Мищуку: вы арестуйте меня, только позвольте мнѣ похоронить сына. Онъ отвѣтилъ, что такую убійцу нельзя отпустить... Такъ я на похоронахъ и не была»...

Когда Александру Ющинскую, арестованную, беременную, водили черезъ базарную площадь, то въ толпу на базарѣ уже былъ пущенъ слухъ, что это убійца сына и въ нее кидали чѣмъ попало...

Если Александра Ющинская была арестована полиціею и двѣ недѣли содержалась подѣ арестомъ, какъ убійца своего ребенка, несмотря на ея любовь къ сыну, несмотря на находженіе мертвѣго тѣла въ шести верстахъ отъ Слободки, несмотря на полную невозможность убійства въ той хаткѣ Заблущкихъ, гдѣ жили Приходьки — то, вѣроятно, были же какія-нибудь противъ нихъ улики, хотя и оказавшіяся потомъ невѣрными, ошибочными, но имѣвшія хоть сначала видъ, достаточно внушительный?..

Такая улика (если только можно назвать это уликой) была одна и надѣ происхожденіемъ ея надлежитъ остановить серьезное вниманіе: 21 марта судебный слѣдователь, получивъ отъ полиціи донесеніе, что въ пещерѣ за Лукьяновкой обнаружено мертвое тѣло Андрея Ющинскаго, прибылъ туда для первоначальнаго осмотра, а 22 марта, когда еще ни одинъ свидѣтель допрошенъ не былъ, къ судебному слѣдователю явился безъ его вызова, по собственному побужденію, нѣкто Симонъ Барщевскій, вѣроисповѣданія іудейскаго, и сообщилъ, что 16 марта въ редакцію газеты «Кіевская Мысль», гдѣ онъ, Барщевскій, состоитъ сотрудникомъ, явилась неизвѣстная женщина заявить о пропажѣ ея сына.

«Съ перваго же слова женщины, назвавшейся матерью Ющинскаго, — засвидѣтельствовалъ Барщевскій: — мнѣ показалось страннымъ ея отношеніе къ факту исчезновенія. Въ то время какъ обычно въ такихъ случаяхъ матери, являющіяся въ редакцію сообщать о пропажѣ дѣтей, — всегда плачутъ, крайне разстроены и поведеніемъ своимъ ясно выказываютъ горечь утраты, — Ющинская относилась къ случаю крайне равнодушно, говорила спокойно, точно дѣло шло не объ исчезновеніи мальчика, а о фактѣ, не имѣющемъ серьезнаго значенія. Я спросилъ, нѣтъ ли подозрѣній, чтобы Ющинскій могъ куда-нибудь уѣхать. Ющинская категорически опровергала такое предположеніе. Затѣмъ я попросилъ указать адресъ, по которому можно было бы сообщить о находженіи ребенка или же доставить его лично. Въ отвѣтъ на это мужчина, бывшій съ Ющинской, улыбнулся и сказалъ, что это, молъ, все равно — куда сообщить, — можно въ

полицію, или въ училище. Улыбнулась при этихъ его словахъ и Ющинская. Какъ во время разговора съ ними, такъ и сейчасъ же послѣ ихъ ухода, я все время былъ подѣ страннымъ впечатлѣніемъ того, что здѣсь что-то неладно: слишкомъ ужъ безразлична была эта родная мать, а нѣсколько разъ повторявшіяся улыбки показались мнѣ совсѣмъ неумѣстными».

Такова улика: «странныя улыбки», которыя видѣлъ поспѣшившій къ слѣдователю еврейскій сотрудникъ «прогрессивной» еврейской газеты и никто больше. Этой улики, однако, оказалось достаточно (другихъ не было), чтобы ни въ чемъ неповинную мать замученнаго мальчика держать двѣ недѣли подѣ стражей. Нужно ли добавлять, что впослѣдствіи, передѣ лицомъ суда, прошелъ рядъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что ни о какихъ улыбкахъ не могло быть и рѣчи, что горе матери не поддавалось описанію. Заблудкая, напримѣръ, показала, что ей пришлось, послѣ извѣстія о смерти Андрюши, отливать водой лишившуюся чувствъ Александру Приходько. Но все это выяснилось потомъ, когда драгоценное время было въ значительной мѣрѣ упущено, а пока, въ началѣ, явился къ слѣдователю безъ вызова іудей Симонъ Барщевскій, заявилъ объ улыбкахъ—и этого оказалось достаточнымъ.

Поразительное поведеніе Кіевской полиціи, ея упорное нежеланіе обратить розыски не только въ направленіи жидовъ, но хотя бы въ направленіи Лукьяновки, гдѣ было найдено мертвое тѣло, вызвало, разумѣется, чрезвычайное возмущеніе всѣхъ тѣхъ, кто еще не пляшетъ подѣ жидовскую дудку, и 18 апрѣля 1911 г. въ Государственной Думѣ третьяго созыва правыми былъ внесенъ слѣдующій запросъ, гдѣ было указано на несомнѣнные признаки въ данномъ дѣлѣ ритуальнаго еврейскаго убійства, а также и на то обстоятельство, что правительство, широко раздвигая рамки изслѣдованія въ дѣлахъ объ изувѣрныхъ сектахъ, существующихъ среди христіанъ, дѣйствовало всегда наоборотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наталкивалось на изувѣрныя еврейскія убійства: суживало, стѣсняло эти рамки и, ставя на судъ большія дѣла о скопцахъ, хлыстахъ, съ массою подсудимыхъ, ни разу не предприняло разслѣдованія о той еврейской сектѣ, которая совершаетъ ритуальныя убійства.

Однако и послѣ запроса дѣйствія Кіевской полиціи не перемѣнились. Правда, рядомъ съ Мищукомъ появился другой

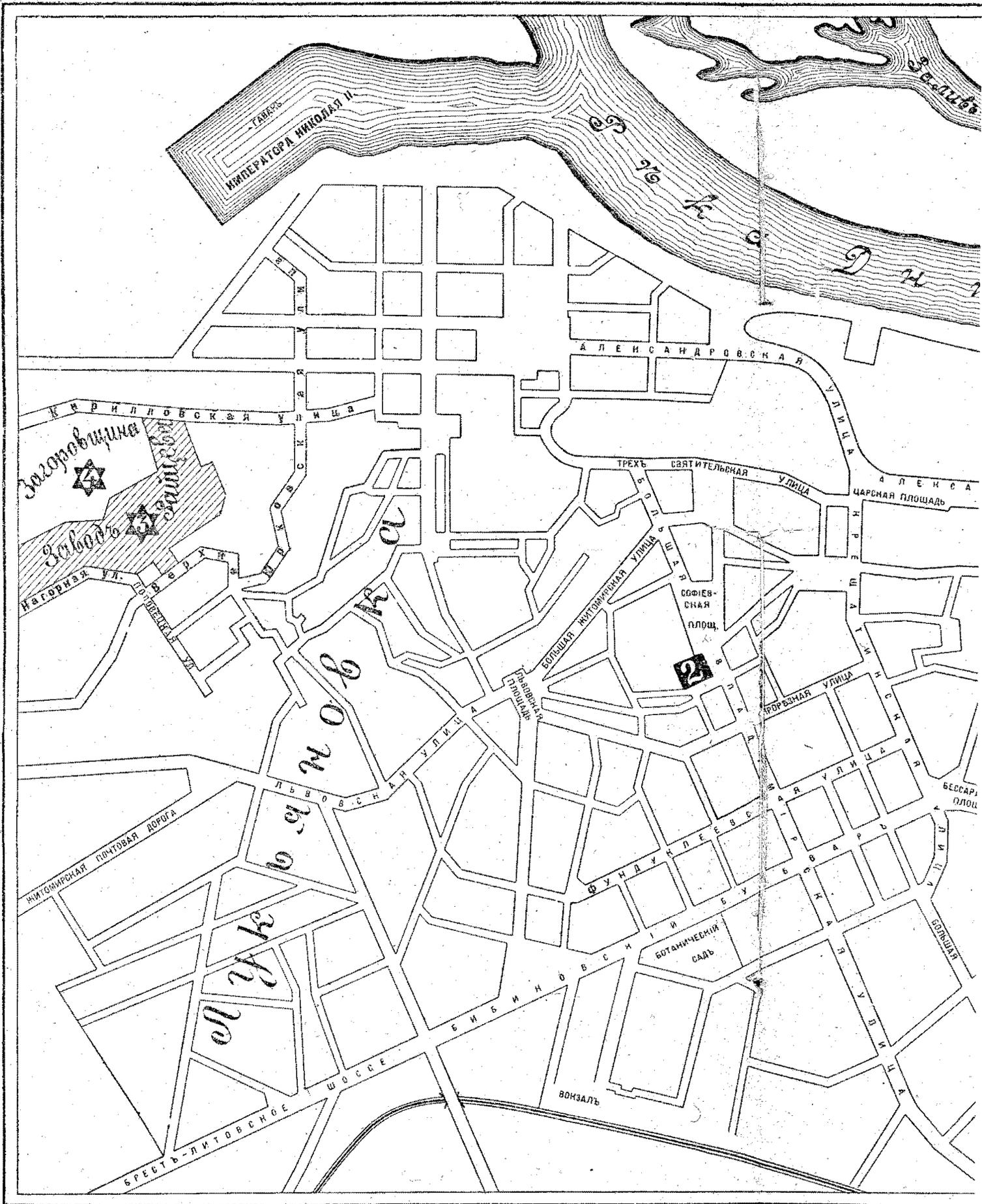
дѣятель — Красовскій, но отъ этого стало не лучше, а хуже. Красовскому, пользовавшемуся репутаціей опытнаго сыщика и занимавшему временно, до Мищука, должность начальника Кіевской сыскной полиціи, было теперь поручено специально заняться розысками по дѣлу объ убійствѣ Андриюши Ющинскаго и обратить особенное вниманіе на Лукьяновку. Какъ о самомъ Красовскомъ, такъ и о Лукьяновкѣ съ расположеннымъ на ней кирпичнымъ заводомъ іудея Зайцева, и объ уликахъ противъ обитателей завода подробный разговоръ будетъ ниже, а пока вернемся къ тому, съ какимъ упорствомъ чины Кіевской полиціи продолжали направлять подозрѣніе на ни въ чемъ неповинныхъ родственниковъ замученнаго мальчика, настойчиво отводя это подозрѣніе отъ жидовъ.

Красовскій принялся, главнымъ образомъ, за Луку Приходьку. Еще Мищукомъ Лука былъ арестованъ одновременно съ Александрою и просидѣлъ подѣ стражею, безъ всякихъ уликъ, двѣ недѣли. Но этого оказалось мало. 26 іюня Красовскій снова арестовалъ Луку и выдвинулъ противъ него двѣ улики: во-первыхъ, произведя у него, въ переплетной мастерской Колбасова, обыскъ, Красовскій нашелъ обрывокъ бумаги, на которомъ были написаны карандашомъ медицинскія названія, относящіяся къ височной кости. У простаго переплетчика медицинское описаніе той части тѣла, на которой у Андриюши оказались наиболѣе характерные уколы!

Вторая улика заключалась въ слѣдующемъ: отыскался свидѣтель Василій Яценко, который, проживая на Лукьяновкѣ, утромъ 12 марта (т. е. въ день, когда Андриюша исчезъ), былъ около той пещеры, гдѣ впоследствии нашли тѣло Андриюши, причемъ Яценко обратилъ вниманіе на человѣка, шедшаго возлѣ пещеры и показавшагося ему страннымъ. Когда Красовскій, на дознаніи, предъявилъ Яценкѣ Луку Приходьку, Яценко удостоившись поразительное сходство между Лукою Приходькой и тѣмъ страннымъ человѣкомъ, котораго свидѣтель видѣлъ 12 марта около пещеры. Сходство настолько большое, что Яценкѣ «такъ и хотѣлось сказать, что онъ 12-го марта видѣлъ Луку Приходьку».

Эти улики были посерьезнѣе впечатлѣній Симона Борщевскаго и, на первый взглядъ, несомнѣнно могли создать впечатлѣніе, что относительно Луки Приходьки что-то неладно.

Тѣмъ поразительнѣе были разоблаченія того, какъ все обстояло на самомъ дѣлѣ.

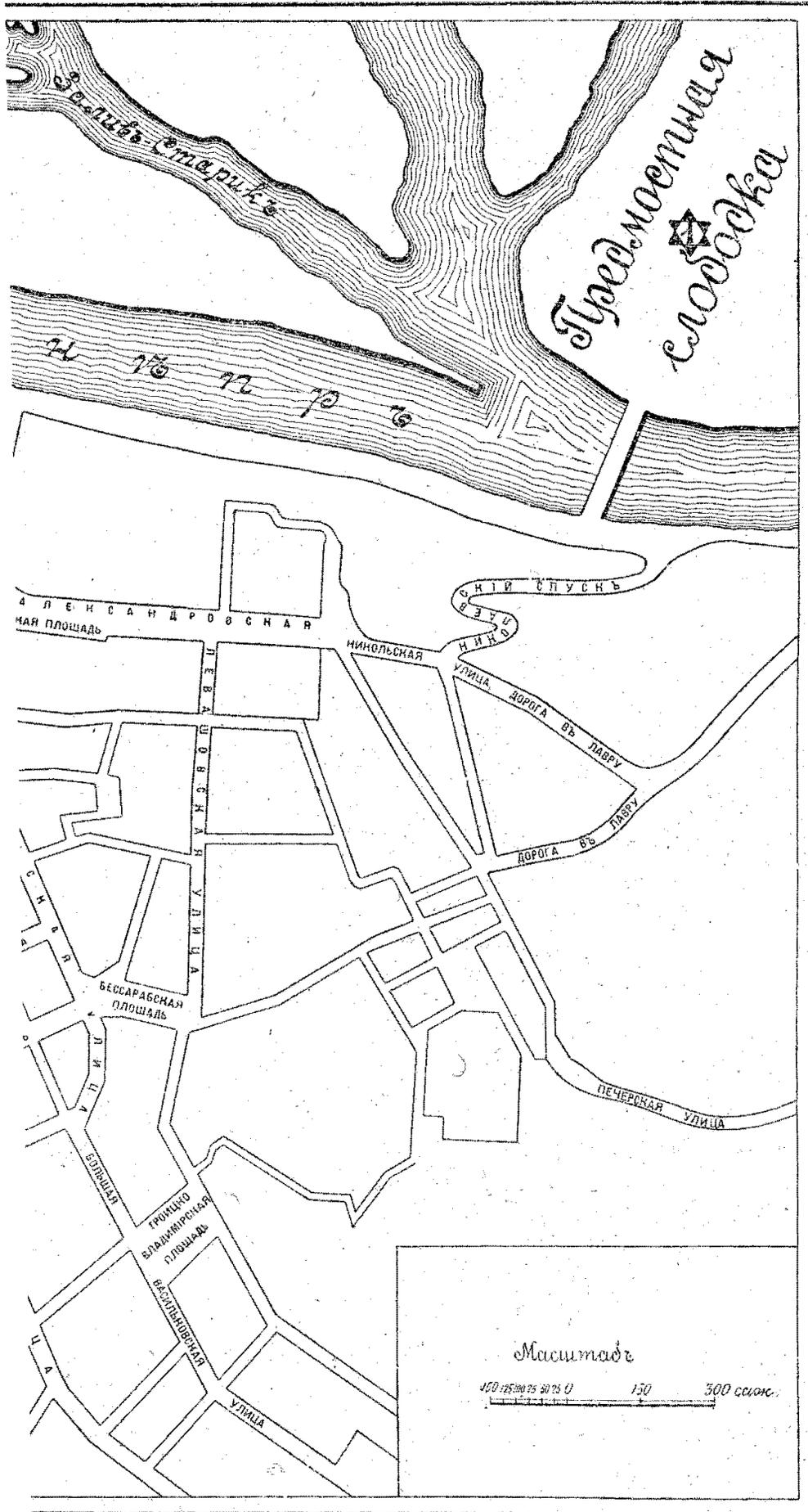

1 Домъ, гдѣ жилъ Ющинскій.

2 Училище, куда Ющинскій ходилъ учиться.

3 Кирпичный заводъ Зайцева, въ одномъ раго, согласно вердикту присяжныхъ, Ю

A.

ь одномъ изъ помѣщеній ко-
жныхъ, Ющинскій былъ убитъ.

Пещера, гдѣ былъ най-
денъ трупъ Ющинскаго.

Обрывокъ бумаги со свѣдѣніями о височной кости дѣйствительно былъ въ переплетной мастерской Колбасова, но валялся въ цѣлой кучѣ другихъ обрывковъ и лоскутковъ, которые бросались на полъ при переплетѣ книгъ. Колбасовъ, въ числѣ прочихъ заказчиковъ, работалъ на магазинъ Просяниченко, торговавшій подержанными книгами. Въ нихъ всегда оказывалось много замѣтокъ, которыя при переплетѣ выбрасывались, и Лука Приходько не замедлилъ указать, что обрывокъ, остановившій вниманіе Красовскаго, такого же происхожденія, а, слѣдовательно, при желаніи, можно даже, по всей вѣроятности, отыскать ту книгу, изъ которой онъ выпалъ.

Однако Красовскій никакой провѣрки этихъ объясненій не предпринялъ и постарался всячески затушевать то обстоятельство, что обрывокъ, выдвинутый имъ въ качествѣ улики, былъ найденъ въ кучѣ другихъ, подобныхъ же обрывковъ, составлявшихъ въ данномъ случаѣ принадлежность переплетнаго мастерства.

Еще гораздо болѣе возмутительною и уже прямо преступною является исторія съ опознаваніемъ Луки Приходьки Ященкою. Сначала, какъ и полагается, Яценкѣ было предложено описать на полицейскомъ дознаніи примѣты видѣннаго имъ человѣка. Яценко описалъ: хорошее пальто съ каракулевымъ или котиковымъ воротникомъ, хорошая шляпа, калоши, на шеѣ платокъ или кашне — одѣтъ по-господски. Черный. Безъ бороды. Усы кверху. Выдающійся, всклокоченный затылокъ.

Описаніе это совершенно не подходило къ Лукѣ Приходькѣ. Хорошее пальто съ каракулевымъ или котиковымъ воротникомъ ему и не снилось. Волосы у него были темнорусые, а вовсе не черные. Усы опускались внизъ, была борода, а затылокъ нисколько не всклокоченный, гладкій.

Но Красовскаго такіе пустяки не остановили. Арестовавъ Луку Приходьку, онъ распорядился сбрить ему бороду, подчеркнуть волосы, взбить ихъ на затылкѣ, а усы, тоже нафабранные, завить вверхъ колечкомъ. Достали пальто и шляпу, подходящія подъ описаніе Яценки. Надѣли ихъ на выбритаго, подкрашеннаго и подвитого Луку Приходьку и въ такомъ видѣ отправили его «на уличеніе»: поставили Василія Яценку на то мѣсто, съ котораго онъ, шагахъ въ тридцати, видѣлъ подозрительнаго человѣка, а Луку Приходьку въ этомъ же разстояніи повели мимо. Само собой разумѣется, что Яценко, съ полной добросо-

вѣстностью, засвидѣтельствовалъ «поразительное сходство», обративъ особенное вниманіе на «характерныя примѣты»: бритую бороду, черные усы и всклокоченный затылокъ. Потомъ, на судѣ, увидѣвъ Луку Приходьку въ подлинномъ его видѣ, Яценко, конечно, заявилъ, что 12 марта 1911 г. онъ встрѣтилъ на Загоровщинѣ другого человѣка.

Какую нравственную пытку перенесъ ни въ чемъ неповинный Лука Приходько, можно судить по такому его разсказу: «Когда меня обрили, покрасили, одѣли въ чужое пальто и повели, я увидѣлъ, что конецъ мнѣ приходитъ, что каторги не миновать, и началъ плакать, а сыщикъ одергиваетъ: «мерзавецъ, вытирай слезы, усы испортишь...» Когда Колбасовъ увѣрялъ, что я на глазахъ у всѣхъ, 12 марта утромъ, работалъ у него въ мастерской, Красовскій кричалъ: «Молчи, старый арестантъ, если будешь это повторять, получишь двѣнадцать лѣтъ каторги!»

Мало того, оказалось, что Лука Приходько уже почти что сознался въ убійствѣ: правая рука Красовскаго, сыщикъ Выграновъ, допрошенный по дѣлу въ качествѣ свидѣтеля судебнымъ слѣдователемъ Фененко 1 іюля 1911 г., описывая, какъ Луку Приходьку вели «на уличеніе», показалъ: «При этомъ Приходько сильно плакалъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «скажите, гдѣ отецъ?» Я отвѣтилъ ему, что отецъ его далеко и уже сидитъ (за что!?). Тогда Приходько *буквально* сказалъ мнѣ слѣдующее: *я одинъ виноватъ, и я знаю, что меня повѣсятъ, но зачѣмъ же мучить другихъ»*.

Когда Выграновъ затѣмъ убѣдился, что съ Приходькою дѣло не выгорѣло, онъ не замедлилъ отпереться отъ своихъ словъ. Будучи допрошенъ черезъ годъ, 28 іюля 1912 г., судебнымъ слѣдователемъ Машкевичемъ, Выграновъ показалъ: «Приходько, собственно, мнѣ не сознавался въ убійствѣ, а лишь, когда я на его вопросъ объ отцѣ сказалъ, что отецъ его уже сидитъ, онъ разразился такой фразой: «Я виноватъ, такъ сажайте меня, но зачѣмъ другихъ мучить». Я понялъ эту его фразу въ такомъ смыслѣ: «Если вы меня считаете виновнымъ, то меня одного и казните, а зачѣмъ невинныхъ родственниковъ трогать». Въ такой фразѣ Приходько я не вижу признанія въ убійствѣ. Протоколъ мнѣ прочитывался, но, можетъ

быть, я не обратилъ вниманія на такую редакцію моего показанія при быстромъ его чтеніи».

Какъ во-время, въ нужную для Красовскаго минуту, появилось сознание заподозрѣннаго, воспроизведенное «буквально», и съ какою ловкостью, по минованіи надобности, преданный Красовскому человѣкъ разъяснилъ, что было не сознание, а просто легкое недоразумѣніе вслѣдствіе быстрого чтенія протокола: пропустили слово «если».

Тотъ же Выграновъ принужденъ былъ подтвердить, что, когда Приходьку привели на то мѣсто, гдѣ опознавалъ его Яценко, то, кромѣ Яценки, тамъ было нѣсколько переодѣтыхъ въ штатское городовыхъ. Красовскій, обращаясь къ нимъ, какъ къ свидѣтелямъ, спрашивалъ ихъ, указывая на Приходьку: видѣли ли они этого человѣка на Загоровщинѣ утромъ 12 марта, и тѣ, наученные заранее, отвѣчали, что видѣли. Было это устроено, дабы «воздѣйствовать на Приходьку и побудить его сознаться».

На судъ Выграновъ не явился, хотя повѣстка ему была вручена и свѣдѣній о причинахъ неявки онъ не представилъ. Какъ было оглашено въ засѣданіи суда, еще наканунѣ его видѣли въ Кіевѣ, а затѣмъ онъ сѣлъ на дилижансъ, идущій въ Житомиръ, и уѣхалъ.

Чтобы покончить съ описываемымъ эпизодомъ, не лишнее добавить, что свидѣтеля Яценку, чуть не ставшаго роковымъ для Приходьки, розыскали сами же родственники Андриюши. Они, взявшись на Лукьяновкѣ за разспросы, узнали, что 12 марта тамошній печникъ замѣтилъ около пещеры человѣка, показавшагося ему подозрительнымъ, развѣдали, что печникъ этотъ — Яценко и сообщили о немъ полиціи. Установить личность человѣка, котораго онъ тогда видѣлъ, такъ и не удалось.

Кромѣ Луки Приходьки, котораго второй разъ продержали подъ стражей двѣ съ половиною недѣли, тогда же, лѣтомъ 1911 года, были арестованы: 1) отецъ Луки—старикъ, почти слѣпой, 2) братъ Луки, 3) братъ Андриюшинаго отца Θεодосія Чиркова—Василій Чирковъ и 4) единоутробный братъ Александры Приходько—Федоръ Нѣжинскій.

Почему ихъ арестовали? Повидимому, только потому, что они доводились родственниками Андриюшѣ; по крайней мѣрѣ, несмотря на самое тщательное изученіе дѣла, я не могъ найти никакихъ даже намековъ на улики въ отношеніи, на примѣръ, отца или брата Луки Приходьки.

Упорное заподозриваніе родственниковъ Андрюши въ убійствѣ обязывало указать хоть на какой-нибудь мотивъ, побудительную причину, которою эти убійцы руководствовались. И вотъ былъ пущенъ слухъ, что Андрюша являлся обладателемъ крупныхъ денегъ, доставшихся ему послѣ отца. Чтобы добраться до этого капитала, родственники и убили Андрюшу. Слуху этому была придана осязательная форма такимъ путемъ: къ судебному слѣдователю добровольно, безъ вызова, явился, по примѣру Барщевскаго, другой сотрудникъ «Кіевской Мысли», Ордынскій и заявилъ, что въ домѣ своей знакомой, еврейки Трайны Клейнъ, онъ слышалъ рассказъ прачки Симоненковой о томъ, что ея сестрѣ Александра Юшинская рассказывала объ исчезновеніи сына и улыбалась. Улыбался и братъ Александры (Федоръ Нѣжинскій), а черезъ день или два послѣ пропажи мальчика, мужчина и женщина, имѣя при себѣ мѣшокъ съ тяжелымъ, повидимому, предметомъ, наняли извозчика отвезти ихъ къ Кирилловской больницѣ, и дорогой, на вопросъ извозчика, сказали, что везутъ больного мальчика.

Трайна Клейнъ показала болѣе опредѣленно, что, по словамъ Симоненковой, Андрюшу убила мать, вмѣстѣ съ мужемъ и братомъ, чтобы *воспользоваться деньгами, положенными на его имя.*

Убили въ Слободкѣ, а затѣмъ трупъ былъ перевезенъ на Загоровщину.

Спрошенная по этому поводу Симоненкова удостовѣрила, что передавала разныя сплетни и слухи, ходившіе на базарѣ. Сама ничего по дѣлу не знаетъ и зачѣмъ ее въ дѣло впутываютъ, — не понимаетъ, а на свою сестру никогда не ссылалась, хотя бы уже потому, что сестра три года, какъ живетъ въ Гомелѣ.

При допросѣ Ордынскаго на судѣ не обошлось безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Выяснилось, прежде всего, что Клейнъ говорила съ Симоненковой въ кухнѣ, а свидѣтель былъ въ столовой. Клейнъ предложила ему: «подойти къ двери и послушать» — это прогрессивный сотрудникъ «Кіевской Мысли» и исполнилъ.

Далѣе, въ показаніи Ордынскаго слѣдователю, рассказъ Симоненковой переданъ такъ: «Мужчина и женщина договорили извозчика въ Кирилловскую больницу и по дорогѣ сказали ему, что везутъ больного мальчика. На недоумѣніе извозчика по поводу такого способа перевозки, неизвѣстные отвѣтили, что такъ, молъ, предложилъ докторъ. По словамъ прачки, извозчикъ, когда выѣхалъ въ малолюдное мѣсто, почувствовалъ паническій страхъ

и хотѣлъ было отказаться везти своихъ пассажировъ, но потомъ махнулъ рукой и повезъ дальше».

Прокуроръ: Вы подтверждаете, свидѣтель, что прачка это вамъ рассказывала?

Ордынскій: Почти все.

Прокуроръ: Слова, что извозчикъ почувствовалъ паническій страхъ она говорила?

Ордынскій: Нѣтъ, это мое выраженіе, но мысль ея.

Повѣренный гражданской истцы Дурасовичъ: Она такъ и говорила, что по совѣту доктора везли больного мальчика въ мѣшкѣ? Васъ не удивилъ такой врачебный совѣтъ?

Ордынскій: Я считалъ себя обязаннымъ передать то, что слышалъ, не вдаваясь въ критику.

Пожалуй скажутъ: какъ можно было въ такомъ серьезнѣйшемъ, ужасномъ дѣлѣ тратить столько времени на подобный вздоръ? Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, какъ все дѣло нарочно обволакивалось такимъ вздоромъ, какъ липкой паутиной, а пока достаточно напомнить, что нѣсколько мѣсяцевъ «прогрессивныя» газеты были полны сенсационныхъ разоблаченій, что Андриюшу убили родственники, къ счастью, молъ, уже арестованные энергичною Кіевскою полиціею. Сколько горя доставили эти «разоблаченія» людямъ, ни въ чемъ неповиннымъ! Сколькихъ они сбили съ толку. А что стояло за этими разоблаченіями, кромѣ повѣствованій Борщевскаго, Ордынскаго, да продѣлокъ Мищука? И ровно ничего, и все: стояла острая необходимость отвлечь подозрѣніе отъ жидовъ.

Когда осенью 1911 года возобновились послѣ лѣтняго перерыва занятія Третьей Государственной Думы, правые, за множественномъ подписей, внесли по дѣлу Ющинскаго второй запросъ, специально о преступныхъ дѣйствіяхъ чиновъ Кіевской полиціи.

Запросъ гласилъ:

29 апрѣля 1911 г. въ Государственную Думу былъ внесенъ, въ порядкѣ ст. 33 ея Учрежденія, запросъ по поводу убійства въ Кіевѣ малолѣтняго Андрея Ющинскаго. Прошло болѣе полугода, когда, 3 ноября 1911 г., думская коммиссія по запросамъ разсмотрѣла выше-названный запросъ и высказалась за его отклоненіе. Между тѣмъ за эти полгода накопился цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Кіевская полиція предприняла рядъ дѣйствій не къ выясненію, а къ сознательному затемненію дѣла, не къ обнаруженію истины, а къ сокрытію ея; не къ изобличенію іудеевъ, совершившихъ—по убѣжденію мѣстнаго населенія—звѣрское убійство ради

крови христіанскаго ребенка, а къ отвлеченію подозрѣнія и даже къ созданію ложныхъ уликъ противъ лицъ неповинныхъ. Когда правые члены Думы, поддерживавшіе запросъ, пробовали въ думской комисіи освѣтить эти новые факты возмутительнаго беззаконія, совершеннаго въ угоду іудеямъ, то они были встрѣчены возраженіемъ, что таковыя факты не подлежатъ разсмотрѣнію, ибо выходятъ за предѣлы запроса, ибо въ запросѣ о нихъ ничего не упомянуто. Нельзя отрицать, что съ внѣшней, формальной стороны такое возраженіе имѣетъ основаніе, а потому мы, нижеподписавшіеся, вынуждены внести новый самостоятельный запросъ о незаконномъ рныхъ дѣйствіяхъ Кіевской полиціи, кои были совершены по дѣлу Ющинскаго послѣ внесенія перваго запроса. А такъ какъ, къ глубокому изумленію нашему, несмотря на весь ужасъ самаго дѣла, формальной его сторонѣ придается столь крупное рѣшающее значеніе, то и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи принуждены обратить на эту сторону особое вниманіе. Согласно Уставу Уголовнаго Судопроизводства (ст. 254 — 260, 271), съ того момента, какъ по дѣлу началось предварительное слѣдствіе, полиція имѣетъ право дѣйствовать лишь въ предѣлахъ тѣхъ порученій, которыя даетъ ей Судебный Слѣдователь. Если она и имѣетъ право захватить заподозрѣннаго, то во всякомъ случаѣ обязана немедленно доставить его Слѣдователю, а отнюдь не подвергать своею властью сколько-нибудь продолжительному задержанію. Ни обысковъ, ни допросовъ въ этомъ періодѣ процесса полиція производитъ не въ правѣ. Вообще, на самостоятельныя дѣйствія она не уполномочена. Между тѣмъ, въ своемъ стремленіи отвлечь всякое подозрѣніе отъ іудеевъ и направить таковое на христіанъ-родственниковъ или знакомыхъ замученнаго Ющинскаго, Кіевская полиція произвела цѣлый рядъ обысковъ и предварительныхъ арестовъ—такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ многочисленныя сообщенія, появившіяся въ газетахъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ направленій, причѣмъ сообщенія эти правительствомъ опровергнуты не были. Не будемъ упоминать о продолжительномъ арестѣ матери Андрея Ющинскаго — ибо это случилось еще до внесенія перваго запроса. Но вотъ 27 іюня 1911 г. газеты сообщили объ арестѣ отчима убитаго—Луки Приходько. Такъ какъ слѣдователь арестовываетъ лишь тѣхъ, кого онъ предварительно привлекъ въ качествѣ обвиняемаго, а Лука Гриходько по сіе время не привлеченъ, то, очевидно, онъ былъ арестованъ не Слѣдователемъ, а полиціею,—т. е. совершенно противозаконно. 29 іюня, за № 175, газета «Рѣчь» сообщаетъ: «До сихъ поръ, кромѣ отчима убитаго Луки Приходько, разновременно арестованы: 16-лѣтній братъ Луки — Николай Приходько, братъ матери убитаго—Федоръ Нѣжинскій, дядя убитаго—Василій Чирковъ и сосѣдка Ющинской—Вѣра Чеберякова. Есть много основаній предполагать, что на-дняхъ раскроется вся правда объ убійствѣ несчастнаго мальчика». Опять-таки, ни одно изъ перечисленныхъ лицъ въ качествѣ обвиняемаго не привлечено, слѣдовательно, вновь мы имѣемъ дѣло съ противозаконнымъ арестомъ, произведеннымъ полиціею, которая ведетъ какъ бы «параллельное» слѣдствіе и, притомъ, съ явною цѣлью выгородить іудеевъ. Въ № 176, отъ 30 іюня, «Рѣчь»

сообщаетъ: «Началось освобожденіе арестованныхъ. Сегодня освобожденъ дядя убитаго Чирковъ, въ которомъ подозрѣвался главный участникъ убійства. Ожидается также освобожденіе остальныхъ арестованныхъ». 3 іюля, за № 179, та же газета пишетъ: «По дѣлу Ющинскаго произведены новые аресты, подтверждающіе несомнѣнное прикосновеніе семьи убитаго къ преступленію». 5 іюля, за № 181: «Среди вновь арестованныхъ по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго находятся отецъ отчима убитаго мальчика, старикъ Приходько, и жена брата о матери убитаго Нѣжинская». Опять рядъ противозаконныхъ арестовъ д жены брата матери включительно, объяснимый развѣ только правилами іудейской мести: до седьмого колѣна. Приблизительно въ это же время (19 іюля, № 12697) газета «Новое Время» вполне подтверждаетъ фактъ явно противозаконныхъ и весьма продолжительныхъ арестовъ, коимъ были подвергнуты Кіевскою полиціею цѣлый рядъ родственниковъ Ющинскаго. Она въ весьма обстоятельной корреспонденціи съ мѣста (отдѣлъ внутреннихъ извѣстій, статья «Запорожца») прямо пишетъ, что «данныя» руководителей розыска — начальника Кіевской сыскной полиціи Мищука и пристава Красовскаго — оказались «подстроеными». Въ слѣдующей корреспонденціи (20 августа, № 12729) тотъ же авторъ «Запорожець» сообщаетъ, что два сыскныхъ агента, Полищукъ и Выграновъ, попробовали, вопреки стараніямъ Красовскаго и Мищука, направить розыскъ въ сторону евреевъ и добыли здѣсь очень цѣнныя свѣдѣнія отъ одного изъ главныхъ по дѣлу свидѣтелей—товарища и сосѣда покойнаго Андрея Ющинскаго, мальчика Жени Чеберяка. Однако Полищукъ и Выграновъ были немедленно уволены со службы. Женья Чеберякъ внезапно умеръ загадочной смертью, а на предполагаемомъ мѣстѣ преступленія (заводъ Зайцева) произошелъ пожаръ отъ неизвѣстной причины. Изложенное необходимо сопоставить съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Судебный Слѣдователь, — насколько это стало извѣстнымъ въ печати, — привлекъ пока въ качествѣ обвиняемаго только одно лицо—іудея Бейлиса.—и то лишь за последнее время. Разумѣется, только тщательное авторитетное и независимое разслѣдованіе, напр. сенаторская ревизія, можетъ съ точностью и полною документальностью установить всю злонамѣренность и преступность дѣйствій чиновъ Кіевской полиціи по дѣлу Ющинскаго, но незаконность произведенныхъ ею арестовъ очевидна и безъ этого разслѣдованія уже въ настоящій моментъ, а потому, на основаніи ст. 33 Учр. Гос. Думы и руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что, въ порядкѣ производства уголовныхъ дознаній, полиція подчинена не только своему непосредственному начальству, но и прокурорскому надзору (ст. 279 Уст. Угол. Судопр.)—въ данномъ случаѣ прокурору Кіевскаго Окружнаго Суда Брандорфу, нынѣ назначенному Товарищемъ Прокурора с.-петербургской судебной палаты, — мы предьявляемъ слѣдующій запросъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Министру Юстиціи: 1) Извѣстно ли имъ, что чины Кіевской полиціи, лѣтомъ сего года, во время производства слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Андрея Ющинскаго, учинили цѣлый рядъ противозаконныхъ арестовъ среди родственниковъ убитаго? 2) Если извѣстно, то какія мѣры приняты для привле-

ченія виновныхъ къ законной отвѣтственности и для выясненія тѣхъ цѣлей, въ осуществленіе коихъ эти противозаконные аресты были предприняты?»

Казалось бы, противъ этого запроса менѣе всего могли возражать представители лѣвыхъ партій. Не они ли всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ, вопятъ о произволѣ полиціи даже тогда, когда нѣтъ и признаковъ произвола? Не они ли изображаютъ изъ себя «демократовъ», народниковъ, патентованныхъ друзей народа и заступниковъ за всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ»? Не они ли требуютъ широчайшихъ свободъ и, первѣе всего, «полной неприкосновенности личности и жилища»? Не они ли изображаютъ изъ себя неусыпныхъ стражей пресловутаго «правового порядка»?

Гдѣ же, какъ не въ данномъ случаѣ, можно найти болѣе яркіе образчики насилія, произвола, издѣвательства, беззащитнаго попранія и неприкосновенности, и свободы? Съ кѣмъ, кромѣ безотвѣтнаго, многотерпѣливаго, многострадальнаго русскаго простонародья, можно безнаказанно продѣлывать то, что продѣлывали съ Приходьками? Какъ грубѣе нарушить законъ, ставящій границы праву полиціи арестовывать, лишать свободы?

И вотъ въ думской запросной комиссіи, куда былъ переданъ запросъ, все лѣвое крыло дружно голосовало противъ его пріятія, а кадетскіе юристы—присяжные повѣренные Тесленко и Герасимовъ—выступили съ рѣчами объ отсутствіи основаній признавать дѣйствія Кіевской полиціи незаконными.

Столь нужные для пріобрѣтенія популярности красивые лозунги о демократизмѣ, о законности, о любви къ свободѣ и ненависти къ произволу сразу пошли на смарку, безъ колебаній были принесены въ жертву, отброшены въ сторону, когда на другой чашкѣ вѣсовъ оказались кровные интересы жидовскаго зачала. Служеніе еврейству—въ этомъ суть, здѣсь не простятъ не только измѣны, но даже малѣйшаго ослушанія, а громкіе «прогрессивные» принципы—вѣдь это для толпы, которую всегда сумѣютъ обработать, какъ надо, «захватившіе рынокъ» газеты «честнаго и независимаго направленія».

Кромѣ членовъ запросной комиссіи къ объясненіямъ былъ допущенъ не входившій въ ея составъ членъ Думы іудей Ниселовичъ—повидимому, какъ представитель еврейскаго народа, но даже его краснорѣчіе іудеямъ не помогло и запросъ голо-

сами праваго крыла и большинства октябристовъ были приняты. Однако, до обсуждения его въ общемъ собраніи Думы не допустили: онъ такъ и остался незаслушаннымъ до окончанія полномочій Третьей Думы.

Такова первая страница Кіевскаго дѣла. Свалить вину на родственниковъ убитаго, правда, не удалось, но все же еврейство достигло огромныхъ результатовъ: свыше четырехъ мѣсяцевъ и общественное вниманіе, и розыски были повернуты въ сторону, совершенно противоположную той, гдѣ находились истинные виновники. Четыре мѣсяца, непосредственно слѣдующіе за совершеніемъ преступленія! Не нужно быть слѣдователемъ или прокуроромъ, чтобы понять, какое громаднѣйшее значеніе имѣетъ такой срокъ въ разслѣдованіи уголовного дѣла! Улики, неопровержимыя доказательства, которыя было такъ легко и просто обнаружить по горячимъ слѣдамъ, — часто оказываются не то, что черезъ четыре мѣсяца, а черезъ нѣсколько дней—стертыми навсегда.

Выиграть время — все выиграть. Упустить время—все упустить...

Какъ часто эти изреченія въ полной своей силѣ примѣнимы къ уголовнымъ розыскамъ...

Сколько драгоценнѣйшаго матеріала было упущено, пока возились съ Приходьками, Нѣжинскимъ и Чирковымъ...

И если въ отношеніи этихъ людей, полная невинность которыхъ съ первой же минуты была очевидной, бесспорной, удалось соорудить и подозрительныя улыбки, и изобличающіе клочки бумаги, и почти что опознаніе и почти что собственное признаніе виновности, то ясно было, что вслѣдъ за этими многообѣщающими цвѣточками скоро созрѣютъ ягодки.

Подозрѣнія противъ Андриюшиной родни сдѣлали свое дѣло. Къ нимъ еврейству смѣло можно было больше не возвращаться...

— Святая женщина, — говорилъ про Александру Приходько въ своей рѣчи защитникъ Бейлиса, г. Грузенбергъ.

— Да, святая, — отвѣтилъ я ему, — но не вамъ, г. Грузенбергъ, это говорить.

Предсѣдатель остановилъ меня.

Мѣсто и время убійства.

Мертвое тѣло Андрюши, послѣ тщетныхъ восьмидневныхъ поисковъ, было обнаружено 20 марта 1911 г. совершенно неожиданно мальчикомъ Элланскимъ. Онъ, играя на Загоровщинѣ съ товарищемъ, залѣзъ въ одну изъ пещеръ, которыхъ тамъ нѣсколько, наткнулся на трупъ и поднялъ тревогу. Безъ этого чисто случайнаго обстоятельства тѣло могло бы еще очень долго пролежать въ пещерѣ, никѣмъ не замѣченное, и разложиться до полной неузнаваемости, до невозможности опредѣлить характеръ и причину смерти.

Входъ въ пещеру сильно покатый, крутой и низкій—аршина въ полтора, такъ что взрослому человѣку надо довольно сильно нагнуться. Внутри нѣсколько выше, до двухъ съ четвертью аршинъ, но темно. Длина пещеры четыре аршина, въ глубинѣ развѣтвленія въ видѣ глубокихъ нишъ направо и налево. Въ лѣвой нишѣ находился трупъ, въ сидячемъ положеніи, со склоненной головой, затынутыми назадъ и связанными бечевкою руками, полураздѣтый—въ рубахѣ, подштанникахъ и одномъ чулкѣ. Другой чулокъ, фуражка, куртка и кожаный кушакъ лежали тутъ же, а надъ головой, въ небольшомъ углубленіи, были всунуты пять тетрадей, въ принадлежности которыхъ Андрюшѣ не могло быть сомнѣнія, въ виду надписей на нихъ: «Ученика пр. класса Андрея Ющинскаго». Кромѣ того, на одной изъ тетрадей было напечатано: «Кіево-Софійское духовное училище». Слѣдовъ крови въ пещерѣ не оказалось: замѣчены были только два кровяныхъ мазка на томъ мѣстѣ стѣны пещеры, къ которому прикасался израненный затылокъ Андрюши. Вообще было очевидно, что мальчикъ убитъ внѣ пещеры и туда уже принесенъ его трупъ въ состояніи трупнаго окоченѣнія. Вскрытіемъ на головѣ, шеѣ и туловищѣ обнаружено 47 ранъ, повлекшихъ почти полное обезкровленіе тѣла. Всѣ раны, въ томъ числѣ проникавшія въ кости черепа, въ мозгъ, разорвавшія крайне чувствительную мозговую оболочку,—нанесены при жизни, когда мальчикъ былъ въ стоячемъ положеніи, острымъ колющимъ орудіемъ, вѣрнѣе всего швайкою—инструментомъ, употребляющимся въ садовой и въ шорной работѣ. Ротъ былъ заткнутъ.

Убийствъ нѣсколько. На фуражкѣ четыре прокола со слѣдами крови. Наоборотъ, въ курткѣ цѣлость ткани нигдѣ не нарушена—мальчикъ, когда его кололи, былъ безъ куртки, полураздѣтъ. Самый актъ убійства продолжался минутъ 15, не меньше. Въ желудкѣ найденъ постный борщъ въ непереваренномъ видѣ—это привело къ выводу, что смерть мальчика послѣдовала не больше, чѣмъ черезъ четыре часа послѣ того, какъ онъ поѣлъ борща. На рубашкѣ, подштанникахъ и курткѣ слѣды глины, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комочки глины, «глиняныя помарки» пропитаны кровью.

Кромѣ вещей, несомнѣнно находившихся въ пещерѣ и несомнѣнно принадлежавшихъ Ющинскому, полиція представила слѣдователю еще предметы, взятые тогда же, при обнаруженіи трупа и возбуждившіе на судѣ очень много разговоровъ. Это были: 1) кусокъ холста, съ частью вышивки красными и черными нитками—повидимому отъ наволочки и 2) двѣ длинныя полоски бумаги съ поперечными проколами, раздѣляющими каждую полосу на шесть неравныхъ частей. На судѣ оказалось весьма важнымъ установить, откуда, собственно, взялась эта бумага и кусокъ холста? Взяты они въ самой пещерѣ, или около пещеры и, въ послѣднемъ случаѣ, близко ли отъ нея? Въ какомъ направленіи? Можно ли считать доказаннымъ, что эти бумага и холстъ принесены убійцами вмѣстѣ съ трупомъ, или же, значительно раньше, ихъ бросилъ тамъ какой-нибудь случайный прохожій?

При изслѣдованіи сихъ обстоятельствъ выяснились порядки, весьма удивительные. Въ слѣдственномъ протоколѣ допроса полицейскихъ чиновъ, явившихся первыми изъ должностныхъ лицъ на мѣсто обнаруженія трупа, читаемъ такое показаніе городского Лещенка:

«Кажется, куски бумаги были найдены не въ самой пещерѣ, а около пещеры, но кто ихъ нашелъ, не знаю... Помню хорошо, что въ карманѣ тужурки (т. е. куртки) я нашелъ обрывокъ какого-то платка или наволочки съ вышивкой, который я обратно положилъ въ карманъ. Оpoznать этотъ кусокъ платка не могу, такъ какъ его не рассматривалъ хорошо».

Такъ показывалъ городской Лещенко, а вотъ что заявляетъ околотоchnый Погорскій. Объяснивъ, что куски бумаги ему далъ кто-то изъ мальчиковъ около пещеры, онъ продолжаетъ: «Те-

Пещера, гдѣ были найдены трупы Андриюши Ющанскаго.

перь я не помню, осматривалъ ли карманы тужурки или нѣтъ; кажется, что осматривалъ, и если въ карманѣ тужурки оказался кусокъ наволочки и у меня записано въ протоколъ, что въ карманахъ тужурки ничего не найдено, то, я думаю, просто по ошибкѣ произошло это, совершенно случайно».

Оба свидѣтеля допрошены слѣдователемъ 14 мая—спустя почти два мѣсяца послѣ обнаруженія трупа. Не нужно имѣть особаго опыта въ слѣдственномъ дѣлѣ, дабы знать, что полицейскій чинъ, чуть не ежедневно «обнаруживающій», составляющій протоколы, участвующій въ актахъ дознанія,—не можетъ черезъ два мѣсяца удержать въ памяти, гдѣ именно были найдены такіе для него, на первый взглядъ, малозначущіе предметы, какъ тряпка, кусокъ бумаги.

И вотъ, съ одной стороны полицейскій протоколъ, составленный сейчасъ же, категорически удостовѣряетъ, что «въ карманахъ тужурки ничего не найдено», а съ другой стороны—почти черезъ два мѣсяца городской «помнить хорошо», что тряпка съ вышивкой, которую, однако, опознать онъ не можетъ, была именно въ карманѣ тужурки. Если бы не столь счастливое напряженіе памяти, то положеніе оказалось бы печальнымъ: въ дѣлѣ вещественное доказательство, неизвѣстно откуда взявшееся! Впрочемъ, относительно бумаги съ проколами такъ и вышло: возстановить къ 14 мая, гдѣ и кто ее нашелъ, оказалось совершенно невозможнымъ.

А между тѣмъ эта бумага и тряпка въ стараніяхъ разбить улики, изобличавшія подсудимаго, играли на судѣ виднѣйшую роль.

Неужели у слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ не было возможности болѣе своевременно допросить полицейскихъ чиновъ, гдѣ и кѣмъ были найдены вещественныя по дѣлу доказательства?!

При разспросахъ на судѣ о первыхъ шагахъ дознанія выяснилась еще одна изумительная подробность: какъ только околоточный и городовые, узнавъ о находкѣ трупа, пришли къ пещерѣ, такъ одинъ изъ нихъ распорядился достать лопату и расчистить отъ снѣга дорогу къ пещерѣ, а затѣмъ выкинуть нѣсколько лопать земли и изъ самаго входа въ пещеру—дабы удобнѣе было пройти ожидавшемуся приставу, тѣмъ болѣе, что приставъ былъ человекъ большой и толстый, а входъ въ пещеру

маленькій. О томъ, что такимъ путемъ уничтожаются, можетъ быть, слѣды преступленія, имѣющіе громадное значеніе, никто не подумалъ.

Разслѣдованіе началось съ замечанія слѣдовъ!

Но если про заматавшаго можно было сказать: о sancta simplicitas! ¹⁾, то заметатели, появившіеся позднѣе, отличались обратными качествами.

Несмотря, однако, на грубые промахи, допущенные съ первыхъ же шаговъ, видъ трупа, данныя вскрытія воспроизводили картину убійства слишкомъ опредѣленную, чтобы отъ ея ужаснаго, неизгладимаго впечатлѣнія можно было отдѣлаться.

По вопросу о томъ, когда и какъ исчезъ Андрюша, Александра Приходько удостовѣрила, что онъ въ субботу, 12 марта 1911 г., какъ обыкновенно, собрался рано утромъ, еще до шести часовъ, въ школу и Александра, передъ уходомъ сына, тоже какъ обыкновенно, дала ему поѣсть—а такъ какъ въ домѣ никакой другой ѣды не было и денегъ тоже не было, то ѣда ограничилась постнымъ борщомъ. Остатки этого борща видѣла черезъ нѣсколько часовъ и Наталья Ющинская, зайдя къ сестрѣ, которая стала ей жаловаться, что нѣтъ денегъ.

Показаніе Александры Приходько подтверждается двумя сосѣдями—Марією и Павломъ Пушками.

Проживавшій рядомъ съ домомъ, гдѣ жили Приходьки, десятилѣтній Павелъ Пушка видѣлъ, какъ мимо него часовъ въ 6 утра, 12 марта, прошелъ, видимо торопясь, Андрюша въ пальто и форменной фуражкѣ съ гербомъ. Сейчасъ передъ тѣмъ сестра Павла Пушки, семнадцатилѣтняя Марья, отправилась продавать капусту на базаръ, расположенный въ Слободкѣ около моста черезъ Днѣпръ.

Согласно показанію Маріи Пушки, только что она пришла въ субботу, 12 марта, на базаръ, какъ мимо, къ мосту, прошелъ Андрюша въ пальто, въ фуражкѣ съ гербомъ и съ большой связкой книгъ въ ремняхъ. Было въ это время пять или десять минутъ седьмого, ибо вышла свидѣтельница изъ дома безъ пяти или безъ десяти шесть, а до базара ходьбы 15—20 минутъ.

Огромная важность этихъ показаній выяснилась потомъ, когда развернулись доказательства, уличавшія Бейлиса, но уже съ первыхъ же шаговъ было ясно, насколько заявленія Маріи

¹⁾ О святая простота!

Пещера гдѣ былъ найденъ трупъ Ющинскаго.

Мѣсто въ заборѣ, гдѣ Вл. Голубевъ видѣлъ послѣ убійства свѣже-выломанную доску.

3

Конюшня и жилое при ней помещеніе на Зайцевскомъ заводѣ (заштрихованъ), сгорѣвшія за три дня до произведеннаго Следователемъ осмотра.

4

Домъ Бейлиса.

5

Домъ, гдѣ жили Чеберяковы.

и Павла Пушки исключаютъ возможность подозрѣвать, что убійство совершено Александрю Приходькою у нея на дому.

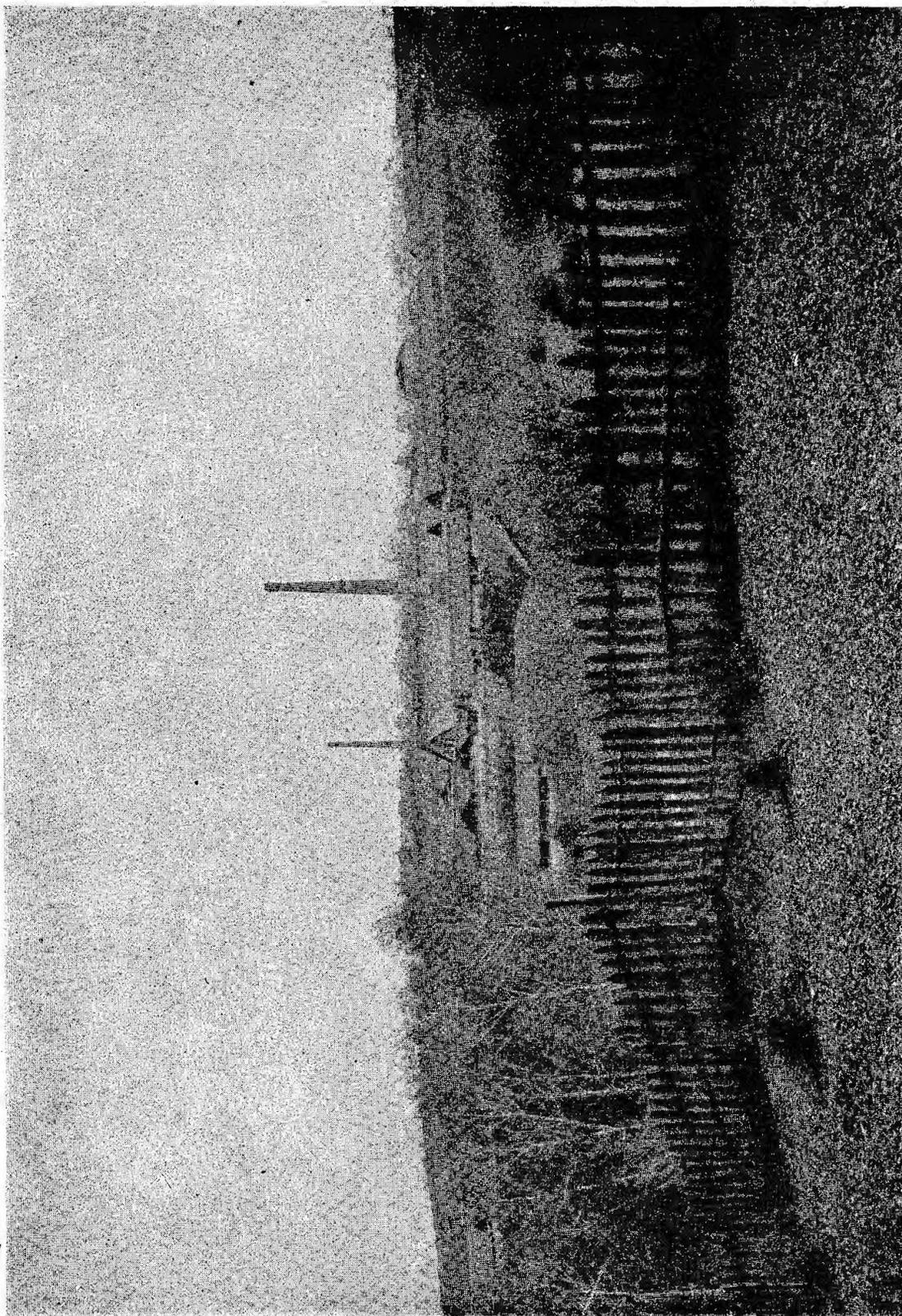
Этого было достаточно, чтобы отношеніе чиновъ Кіевской сыскной полиціи къ приведеннымъ показаніямъ, ни въ чемъ не опороченнымъ, сразу же приобрѣло вполне опредѣленный отпечатокъ.

Показаніе слѣдователю Маріи Пушки заканчивается фразами: «Такъ я рассказывала и агентамъ сыскаго отдѣленія, какъ рассказала вамъ теперь, и если они записали, что я *не помню, въ какую именно субботу Андрюша исчезъ*, то они очевидно меня не поняли и *неверно записали*. Я именно видѣла Андрюшу въ ту субботу, когда онъ въ послѣдній разъ шелъ въ школу. Когда въ Слободкѣ стали говорить, будто бы Андрюшу убила мать, мнѣ прямо было странно и непонятно, какъ мать могла его убить въ ночь на субботу, когда я утромъ въ субботу видѣла Андрюшу, какъ онъ шелъ къ Цѣльному мосту съ книжками».

Еще большее впечатлѣніе произвело заявленіе Павла Пушки, сдѣланное имъ на судѣ, въ отвѣтъ на вопросъ прокурора: «Меня вызвали въ полицію, стали допрашивать и сказали, что, если я буду говорить, что видѣлъ Андрюшу въ субботу утромъ, меня *засадятъ на всю Пасху*».

Послѣ показанія Павла Пушки поднялся одинъ изъ пятирхъ защитниковъ Бейлиса, присяжный повѣренный Зарудный и заявилъ суду протестъ, что «разслѣдуется поведеніе какого-то сыщика». «Я вижу въ этомъ нарушеніе...,—говорилъ господинъ Зарудный,—я прошу не разслѣдовать дѣйствій сыщика».

Но возвращаемся къ интересующимъ насъ фактамъ. Итакъ, въ субботу, 12 марта, Андрюша ушелъ изъ дома невступно въ шесть часовъ утра—минуть за десять, пятнадцать до шести, надѣвъ пальто и завязавъ въ ремни свои книги. Такимъ образомъ, борщъ онъ ѣлъ, приблизительно, въ половинѣ шестого утра, безъ двадцати шести, а убитъ былъ не больше, какъ черезъ четыре часа послѣ этого, т. е., примѣрно, въ половинѣ десятого утра, а если принять во вниманіе, что самый актъ убійства продолжался не меньше 15 минутъ, то во власть убійцы Андрюша попалъ въ четверть десятого—скорѣе раньше, чѣмъ позже. Это исчисленіе, подробно обоснованное, я приводилъ на судѣ въ своей рѣчи и оно рѣшительно ничѣмъ опровергаемо не

Заводъ Зайцева.

было. Расчетъ, повторяю, настолько очевидный и точный, что ошибка можетъ быть не больше, какъ на 15—20 минутъ, и то скорѣе въ сторону болѣе ранняго, чѣмъ болѣе поздняго времени.

Въ Софійское училище Андрюша 12 марта не приходилъ, но свидѣтельскими показаніями Лукьяновскихъ жителей вполне установлено и на судѣ не опровергалось, что въ началѣ девятаго Андрюшу видѣли на Лукьяновкѣ, по Верхне-Юрковской улицѣ, въ компаніи съ его товарищемъ и сверстникомъ Женею Чеберяковымъ.

Андрюша отправился туда, гдѣ онъ жилъ раньше, гдѣ у него остался товарищъ и сверстникъ. Тамъ его видѣли за часъ до того, какъ онъ попалъ во власть убійць...

Что же представляетъ изъ себя Лукьяновка и кто такой Женья Чеберяковъ?

Значительную часть окраины Кіева, называемую Лукьяновкою, занимаетъ кирпичный заводъ Зайцевыхъ. Подъ заводской усадьбой находится огромная площадь свыше десяти десятинъ, добрая половина которой представляетъ пустынную и мрачную мѣстность, пересѣченную оврагами и покрытую зарослями. Основатель завода—очень богатый и очень набожный, благочестивый еврей стараго склада, Іойна Мордковъ Зайцевъ, умеръ лѣтъ за восемь до описываемыхъ событій, завѣщавъ главную часть заводскихъ доходовъ—а они въ благопріятное время достигали двадцати пяти тысячъ рублей въ годъ—еврейскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, которыя основывались тутъ же, на заводской землѣ. Особый комитетъ, большинство членовъ котораго должно было принадлежать къ потомкамъ Зайцева, стоялъ во главѣ дѣла, распорядился его хозяйственной частью. Въ той сторонѣ завода, которая выходила на Кирилловскую улицу, была построена еврейская богадѣльня и еврейская хирургическая больница—ей, юридически, и принадлежалъ кирпичный заводъ съ его землею и постройками. Тутъ же, на Кирилловской улицѣ, стоялъ домикъ управлявшаго заводомъ Хаима Дубовика. Противоположная сторона, очень отдаленная, ибо, какъ упомянуто, всего заводская земля обнимала десять десятинъ,—выходила на Верхне-Юрковскую и Нагорную улицы. По Верхне-Юрковской былъ домъ, занятый заводскимъ приказчикомъ Менахилемъ—Менделемъ Бейлисомъ и его семействомъ. Бейлисъ завѣдывалъ погрузкою и отпускомъ кирпича. Въ подвальномъ помѣщеніи того

же дома жили заводскіе рабочіе. Когда лѣтомъ кирпичныя работы были въ разгарѣ, этихъ рабочихъ пріѣзжало много, съ лошадьми и подводами, изъ Кіевской, Черниговской и даже Могилевской губерній. Работали они сдѣльно. Зимой же и раннею весною, когда строительныхъ работъ еще не было, на заводѣ оставалось человекъ пять постоянныхъ рабочихъ, работавшихъ поденно. На пространствѣ между Верхне-Юрковской и Нагорной улицей съ одной стороны и Кирилловской съ другой, были расположены двѣ громадныя печи для обжиганія кирпичей, рядъ навѣсовъ для ихъ просушки и, ближе къ Верхне-Юрковской и Нагорной улицамъ, нѣсколько мялъ — приспособленій для растиранія глины, гдѣ по кругу вращается прикрѣпленное по серединѣ его бревно. Этими мялами очень любили пользоваться для катанія окрестныя дѣти, садясь на вращающіяся бревна. Почти посерединѣ описываемаго пространства, около огромныхъ обжигательныхъ «гоффманскихъ» печей, было выстроено на краю обрыва длинное деревянное помѣщеніе, большая часть котораго служила конюшней, а меньшая, вполне пригодная для жилья, шорной мастерской; и въ той и въ другой особенная надобность была, разумѣется, въ то время, когда работы шли уже полнымъ ходомъ, когда на заводѣ скоплялось много лошадей и постоянно требовалась починка упряжи. Тутъ же, вдоль помѣщенія для конюшни и шорной, совсѣмъ близко отъ нихъ, тянулся сарайчикъ. И то, и другое впоследствии «сгорѣло отъ неизвѣстной причины». Третья сторона завода, между Нагорной и Кирилловской улицами, особенно глухая и овражистая, примыкала вплотную къ необитаемой мѣстности, называемой Загоровщиной, гдѣ въ пещерѣ нашли мертвое тѣло Андруши. Отъ пещеры до заводскихъ воротъ на Нагорной улицѣ 366 шаговъ, согласно измѣренію, сдѣланному слѣдователемъ при мѣстномъ осмотрѣ. По прямой кратчайшей линіи отъ пещеры до заводской границы разстояніе еще короче — вѣроятно, отъ 250 до 300 шаговъ, никакъ не больше. Кромѣ воротъ по Нагорной улицѣ, одни заводскія ворота расположены на Кирилловской, другія на Верхне-Юрковской — послѣднія рядомъ съ домомъ Бейлиса. Что касается Нагорной, то она совершенно безлюдна, идетъ пустырями, отгороженными отъ нея заборами. Однимъ концомъ Нагорная улица упирается въ Загоровщину, причемъ густыя заросли этого урочища ничѣмъ отъ нея не отдѣлены; другимъ концомъ въ Половецкую улицу. Все это разстояніе отъ Заго-

ровщины до Половецкой занимаетъ шаговъ триста. Половецкая улица, соединяющая Нагорную съ Верхне-Юрковской, еще короче—въ ней 114 шаговъ.

Здѣсь расположена усадьба Захарченки, выходящая одною стороною на Половецкую улицу, другою—на Верхне-Юрковскую (въ которую Половецкая упирается почти подъ прямымъ угломъ) и третью стороною примыкающая къ заводской землѣ. Тамъ, гдѣ усадьба выходитъ на Верхне-Юрковскую, построены фасадомъ на эту улицу двухэтажный домъ. Первый этажъ отведенъ подъ винную лавку и квартиру сидѣлицы Малипкой; во второмъ этажѣ двѣ квартиры—одну занимали Чеберяковы, другую рядомъ—семья чиновника Балавина. Кромѣ этого дома, тутъ же на дворѣ расположенъ еще жилой флигель. Площадь усадьбы небольшая—въ длину 105 шаговъ, въ ширину гораздо меньше. Отъ дома, гдѣ жили Чеберяковы, до дома, гдѣ жилъ Бейлисъ—шаговъ сто вдоль Верхне-Юрковской улицы.

Семья Чеберяковыхъ состояла изъ мужа, Василя Чеберякова, телеграфнаго чиновника, жены его Вѣры и трехъ дѣтей: одиннадцатилѣтняго (въ 1911 г.) сына Евгенія (Жени), дочерей Людмилы (Люды) 8 лѣтъ и Валентины (Вали) 6 лѣтъ.

Приходьки жили на Лукьяновкѣ почти рядомъ съ Чеберяковыми, и Андрюша очень подружился съ Женей. До переѣзда Андрюши на Слободку, они часто и вдвоемъ, и вмѣстѣ съ Жениными сестрами, и съ другими дѣтьми ходили кататься на заводскія мяла.

Таковы, пока въ самыхъ общихъ чертахъ, свѣдѣнія о времени убійства, о мѣстности, гдѣ былъ найденъ трупъ Андрюши и гдѣ Андрюшу видѣли за часъ до убійства. Казалось бы, не надо обладать какими-то особенными розыскными способностями, дабы понять, что съ первыхъ же шаговъ надлежало сосредоточить розыски въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, подвергнуть самому тщательному изслѣдованію Зайцевскій заводъ и его обитателей; во-вторыхъ, добиться отъ одиннадцатилѣтняго Жени Чеберякова, чтобы онъ, искренне и правдиво, рассказалъ все, что знаетъ объ Андрюшѣ.

Это было настолько ясно и очевидно, что даже семидесятилѣтняя Олимпиада Нѣжинская говорила сыщикамъ, такъ трудившимся на Слободкѣ:

— Что вы здѣсь шукаете, вы бы шукали тамъ, гдѣ люди его нашли.

Это было, при желаніи, настолько возможно, что студенту университета Владиміру Голубеву, начавшему разспрашивать того—другого на Лукьяновкѣ, Женья Чеберяковъ сказалъ (и это впоследствии вполне подтвердилось), что въ то утро, какъ исчезъ Андрюша, они, Женья и Андрюша, были вмѣстѣ на Верхне-Юрковской улицѣ. А затѣмъ тотъ же Женья на вопросахъ началъ отмалчиваться, отъ всего отпираться и давать явно придуманныя показанія.

Для того, чтобы сразу же вести изслѣдованіе въ направленіи Лукьяновки, Жени Чеберякова и особенно—Зайцевскаго завода, заводскихъ жидовъ—не нужно было «вѣрить въ ритуальныя убійства», или «не вѣрить въ ритуальныя убійства», «считать убійство Ющинскаго ритуальнымъ», или не считать его ритуальнымъ. Надлежало лишь тщательно и вдумчиво идти шагъ за шагомъ въ томъ направленіи, которое ясно намѣчалось несомнѣнными данными, вытекавшими изъ сопоставленія времени убійства, мѣста, гдѣ нашли трупъ Андрюши, и мѣста, гдѣ видѣли Андрюшу послѣдній разъ.

Гдѣ могли убить мальчика въ десятомъ часу утра? Откуда могли протащить его трупъ въ пещеру на Загоровщинѣ? Всякій безпристрастный разслѣдователь, внимательно ознакомившійся съ мѣстностью, долженъ былъ отвѣтить совершенно независимо отъ вопроса о ритуалѣ: насколько легко и удобно было это сдѣлать, по условіямъ мѣстности, въ одномъ изъ помѣщеній обширнаго Зайцевскаго завода, настолько трудно гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Конечно, такой выводъ былъ пока недостаточенъ для непрекаемаго утвержденія, что убійство совершено на заводѣ, но онъ уже обязывалъ всѣ силы розыска обратить именно на заводъ.

Непосредственное впечатлѣніе, разумѣется, гораздо сильнѣе всякаго описанія. И вотъ, когда судъ въ полномъ составѣ, съ присяжными, экспертами, чинами полиціи, нѣкоторыми свидѣтелями, подсудимымъ, сопровождаемый многочисленными корреспондентами, прибылъ на мѣстный осмотръ завода, одинъ изъ шедшихъ впереди меня, дѣятель, не принадлежавшій къ составу «сторонъ», очень сдержанный и старавшійся составить самый безпристрастный и самостоятельный взглядъ, не могъ удержаться отъ невольнаго замѣчанія: «Да здѣсь не то, что Ющинскаго, а сорокъ человѣкъ можно зарѣзать такъ, что ни-

кто не увидитъ». То же самое по мысли замѣчаніе, но, конечно, высказанное различными выраженіями, я слышалъ затѣмъ тутъ же, на осмотрѣ, отъ шести-семи лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія, по мѣрѣ того, какъ мы заглядывали во внутренность огромныхъ обжигательныхъ печей, ходили между навѣсами, заполненными сохнувшимъ кирпичомъ и созерцали на краю оврага то мѣсто, гдѣ помѣщалась конюшня и шорная, столь неожиданно сгорѣвшія.

Возможно ли было съ заводской земли принести трупъ напрямикъ въ пещеру, минуя заводскія ворота и Нагорную улицу? Если обратиться къ плану, то окажется, что между пещерой, расположенной на землѣ Бернера, и заводомъ лежатъ цѣлыхъ три усадьбы—Соколовскаго, Лубенскаго и Марра. Въ дѣйствительности, однако, перечисленные усадебныя мѣста представляютъ длинныя и узкія полосы земли, тянущіяся отъ Нагорной къ Кирилловской, покрытыя зарослями и липенныя какихъ-либо построекъ или искусственныхъ насажденій. Только въ самомъ концѣ этихъ полосъ, внизу, на Кирилловской, внѣ пространства, насъ интересующаго и въ значительномъ отъ него отдаленіи, были кое-какія постройки. Между пещерой, расположенной на землѣ Бернера, и полосокъ земли, принадлежащею Соколовскому, не было никакихъ преградъ: согласно акту слѣдственнаго осмотра отъ 7 мая 1911 г. граница обозначена лишь рѣдкими столбиками. Далѣе, между землею Соколовскаго и полоскою слѣдующаго владѣльца, Лубенскаго, выстроены заборъ, но, согласно осмотру, «во многихъ мѣстахъ доски забора отсутствуютъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣтъ и самаго забора». Однако, отъ земли слѣдующаго владѣльца, Марра, земля Лубенскаго отдѣлена заборомъ болѣе крѣпкимъ и, наконецъ, есть заборъ между полоскою Марра и примыкающею къ ней заводской землею.

Такимъ образомъ, если отъ пещеры идти къ заводу напрямикъ (меньше 300 шаговъ!), то препятствій два: во-первыхъ, заборъ между землею Лубенскаго и землею Марра, во-вторыхъ, заборъ между землею Марра и землею, принадлежащею заводу. Оба забора изъ досокъ, поставленныхъ стоймя, вертикально.

По поводу состоянія этихъ заборовъ въ то время, когда было обнаружено убійство, весьма важное показаніе далъ Голубевъ. Будучи дѣятельнымъ членомъ общества патріотической молодежи «Двуглавый Орелъ» и чрезвычайно интересуюсь ха-

ракторомъ убійства, онъ, Голубевъ, ходилъ на Лукьяновку, разспрашивалъ, наблюдалъ, изучалъ прилегающую къ пещерѣ мѣстность и обратилъ вниманіе, что въ заборѣ, отдѣляющемъ полосу Лубенскаго отъ полосы Марра, одна доска была сорвана и затѣмъ снова прибита изнутри новыми гвоздями, рѣзко отличавшимися по своему свѣжему виду и отсутствію ржавчины отъ сосѣднихъ гвоздей. Объ этомъ Голубевъ немедленно, въ первыхъ же числахъ апрѣля, сказалъ Мищуку, которому еще не имѣлъ основаній тогда недовѣрять. Черезъ нѣкоторое время Голубевъ привелъ на это мѣсто своего товарища, Пащенко, показалъ свое открытіе, но увидѣлъ, что, кромѣ одной свѣже забитой доски, бывшей раньше, вокругъ цѣлый рядъ новыхъ досокъ и, такимъ образомъ, заборъ вообще имѣетъ видъ недавно починеннаго, тогда какъ въ первый разъ никакихъ слѣдовъ общей починки не было, а было лишь одно отверстіе, только что недавно задѣланное.

Послѣ того, какъ Голубевымъ было сообщено объ этомъ въ своемъ показаніи судебному слѣдователю Фененкѣ, Слѣдователь, 7 мая 1911 г., произвелъ осмотръ мѣстности, прилегающей къ пещерѣ.

Согласно протоколу осмотра, въ заборѣ, отдѣляющемъ землю Лубенскаго отъ земли Марра, вставлено шесть новыхъ досокъ. Присутствовавшій при осмотрѣ свидѣтель Голубевъ указалъ въ верхней части забора половину отломанной доски, заявивъ, что именно объ этомъ заборѣ и объ этой доскѣ онъ говорилъ въ своемъ показаніи. Отверстіе въ заборѣ, черезъ которое можно было свободно пролѣзть человѣку, оказалось задѣланнымъ новой доской. Нѣсколько выше въ заборѣ оказались вставленными новыя 12 досокъ. По объясненію присутствовавшаго при осмотрѣ Самофалова, заявившаго, что въ усадьбѣ онъ живетъ уже 30 лѣтъ, заборъ Марру каждой весной приходится исправлять, вставляя новыя доски, такъ какъ въ разное время года доски неизвѣстными лицами похищаются для топлива. Всѣ новыя доски въ этомъ заборѣ вставлены послѣ Пасхи, до Пасхи же имѣлись дыры, черезъ которыя свободно можно было проходить.

Далѣе, о другомъ заборѣ, идущемъ между полосой Марра и заводскою землею, въ протоколѣ значится:

«Усадьба Марра отдѣляется отъ усадьбы наследниковъ Зайцева досчатымъ заборомъ, онъ принадлежитъ Марру и ремонтируется послѣднимъ. Въ заборѣ этомъ отверстій не имѣется. Длина его болѣе 200 шаговъ».

Въ концѣ протокола приписка:

«Присутствовалъ при осмотрѣ и присовокупляю, что въ заборъ усадьбы Марръ, прилегающему къ усадьбѣ Зайцева, отверстія имѣются. Владиміръ Голубевъ».

Можно относиться различно къ тому, насколько важное значеніе имѣло подозрительное обстоятельство, замѣченное и удостоверяемое Голубевымъ; можно спорить, дѣйствительно ли свидѣтельствуется имъ видѣнное, что кто-то пролѣзаль черезъ заборъ, отодралъ для этого доску и затѣмъ постарался скрыть слѣды своего пролѣзанія, но представляется несомнѣннымъ, что заборъ, отдѣлявшій землю Лубенскаго отъ земли Марра, не могъ быть серьезною помѣхою для того, чтобы пройти съ завода Зайцева напрямикъ къ пещерѣ. Не лишнее упомянуть, что мѣсто, гдѣ, согласно указанію Голубева, была выломана и вновь прибита доска, находится почти на прямой линіи между пещерой и сгорѣвшимъ впоследствии строеніемъ съ конюшней и шорной. Уклоненіе будетъ шаговъ въ десять—пятнадцать.

Остается, слѣдовательно, лишь вопросъ о заборѣ между землею Марра и заводомъ, какъ о единственномъ препятствіи, которое могло помѣшать въ томъ случаѣ, если трупъ несли съ завода въ пещеру — и не черезъ ворота и Нагорную улицу, а по направленію болѣе короткому и еще болѣе глухому, напрямикъ.

По отношенію къ этому препятствію въ протоколѣ судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ находимъ удивительныя вещи. Сначала удостоверяется, что въ заборѣ, длиною свыше 900 шаговъ, отверстій не имѣется. Замѣчательно крѣпкій, исправный заборъ! Но въ концѣ протокола приписка: «Въ заборѣ отверстія имѣются. Владиміръ Голубевъ». О томъ, носитъ ли заборъ слѣды недавняго ремонта, свѣжихъ починокъ—подобно другому, сосѣднему забору, принадлежащему тому же Марру—ничего не сказано.

По поводу сдѣланной имъ приписки Голубевъ на судѣ, подъ присягой, удостоверялъ, что слѣдователь протокола на мѣстѣ не составлялъ, а дѣлалъ лишь для себя замѣтки и самъ забора, о которомъ идетъ рѣчь, не измѣрялъ, а послалъ туда го-

Владимиръ Толубевъ

родовыхъ, со словъ которыхъ и заносилъ себѣ различныя отмѣтки. Весь осмотръ продолжался 35—40 минутъ. На четвертый или пятый день слѣдователь вызвалъ Голубева для подписанія уже изготовленнаго протокола. Прочтя его, Голубевъ заявилъ слѣдователю, что въ протоколѣ ошибка—написано, что въ заборѣ нѣтъ дыръ, тогда какъ дыры есть. Слѣдователь отвѣтилъ: «Я не помню». Теперь, подъ присягой, онъ, Голубевъ, категорически утверждаетъ, такъ же, какъ и тогда, что видѣлъ въ заборѣ отверстіе, вполне достаточное, чтобы пролѣзть человѣку.

Послѣ долгаго перекрестнаго допроса, эту часть показанія Голубева предсѣдатель резюмировалъ присяжнымъ такимъ образомъ:

Голубевъ относительно забора говоритъ, что онъ его внимательно осматривалъ и отвергаетъ то, что написалъ въ своемъ протоколѣ слѣдователь. Онъ говоритъ, что слѣдователь или не обратилъ вниманія на дыру, или, по забывчивости, написалъ, что дыры нѣтъ, но онъ, Голубевъ, своею подписью удостовѣрилъ, что дыра тамъ была. Когда Голубевъ обратилъ вниманіе на это слѣдователя, то тотъ ему сказалъ: «Если помните, что дыры были, то сдѣлайте надпись».

Показанія Голубева производили на судѣ такое впечатлѣніе, что въ ихъ безусловной правдивости не рѣшились усумниться даже защитники Бейлиса, несмотря на всю опасность этихъ показаній для подсудимаго. Въ частности, приведенный эпизодъ, какъ и все остальное, сейчасъ же сдѣлался достояніемъ самой широкой гласности, однако, утвержденія Голубева никѣмъ не опровергались. Далѣе, онъ указалъ, что заборъ, о коемъ рѣчь, мѣстами идетъ по сильному косогору, а слѣдовательно тамъ, помимо отверстій въ самомъ заборѣ, очень легко подлѣзть подъ него—въ этомъ на осмотрѣ мы всѣ могли убѣдиться, проходя мимо заборовъ, построенныхъ по крутымъ склонамъ.

Свидѣтель Павелъ Панчукъ, служившій на заводѣ дворникомъ со стороны Кирилловской улицы, допрошенный 2 октября 1911 г. тѣмъ же слѣдователемъ Фененкою, удостовѣрилъ ему, что, несмотря на окружающій заводскую усадьбу заборъ, даже послѣ ремонта этого забора, произведеннаго осенью 1910 г., «проникнуть на заводъ было легко, такъ какъ подъ заборомъ можно было прорыть землю и черезъ образовавшееся отверстіе

пролѣзть въ заводъ. Такъ поступали обыкновенно мальчики. Въ заводѣ ихъ всегда очень много гуляетъ. Гуляли мальчики зимой, и въ мартѣ мѣсяцѣ передъ Пасхой (1911 г.), и послѣ Пасхи».

На судѣ, подтверждая это показаніе, Панчукъ добавилъ, что самъ, пользуясь обваломъ земли, неоднократно пролѣзалъ съ завода на Лукьяновку, въ «винополию»,—пролѣзть можно было свободно.

Постоянный заводскій рабочій Иванъ Дыкуша, проживавшій также, какъ и Панчукъ, въ помѣщеніи, выходившемъ на Кирилловскую улицу, удостовѣрилъ слѣдователю, что «деревянные заборы въ усадьбу Марра и дальше къ Бернеру тогда (въ Великій постъ 1911 г.) были почти въ разрушенномъ видѣ въ разныхъ мѣстахъ, такъ что съ завода Зайцева свободно можно было пройти въ указанные усадьбы, не перелѣзая черезъ заборъ, такъ какъ въ заборѣ были дыры».

То же самое подтвердилъ свидѣтель и въ судѣ на перекрестномъ допросѣ.

Такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться, что и послѣднее препятствіе—заборъ между землею заводскою и Марра въ дѣйствительности не могъ служить препятствіемъ, если трупъ несли отъ завода къ пещерѣ.

Но необходимо сказать нѣсколько словъ о другомъ,—о томъ способѣ, которымъ составлялъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко протоколъ осмотра отъ 7 мая 1911 г. Если даже оставить въ сторонѣ объясненіе Голубева, то возникаетъ вопросъ, какъ могъ слѣдователь сначала удостовѣрить, что отверстій въ заборѣ нѣтъ, а потомъ допустить приписку, что отверстія есть. Одно изъ двухъ. Если свидѣтель настаивалъ на припискѣ по недоразумѣнію, по ошибкѣ или по злему умыслу, то слѣдователь былъ обязанъ немедленно принять мѣры, чтобы ошибка, недоразумѣніе были устранены, а злой умыселъ обнаруженъ. Онъ долженъ былъ сейчасъ же предложить свидѣтелю показать, гдѣ тѣ отверстія, о которыхъ онъ говоритъ, и затѣмъ, провѣривъ вмѣстѣ съ понятыми утвержденія свидѣтеля, или уличить *его* въ ошибкѣ, даже въ недобросовѣстности, или сознаться *самому въ своей* ошибкѣ и ее исправить. Оставить въ протоколѣ осмотра и свое, слѣдовательское, утвержденіе и заявленіе приглашеннаго на осмотръ свидѣтеля о противоположномъ; не примирить, не устранить, не разъяснить такого вопію-

щаго противорѣчія—это значитъ свести на нѣтъ весь осмотръ, подрывать довѣріе и къ своему слѣдственному акту и къ показанію ничѣмъ не опороченнаго свидѣтеля. Этого мало. Азбука слѣдственнаго дѣла гласитъ, что въ протоколы осмотровъ нельзя включать свидѣтельскихъ показаній. Начинающему участковому слѣдователю извѣстно, какія процессуальныя затрудненія и путаницу вплоть до полного опороченія всего протокола осмотра можетъ влечь такое смѣшеніе. Между тѣмъ, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ вдругъ вдвигаетъ въ протоколъ осмотра рассказъ нѣкоего Самофалова, являющійся чистѣйшимъ свидѣтельскимъ показаніемъ, и при этомъ такого лица, которое не поставлено въ необходимыя для свидѣтельскаго показанія условія, даже не предупреждено о присягѣ (по 443 ст. у. у. с.).

Поневолѣ приходится загромождать изложеніе этими специальными техническими подробностями, дабы меня не упрекнули въ пристрастности и бездоказательности того, весьма важнаго для меня, вывода, которому я дамъ подтвержденія и въ дальнѣйшемъ—что слѣдствіе г. Фененко было произведено чрезвычайно неумѣло и съ грубыми промахами.

Осмотръ мѣстности, прилегающей къ пещерѣ и къ землѣ Бернера, предпринятъ только 7 мая, т. е. черезъ полтора мѣсяца послѣ приступа къ слѣдствію, тогда какъ здѣсь былъ важенъ каждый день. Но даже и 7 мая осматривали очень поверхностно—о заводскихъ помѣщеніяхъ сказано въ протоколѣ осмотра въ самыхъ общихъ чертахъ, а про постройку, гдѣ была конюшня и шорная, не упомянуто вовсе. Лишь на 13 октября слѣдователь назначилъ подробный осмотръ всѣхъ помѣщеній завода—но тогда, 10 октября, помѣщеніе для конюшни и шорной, вмѣстѣ съ вытянувшимся противъ нихъ сарайчикомъ, вдругъ сгорѣло отъ неизвѣстной причины...

III.

Дѣянія Мищука.

Потративъ достаточно времени на изслѣдованіе того, не убили ли Андриюшу на Слободкѣ его родственники, какъ богатаго наслѣдника, руководившіе розысками чины Кіевской полиціи и журналисты изъ «Кіевской Мысли» перешли на слѣдую-

щую позицію, на версію о томъ, что Андрюшу убили воры не то съ цѣлью избавиться отъ доносчика, не то въ намѣреніи «поддѣлать ритуальное убійство», чтобы вызвать погромъ, а на погромѣ поживиться еврейскимъ добромъ.

Починъ рѣшительныхъ дѣйствій въ семь направленіи принадлежалъ Мищуку. Положеніе его въ это время было уже сильно поколебленнымъ. Руководство розысками все больше и больше забиралъ въ свои руки дѣйствовавшій гораздо тоньше и умнѣ Красовскій. Хотя, въ конечномъ счетѣ, и тотъ и другой работали во славу іудейства, но отношенія между ними, на почвѣ соревнованія, конкуренціи, становились все враждебнѣе. Въ такомъ положеніи, понимая, что не сегодня-завтра его окончательно устранятъ отъ розысковъ, Мищукъ рѣшилъ идти напроломъ. 25 августа 1911 г. онъ по телефону торжественно сообщилъ судебнымъ властямъ, что убійство Ющинскаго раскрыто, что вещественныя доказательства, не оставляющія въ томъ сомнѣнія, только что обнаружены имъ, Мищукомъ. Немедленно пріѣхавшія на мѣсто этого обнаруженія судебныя власти застали Мищука на Татарской улицѣ, выходящей на Верхне-Юрковскую, причемъ сыскные агенты уже успѣли на склонѣ Юрковской горы выкопать мѣшокъ съ вещественными доказательствами. По удостовѣренію судебного слѣдователя Фененки, Мищукъ велъ себя до невозможности вызывающе, почти не давалъ говорить прокурору суда и съ побѣдоноснымъ видомъ заявлялъ, что «ритуальныхъ убійствъ въ двадцатомъ вѣкѣ не бываетъ».

Въ мѣшкѣ, откопанномъ на Юрковской горѣ, оказалась куча угля, кусочки обгорѣвшей матеріи и бумаги, пуговица, крючокъ отъ брюкъ, подтяжки, два шила, а также неповрежденные огнемъ клочки записокъ. Въ нихъ былъ обозначенъ адресъ Романюка по Татарской улицѣ, упоминались фамиліи Кучеренко, Цупенко, имена «Миша», «Вѣра». Восстановить полностью текстъ записокъ нельзя было, но изъ содержанія отдѣльныхъ фразъ слѣдовало, что Миша и Цупенко приглашаютъ Кучеренка къ Вѣрѣ по очень важному дѣлу.

Такимъ образомъ все становилось яснымъ: убійцы закопали, во-первыхъ, орудія преступленія—два шила, во-вторыхъ, личное—тѣ вещи Ющинскаго, которыхъ не оказалось въ пещерѣ: тамъ нашли чулки, подштанники, рубашку, куртку, поясъ, фуражку и тетради. Слѣдовательно, нехватало башмаковъ, брюкъ,

подтяжекъ, пальто и книгъ. Обгорѣвшіе остатки именно этихъ предметовъ и были найдены талантливыми сыщиками на Юрковской горѣ. Наконецъ, въ-третьихъ, неосторожные преступники сунули туда же и свои записки, правда, полууничтоженные, въ клочкахъ, но сохранившія какъ разъ то, что надо: имена, фамиліи, адресъ.

Поддѣлка, фальсификація сихъ вещественныхъ доказательствъ обнаружилась очень скоро. Врачи-эксперты единогласно и категорически удостовѣрили, что найденными въ Юрковской горѣ шилами невозможно нанести уколы, обнаруженные на тѣлѣ Ющинскаго. Такъ какъ брюки у Андриюши были «казенныя», выданныя изъ училища, то не представило особаго труда выяснить, изъ какого сукна онѣ были сшиты, и оказалось, что это сукно совершенно не подходитъ къ тѣмъ обгорѣлымъ кускамъ, которые были въ мѣшкѣ. Къ довершенію конфуза, родственники Андриюши удостовѣрили, что, хотя у него были подтяжки, но онъ ихъ никогда не носилъ и 12 марта тоже ушелъ безъ подтяжекъ, которыя остались дома и по требованію Следователя были ему предъявлены.

Очень недавнее находеніе въ землѣ откопаннаго Мищукомъ мѣшка явствовало изъ того, что никакой плѣсени на немъ не обнаружено, между тѣмъ уголь и находившіеся среди угля предметы, а также прилегающая часть мѣшка были сильно влажны, повидимому смочены водой. Другія части мѣшка суховаты. Найти въ горѣ мѣшокъ посчастливилось Мищуку сразу — земля была вскопана лишь въ одномъ мѣстѣ, и то очень неглубоко. Столь же удачно обнаружили въ мѣшкѣ клочки подозрительныхъ записокъ: по удостовѣренію прокурора Кіевского окружнаго суда, въ его присутствіи одинъ изъ сыскныхъ агентовъ вдругъ, безъ всякой видимой надобности, принялся развязывать мѣшокъ, даже не давая отвѣта на вопросъ его, прокурора, зачѣмъ это дѣлается. Проворно развязавъ мѣшокъ, агентъ сразу засунулъ руку въ одинъ изъ угловъ мѣшка и досталъ оттуда изорванную записку съ фамиліями.

По объясненію Мищука, о находеніи въ горѣ мѣшка сообщилъ ему нѣкій Кушниръ, заявивъ, что убійство Ющинскаго совершено ворами, которые, «симулируя его ритуальнымъ», преслѣдовали этимъ цѣль вызвать еврейскій погромъ, и что въ убійствѣ участвовали Кучеренко, Цупенко, Вѣра Чеберякова и Романиукъ, котораго Мищукъ ко времени откапыванія мѣшка

уже успѣлъ арестовать. «Когда Кушниръ сталъ передавать такія подробности убійства, изъ которыхъ можно было думать, что Кушниръ или самъ присутствовалъ при этомъ, или получилъ свѣдѣнiя отъ непосредственныхъ виновниковъ»,— такъ значится въ одномъ изъ позднѣйшихъ показанiй Мищука,— «то я спросилъ Кушнира, откуда все это ему извѣстно. Кушниръ отвѣтилъ, что видѣлъ все это во снѣ. Во всякомъ случаѣ Кушниръ произвелъ на меня такое впечатлѣнiе, что я вполне повѣрилъ въ правильность сообщаемыхъ имъ свѣдѣнiй».

Далѣе, Мищукомъ было представлено письмо Кушнира, гдѣ сообщается, что Кучеренко, Цупенко, Романюкъ и Чеберякова, рѣшивъ убить передъ еврейской пасхой какого-нибудь мальчика, исполнили это въ домѣ Романюка, на Лукьяновкѣ; выборъ ихъ палъ на Ющинскаго, вещи котораго послѣ убійства они зарыли въ Юрковской горѣ.

Изъ ближайшихъ помощниковъ Мищука, сыскной агентъ Смоловикъ показалъ, что Кушниръ—это «подсѣвайло», т. е. воръ, выдающiй дѣла своихъ прiятелей, а другой агентъ, Падалка, заявилъ, что подсѣвайло Кушниръ по профессiи барышникъ и кражами, насколько ему, Падалкѣ, извѣстно, не занимается, недавно только онъ попался въ покупкѣ краденыхъ вещей и за это высидѣлъ въ тюрьмѣ.

Что касается самого Кушнира, допрошеннаго по особому дѣлу о Мищукѣ въ качествѣ свидѣтеля нѣсколько разъ, то, согласно одному изъ этихъ показанiй, ему, Кушниру, Падалка и Смоловикъ сказали, что убійство Ющинскаго совершено ворами Кучеренкой и Цупенкой, при участiи Чеберяковой, въ домѣ Романюка на Лукьяновкѣ, чтобы вызвать еврейскiй погромъ. Тогда же Падалка далъ ему, Кушниру, готовое и запечатанное въ конвертѣ заказное письмо съ адресомъ на имя Мищука, добавивъ, что, если онъ, Кушниръ, хочетъ, то можетъ распечатать письмо, переписать своей рукой и отослать изъ мѣстечка Хмѣльника по адресу, а готовое уничтожить. Однако, онъ, Кушниръ, по прiѣздѣ въ Хмѣльникъ отправилъ Мищуку, даже не распечатывая, то письмо, которое получилъ отъ Падалки. Въ Хмѣльникѣ велѣлъ ему ѣхать Мищукѣ, сказавъ, что тамъ, въ паркѣ, онъ, Кушниръ, встрѣтитъ человѣка, отъ котораго узнаетъ, какъ былъ убитъ Ющинскiй, и тѣмъ для Кушнира откроется возможность въ послѣдствiи, подъ присягой, передать рассказъ того неизвѣстнаго человѣка. Дѣйствительно, въ Хмѣльникѣ, ве-

черомъ, въ паркѣ, Кушниръ встрѣтилъ незнакомца, который, заговоривъ съ нимъ о дѣлѣ Ющинскаго, рассказалъ почти слово въ слово то, что говорили раньше Смолоникъ съ Падалкою, и сообщилъ, что вещи убитаго закопаны въ Юрковской горѣ.

Впослѣдствіи это свое показаніе Кушниръ измѣнилъ въ томъ смыслѣ, что письмо Мищуку написано имъ, Кушниромъ, собственноручно.

Экспертиза письма не дала по этому вопросу вполне опредѣленнаго результата, ибо составилось два мнѣнія: одно — что письмо написано Кушниромъ, другое — что инымъ лицомъ, поддѣлывавшимся подъ почеркъ Кушнира.

Въ Мищуковскихъ дѣяніяхъ былъ усмотрѣнъ судебными властями должностной подлогъ, и Мищукъ, Падалка, Смолоникъ были преданы суду. Кіевская судебная палата, однако, оправдала подсудимыхъ, но Сенатомъ приговоръ этотъ былъ отмѣненъ и дѣло передано въ Харьковскую судебную палату. Ея приговоромъ Мищукъ, Падалка и Смолоникъ, за должностной подлогъ, были приговорены къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и отданы въ исправительныя арестантскія отдѣленія на одинъ годъ каждый. Кассационныя жалобы подсудимыхъ были оставлены Сенатомъ безъ послѣдствій. Приговоръ вступилъ въ законную силу и въ отношеніи Падалки и Смолоника приведенъ въ исполненіе безъ замедленій. Что касается Мищука, то онъ скрылся и, будучи вызванъ на судъ по дѣлу Ющинскаго въ качествѣ свидѣтеля, не явился, а повѣстка ему оказалась неврученной за нерозыскомъ.

Производившій по дѣлу розыски начальникъ сыскаго отдѣленія, котораго самого ищутъ, но розыскать не могутъ! Въ какомъ другомъ дѣлѣ фигурировали подобные персонажи?

Еврействующія газеты старательно упирали на то, что первымъ приговоромъ, хотя бы и отмѣненнымъ по его неправильности, Мищукъ былъ оправданъ. Для нашихъ выводовъ это имѣетъ очень мало значенія. Самый фактъ поддѣлки вещественныхъ доказательствъ внѣ сомнѣній. Онъ на лицо, безспоренъ. Старанія Мищука всячески, во что бы то ни стало, отводить розыски отъ евреевъ, отъ Зайцевскаго завода тоже достаточно очевидны. Это для насъ главное. Заключаются ли затѣмъ въ дѣяніяхъ Мищука всѣ признаки того должностнаго преступленія, которое именуется подлогомъ, совершеннымъ при исполне-

ни служебныхъ обязанностей (362 ст. Улож. о нак.), или же не всѣ юридическіе признаки этого довольно сложнаго дѣянiя представлялись суду достаточно доказанными—для настоящаго изложенiя вопросъ второстепенный.

Весьма характерны тѣ приемы, тѣ объясненiя, которые были пущены въ ходъ Мищукомъ съ одной стороны, Кушниромъ съ другой. Прежде всего, при сопоставленiи этихъ объясненiй мы попадаемъ въ заколдованный кругъ, не имѣющій начала: Иванъ сказалъ Петру, Петръ Сидору, Сидоръ Ивану— а кто первый сказалъ— неизвѣстно. Такъ и тутъ: Мищукъ убѣдился, что убійство совершено Кучеренками и Цупенками, потому что ему послалъ объ этомъ письмо Кушниръ, а у Кушнира такая увѣренность создалась потому, что ему сообщилъ о семъ незнакомецъ, направленный къ нему Мищукомъ. А когда Мищукъ, уже привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, оказался совсѣмъ припертымъ къ стѣнѣ, то обнаружилось, что первоисточникомъ былъ ..... сонъ: «подсѣвайло» Кушниръ, повѣствуя о подробностяхъ убійства, признался начальнику сыскаго отдѣленiя, что видѣлъ «все это» во снѣ, но начальникъ сыскаго отдѣленiя, тѣмъ не менѣе, вполне повѣрилъ въ правильность свѣдѣній, сообщаемыхъ почтеннымъ «подсѣвайломъ».

Не менѣе характерно, что сіи сновидцы и прорицатели очень подумывали, и весьма заблаговременно, о собственной безопасности. У Мищука, откапывающаго на Юрковской горѣ вещественныя доказательства и арестующаго ни въ чемъ неповиннаго Романюка, припасенъ на всякій случай документикъ: «Я, молъ, тутъ не причемъ; я самъ—жертва; меня самого ввели въ заблужденіе—вотъ и письмо». Отправитель же письма, Кушниръ, за всю исторію тоже не отвѣчаетъ по той простой причинѣ, что не является лицомъ должностнымъ. Но, на всякій случай, и Кушниръ запасся доводомъ: «Вы, можетъ быть, намѣреваетесь потянуть меня за лжесвидѣтельство? Такъ имѣйте въ виду: я лишь повторяю то, что слышалъ отъ неизвѣстнаго человѣка. Вотъ когда отыщется этотъ неизвѣстный человѣкъ и удостовѣритъ, что онъ мнѣ этого не говорилъ—тогда только я могъ бы отвѣчать за лжесвидѣтельство».

Въ разслѣдованiи о Мищукѣ есть небезынтересныя свѣдѣнiя, касающіяся Красовскаго.

Оказывается, 13 іюля 1911 г. Мищукъ подалъ по начальству официальный рапортъ, въ которомъ прописалъ:

«Сего числа явился ко мнѣ проживающій въ гор. Кіевѣ еврей Іосифъ Лобко и заявилъ, что Красовскій просилъ его, Лобко, немедленно доставить какого-то человѣка, который ложно уличилъ бы содержащагося подъ стражей Луку Приходько въ томъ, что Приходько ѣхалъ на извозчикѣ со Слободки въ конецъ Кирилловской улицы на Поляну въ среднихъ, числахъ марта мѣсяца сего года и имѣлъ съ собой съ чѣмъ-то мѣшокъ. Это Красовскій желалъ сдѣлать, чтобы обвинить Приходько въ убійствѣ пасынка, мальчика Ющинскаго. Дѣлая настоящее заявленіе въ присутствіи агента Падалки, Лобко просилъ моего совѣта, какъ быть въ данномъ случаѣ. Когда же я категорически запретилъ Лобко искать лжесвидѣтеля, объяснивъ ему объ отвѣтственности, то онъ рассказалъ мнѣ, что нѣсколько времени тому назадъ къ нему, Лобко, прибылъ околоточный надзиратель Плосскаго участка, фамиліи котораго не знаетъ, и потребовалъ явиться въ участокъ и ожидать тамъ Красовскаго. Спустя нѣсколько часовъ послѣ прибытія Лобко въ участокъ явился Красовскій, который началъ упрашивать Лобко, чтобы онъ самъ выступилъ лжесвидѣтелемъ противъ Луки Приходько въ дѣлѣ убійства Ющинскаго, но онъ на просьбу Красовскаго не согласился».

Мищукъ и Падалка, при опросѣ ихъ совѣтникомъ губернскаго правленія, все изложенное подтвердили, Лобко же отрицалъ.

Затѣмъ, на предварительномъ о Мищукѣ слѣдствіи, были допрошены въ качествѣ свидѣтелей Сруль Эпштейнъ и Иларіонъ Шидловскій, которые показали:

Эпштейнъ: «Іосифъ Лобокъ со мной хорошо знакомъ, онъ выкрестъ изъ евреевъ. Этого Лобко я даже самъ познакомилъ съ Красовскимъ лѣтомъ 1910 года. Красовскій принялъ его къ себѣ тайнымъ агентомъ. Лѣтомъ сего года, мѣсяца не помню, Лобокъ нѣсколько разъ передавалъ мнѣ, что Красовскій, поручившій ему розыски по дѣлу Ющинскаго, требуетъ отъ него, Лобка, чтобы онъ далъ ему подставныхъ свидѣтелей по этому дѣлу. Я еще предупреждалъ Лобка, чтобы онъ не путался въ это дѣло, такъ какъ дѣло это серьезное; при этомъ я посоветовалъ Лобку заявить Мищuku о просьбѣ Красовскаго достать подложныхъ свидѣтелей. Послѣ того Лобокъ мнѣ рассказывалъ, что онъ дѣйствительно былъ у Мищука и заявилъ ему объ этомъ».

Шидловскій: «Хорошо знакомъ съ Іосифомъ Лобко. Лѣтомъ текущаго года приставъ Красовскій принялъ къ себѣ этого Лобка въ качествѣ секретнаго агента по дѣлу Ющинскаго. Бывая часто у Лобка, я заставлялъ иногда у него Красовскаго. Лобокъ передавалъ мнѣ, что Красовскій проситъ его дать ему свидѣтелей по дѣлу Ющинскаго, причемъ спрашивалъ меня, не могу ли я указать нужныхъ свидѣтелей, на что я отвѣтилъ отказомъ. Однажды Лобокъ передалъ мнѣ, что Красовскому нужно трехъ подставныхъ свидѣтелей для опознанія Приходько; при этомъ Лобокъ попросилъ меня принять участіе въ качествѣ такого подставнаго свидѣтеля, обѣщая, что мнѣ дадутъ денегъ за это. Я категорически отказался отъ такого предложенія. Падалка и Смолѣвикъ тоже часто ходили къ Лобку и ко мнѣ, разспрашивая, не знаю ли я чего-либо по дѣлу Ющинскаго».

Необходимо имѣть въ виду, что показанія Шидловскаго и Сруля Эпштейна появились въ то время, когда исторія съ бритьемъ, завиваніемъ и гримированіемъ Луки Приходьки еще не выплыла наружу. Такимъ образомъ, если признать эти показанія измышленными, то, во всякомъ случаѣ, по роковой случайности вымыселъ о томъ, какъ Красовскій подыскивалъ лжесвидѣтеля, оказался приуроченнымъ именно къ той исторіи (о коей во время «измышленія» ничего еще не было извѣстно), гдѣ Красовскій на живомъ человѣкѣ устраивалъ лже-поличное. Бритье и гримировка происходили 30 іюня. Рапортъ Мищука поданъ 13 іюля. Лжесвидѣтель, согласно показаніямъ Шидловскаго и Эпштейна, долженъ былъ удостовѣрить, какъ Лука Приходько везъ на Лукьяновку подозрительный мѣшокъ, а явившійся къ судебному слѣдователю по собственному побужденію, безъ вызова, сотрудникъ «Кіевской Мысли» Ордынскій какъ разъ и далъ свѣдѣніе, что, де, родственники, дѣйствительно, везли несчастнаго Андрюшу въ мѣшкѣ на Лукьяновку. А тамъ, на Лукьяновкѣ, какъ разъ и оказался бы свидѣтель Яценко, который, молъ, видѣлъ пріѣхавшаго Луку около пещеры.

Послѣ раскопки на Юрковской горѣ 25 августа «вещественныхъ доказательствъ», Мищукъ былъ окончательно устраненъ отъ розысковъ. Немногимъ долѣе продержался Красовскій—въ послѣднихъ числахъ августа ему было предложено то же самое. Почти одновременно прекратилъ свою официальную дѣятельность и правая рука Красовскаго—сыщикъ Выграновъ.

Оба они появляются затѣмъ уже въ качествѣ разслѣдователей-добровольцевъ. Съ сентября 1911 г. и до конца дѣла единственнымъ официальнымъ лицомъ, руководящимъ полицейскими розысками по дѣлу Ющинскаго, остается жандармскій подполковникъ Ивановъ, а съ 20 марта до конца августа, въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ, т. е. времени наиболѣе драгоцѣннаго, розыски были въ рукахъ лицъ, которыя не остановились даже передъ преступленіемъ для направленія дѣла по ложному пути.

А тѣмъ временемъ еврействующія газеты надрывались отъ вопля, какъ можно подозрѣвать въ убійствѣ евреевъ, когда противъ нихъ самые образцовые сыщики не могли собрать никакихъ доказательствъ.

IV.

Бразуль-Брушковскій и поѣздка въ Харьковъ.

Первый періодъ розысковъ можно считать законченнымъ къ концу августа 1911 г., когда и Мищукъ, и Красовскій были устранены. Несмотря на всѣ ихъ старанія направить подозрѣніе сначала на родственниковъ убитаго, потомъ на какихъ-то воровъ, 3 августа, благодаря энергіи и настойчивости прокурора Кіевской судебной палаты Чаплинскаго, былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ убійствѣ Андрюши и взятъ судебнымъ слѣдователемъ подъ стражу приказчикъ Зайцевскаго завода Мендель Бейлисъ, арестованный, еще за нѣсколько дней до привлеченія, жандармскимъ начальствомъ. Очень скоро послѣ этого, когда Вѣра Чеберякова была на нѣсколько дней взята въ административномъ порядкѣ подъ арестъ, въ ея отсутствіе заболѣли, при очень странной обстановкѣ, острымъ желудочнымъ разстройствомъ ея трое дѣтей. Изъ нихъ первымъ умеръ 8 августа Женя, такъ и не давъ правдиваго, откровеннаго показанія, за нимъ умерла Валя, а Люда, находившаяся нѣсколько дней между жизнью и смертью, выздоровѣла.

Послѣ этихъ событій, когда съ официальными разслѣдователями, такъ старавшимися въ направленіи, столь нужномъ еврейству, пришлось разстаться, начинается новый періодъ—наступаетъ полоса частныхъ разслѣдованій, производимыхъ сыщиками-добровольцами, во главѣ которыхъ открыто становится со-

трудникъ «Кіевской Мысли» Бразуль-Брушковскій, христіанинъ, но женатый на еврейкѣ. Помогаетъ ему все тотъ же Выграновъ, но уже въ качествѣ добровольца, и, нѣсколько позже, къ веснѣ 1912 года, опять появляется Красовскій — тоже не какъ оффиціальное лицо, а какъ доброволецъ. Съ нимъ въ это время сотрудничаютъ еще два добровольца — Караевъ и Махалинъ. Естественно напрашивается вопросъ: кто же организовалъ эти добровольные розыски, стоившіе, прежде всего, большихъ денегъ. Пока къ слѣдователю являлись, по собственному побужденію, то Барщевскій, то Ордынскій, ихъ появленіе можно было объяснить личнымъ партизанскимъ усердіемъ, а то обстоятельство, что появленіе это происходило въ нужные для Мищука или Красовскаго моменты — случайнымъ совпаденіемъ. Во всякомъ случаѣ, Барщевскій и Ордынскій играли второстепенную роль. Теперь, послѣ привлеченія Бейлиса и послѣ устраненія Мищука и Красовскаго, появляется цѣлая группа лицъ, прекрасно снѣвшихся между собою и ведущихъ совокупными силами, вполне согласованно, добровольные розыски на широкую ногу, не стѣняясь расходами. Кто же ихъ организовалъ и кто далъ деньги? Если вѣрить ихъ объясненіямъ — никто. Они сами сошлись и сами тратили свои скудные средства, руководимые единственнымъ побужденіемъ — служеніемъ правдѣ и правосудію, безкорыстнымъ желаніемъ раскрыть истину.

Къ описанію сего безкорыстнаго служенія и способовъ, которыми безкорыстные служители раскрывали эту истину — и надлежитъ приступить.

Первымъ шагомъ Бразуля было сойтись поближе, при посредствѣ Выгранова, съ Вѣрою Чеберяковой. Оба начали посѣщать ее чуть не ежедневно и 6 декабря состоялась ихъ общая поѣздка изъ Кіева въ Харьковъ, о которой, однако, ея участники даютъ показанія настолько несхожія, что приходится каждое изъ показаній разбирать отдѣльно.

Разсказъ Чеберяковой сводится къ тому, что Бразуль и Выграновъ настаивали на необходимости свезти ее въ Харьковъ къ важному господину, члену Государственной Думы, который желаетъ поразспросить Чеберякову о дѣлѣ. Она согласилась и поѣхала на счетъ своихъ спутниковъ въ скоромъ поѣздѣ, во второмъ классѣ. Приѣхавъ въ Харьковъ, остановились всѣ трое въ одной гостиницѣ, «Эрмитажѣ», и, закусивъ, пошли къ важному господину. Пришли они въ роскошно обставленную го-

стину—какъ выяснилось, лучшую изъ харьковскихъ гостиницъ, «Грандъ-Отель»—и тамъ, въ богатомъ номерѣ, состоялось свиданіе Чеберяковой съ незнакомымъ ей дотолѣ «членомъ Государственной Думы», который, какъ выяснилось впоследствии, оказался кievскимъ присяжнымъ повѣреннымъ и еврейскимъ «общественнымъ дѣятелемъ» Арнольдомъ Марголинымъ, сыномъ кievскаго милліонера Давида Марголина. По удостовѣренію Чеберяковой, сей «важный господинъ», начавъ разговоръ объ убійствѣ Ющинскаго, сказалъ ей: «Ну, что-жъ, дѣтей не вернете, а остальное можно поправить: будете жить еще лучше, вотъ только намъ помогите», послѣ чего ей было предложено принять вину въ убійствѣ на себя, а за это сулили большія деньги.

Убѣждали не бояться—въ случаѣ чего, лучшіе защитники защищать будутъ, да и дѣло до суда не дойдетъ: ей такой документъ выправятъ, что днемъ съ огнемъ не найти, отвезутъ, куда угодно. Чеберякова отказалась. Ей посовѣтовали «подумать», и съ этимъ она вернулась въ «Эрмитажъ», гдѣ ее снова принялся уговаривать Бразуль, обѣщая, что, если она подпишетъ чистый листъ бумаги, то уже получить денегъ. Въ виду рѣшительнаго ея отказа, 8-го декабря собрались въ обратный путь. Вся поѣздка была обставлена большимъ секретомъ: отъ Чеберяковой требовали, чтобы она никому о ней не говорила и старались не оставить никакихъ слѣдовъ пребыванія въ Харьковѣ: Бразуль и Выграновъ запретили ей заворачивать дорожные вещи харьковскими газетами; увидѣвъ коробочку пудры съ обозначеніемъ на коробочкѣ «Харьковъ», пудру высыпали въ бумажку, а коробочку выбросили. Тогда Чеберякова сообразила, что впоследствии, если ей придется указать на харьковскую поѣздку, то указаніе это окажется бездоказательнымъ и ей могутъ совершенно не повѣрить, а потому постаралась такими доказательствами запастись: она послала домой изъ Харькова собственноручно написанное письмо, на коемъ, слѣдовательно, оказался поставленный въ Харьковѣ почтовый штемпель съ обозначеніемъ мѣста и времени отправленія. Далѣе, она взяла со стѣнки своего номера одно изъ объявленій гостиницы «Эрмитажъ» и, наконецъ, тамъ же на обояхъ незамѣтно написала свою фамилію—предусмотрительность, какъ увидимъ, не лишняя.

На разспросы Чеберяковой, Бразуль говорилъ ей, что «важный господинъ» имѣетъ въ своемъ распоряженіи большія деньги

G. G. Zamiatovskiy

«отъ общества», что поѣздка и проживаніе въ Харьковѣ — все на его счетъ, и что если Бразулю требуются деньги по этому дѣлу, то важный господинъ всегда даетъ. «Нужно ковать же-лѣзо, пока горячо» — добавлялъ Бразуль, а какъ-то черезъ нѣ-которое время сказалъ: «Металлъ все сдѣлаетъ».

Когда, черезъ значительный промежутокъ времени, Чеберя-кова сообщила о своей харьковской поѣздкѣ судебнымъ вла-стямъ, то, несмотря на энергичныя распоряженія прокурора Кіевской судебной палаты Г. Г. Чаплинскаго, представило большія трудности установить, кто былъ тотъ постоялецъ «Грандъ-Отеля», въ номеръ котораго ходила Чеберякова. Только слу-чайно, по ресторанному счету, удалось прокурорскому надзору выяснитъ, что это былъ Марголинъ. Въздившій по этимъ ро-зыскамъ въ Харьковѣ вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора жан-дармскій подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ на судѣ, что они тогда разсматривали въ «Грандъ-Отелѣ» книгу для за-писи приѣзжающихъ и отмѣтки о Марголинѣ въ ней не было. Затѣмъ, когда уже въ концѣ 1912 года судебный слѣдова-тель произвелъ осмотръ этой книги, то отмѣтка о Марголинѣ въ ней оказалась, но при слѣдующихъ особенностяхъ: записи въ книгѣ ведутся отдѣльно на каждую букву алфавита, а въ предѣлахъ этой буквы—въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣрѣ приѣзда постояльцевъ—какъ это дѣлается почти вездѣ въ круп-ныхъ гостиницахъ. Въ исключеніе изъ такого общаго порядка, запись о прибытіи «8 декабря 1911 г.» Марголина сдѣлана не тамъ, гдѣ ей надлежало бы быть. Она, внѣ всякой хронологи-ческой послѣдовательности, вписана между отмѣтками о лицахъ, останавливавшихся въ «Грандъ-Отелѣ» уже въ 1912 году. Въ книгу же для записи приѣзжихъ, посылаемую изъ гостиницы въ полицію, Марголинъ и вовсе внесенъ не былъ, какъ приш-лось признаться швейцару гостиницы Шульцу, заявившему, однако, что все это произошло по случайной ошибкѣ.

Спутники Чеберяковой, не имѣя возможности отрицать са-мой поѣздки, объяснили ее, разумѣется, совершенно иначе, чѣмъ Чеберякова.

Въ показаніи своемъ судебному слѣдователю по особо важ-нымъ дѣламъ (уже не Фененко, а Машкевичу) отъ 1 августа 1912 г. Бразуль-Брушковскій, рассказывая послѣдовательно ходъ событій и дойдя уже до января 1912 года, затѣмъ объясняетъ:

«На вашъ вопросъ о томъ, что за поѣздка была у меня въ Харьковъ съ Чеберяковой, отвѣчаю, что я опустилъ изъ виду это обстоятельство, хотя оно имѣло мѣсто въ декабрѣ... Однажды Чеберякова заявила, что она могла бы собрать свѣдѣнія у «блатныхъ» (т. е. у людей преступнаго міра) въ Харьковѣ. Она говорила такъ много всякихъ фамилій, что я не помню, на кого она указывала въ Харьковѣ, какъ на источникъ свѣдѣній. Кажется, она называла Лисунова. Рассказывая то, о чемъ мнѣ говорила Чеберякова, я у многихъ встрѣчалъ скептическое отношеніе къ сообщаемымъ ею свѣдѣніямъ. Мнѣ говорили, что я увлекаюсь. А, съ другой стороны, совѣтовали не оставлять Чеберяковой. Желая провѣрить себя, я задумалъ устроить встрѣчу Чеберяковой со свѣжимъ человѣкомъ и узнать, какое она произведетъ впечатлѣніе. Однажды я съ этой цѣлью пошелъ къ прис. повѣр. Марголину и предложилъ ему повидаться съ Чеберяковой и подѣлиться со мною впечатлѣніями отъ этой встрѣчи. Я ему сказалъ, что везу Чеберякову въ Харьковъ. Онъ сначала отказался, а затѣмъ согласился и подогналъ эту поѣздку, по соглашенію со мною, къ своей дѣловой поѣздкѣ въ Харьковъ. Наканунѣ поѣздки, или днемъ раньше, я сказалъ Чеберяковой, что въ Харьковѣ я ее представлю одному своему хорошему знакомому, гласному харьковской думы и журналисту. Чеберякова высказала подозрѣніе, не поведу ли я ее къ какому-либо сыщику, почему я и назвалъ Марголина гласнымъ харьковской думы. На вашъ вопросъ, зачѣмъ я скрывалъ Марголина подъ видомъ журналиста и гласнаго харьковской думы,— отвѣчаю, что я не нашелъ возможнымъ назвать его Чеберяковой, такъ какъ не желалъ его компрометировать, ибо знакомство съ Чеберяковой не могло ему сдѣлать чести... Выгранову я также не называлъ Марголина сначала и только, когда мы возвращались изъ Харькова, я назвалъ ему Марголина... Поѣздка эта состоялась на мой счетъ. На вашъ вопросъ о томъ, какія свѣдѣнія и гдѣ въ Харьковѣ Чеберякова добывала, чтобы оправдать поѣздку, отвѣчаю, что точнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать не могу, такъ какъ задача добыванія свѣдѣній лежала главнымъ образомъ на Выграновѣ... Въ цѣляхъ конспираціи ни я, ни Выграновъ въ Харьковѣ у Чеберяковой не разспрашивали о томъ, добыла ли она какія-либо свѣдѣнія по дѣлу. На вашъ вопросъ, въ цѣляхъ какой конспираціи мы не разспрашивали Чеберякову о свѣдѣніяхъ, которыя она должна была до-

быть въ Харьковѣ, отвѣчаю: добываніемъ свѣдѣній отъ Чеберяковой дѣликомъ завѣдывалъ Выграновъ, и хотя я и бывалъ вмѣстѣ съ нимъ у Чеберяковой, тѣмъ не менѣе рискованные вопросы задавалъ ей Выграновъ не при мнѣ».

Однако и Выграновъ, старавшійся не разнорѣчить съ Бразулемъ, по вопросу о «добываніи свѣдѣній» ничего объяснить не могъ.

«Я вспомнилъ,—показываетъ онъ Слѣдователю,—что Чеберякова говорила о необходимости ей съѣздить въ Харьковъ и повидаться тамъ съ Лисуновымъ, который тогда, по ея словамъ, содержался въ харьковской тюрьмѣ... Бразуль сказалъ мнѣ, между прочимъ, что онъ въ Харьковѣ познакомитъ Чеберякову съ сотрудникомъ газеты, состоящимъ членомъ харьковской городской думы (не проще ли сказать—гласнымъ), который, какъ сотрудникъ газеты—какой, не говорилъ—интересуется также этимъ дѣломъ и поможетъ устроить ей свиданіе въ тюрьмѣ съ Лисуновымъ... Я сказалъ Чеберяковой объ этомъ, и она заявила мнѣ, то она сама себѣ устроить свиданіе съ Лисуновымъ... Впослѣдствіи я узналъ отъ Бразуля, что это былъ не членъ харьковской думы (опять: почему не просто «гласный»), а присяжный повѣренный Марголинъ. Я изъ деликатности не спрашивалъ у Бразуля, зачѣмъ понадобилась такая мистификація. Всѣ расходы по этой поѣздкѣ были оплачены Бразулемъ, но изъ какихъ средствъ, я не знаю... Выѣзжая изъ Кіева, я забылъ у себя на столѣ бумажникъ и документы, а потому и не могъ прописаться въ Харьковѣ».

Съ пропиской Марголина вышли ошибки, а тутъ опять такая разсѣянность... И еще недоразумѣніе: Бразуль называлъ все время Марголина членомъ думы *харьковской*, *городской*, а Чеберякова твердитъ, будто *Государственной*. Хотя, съ другой стороны, должно признать и то, что выдавать Марголина за члена харьковской думы, за харьковскаго гласнаго не было для Бразуля никакой надобности, ни малѣйшаго смысла.

Итакъ, поѣхали собирать свѣдѣнія и, главнымъ образомъ, повидаться съ содержавшимся въ харьковской тюрьмѣ Лисуновымъ, а свиданіе съ Марголинымъ было дѣломъ побочнымъ, второстепеннымъ. Но вотъ бѣда: рѣшительно никакихъ свѣдѣній не собрали и съ Лисуновымъ не видались, да и не могли видѣться. ибо *Лисунова въ то время вовсе не было въ Харьковъ и въ харьковской тюрьмѣ онъ не содержался.*

Этого мало,—оказывается, Бразуль и Выграновъ взяли съ собою, *тайно отъ Чеберяковой*, челоуѣка, носившаго фамилію Перехристѣ и служившаго въ «Кіевской Мысли» конторщикомъ, для спеціального порученія: *незамѣтно отъ Чеберяковой, всюду слѣдитъ за нею въ Харьковѣ.*

Относительно свиданія Марголина съ Чеберяковой, и Бразуль, и Выграновъ, разумѣется, показали, что никакихъ предложеній принять вину на себя при этомъ не дѣлалось и о денежномъ вознагражденіи даже разговора не заходило.

Однако, и здѣсь не обошлось безъ досаднаго для нихъ недоразумѣнія. Въ показаніи Красовскаго, данномъ судебному слѣдователю Машкевичу, читаемъ:

«Марголинъ, по словамъ Бразуля, сказалъ Чеберякъ, что прогрессивная часть общества, представителемъ которой онъ является, очень заинтересована полнѣйшимъ раскрытіемъ этого дѣла и уничтоженіемъ версіи о ритуальномъ убійствѣ и что если она поможетъ *въ этомъ направленіи*, то будетъ *материально вознаграждена*. Въ случаѣ, если бы со стороны преступниковъ ей угрожала какая-либо опасность, ей *будетъ предоставлена возможность выѣхать*, куда она захочетъ».

Значитъ, разговоръ о вознагражденіи былъ! О, конечно, въ совершенно невинной формѣ... Подкупать Чеберякову никто и не думалъ... но все-таки говорили, что, при извѣстныхъ условіяхъ, матеріально вознаграждать. Зачѣмъ же Бразуль отрицаетъ это вовсе? Былъ, оказывается, разговоръ и о томъ, что, пожалуй, Чеберяковой придется куда-то выѣзжать, причемъ обезпечивали ей безпрепятственность такого выѣзда. Опять-таки, разумѣется, не въ томъ смыслѣ, какъ передаетъ Чеберякова: рѣчь шла не о томъ, чтобы бѣжать отъ преслѣдованія властей, а о томъ, чтобы укрыться отъ мести разоблаченныхъ преступниковъ. Но все же о чеберяковскомъ отъѣздѣ говорили.

Это топкое мѣсто, заключавшееся въ столь странныхъ противорѣчіяхъ съ Бразулемъ, Красовскій на судѣ обошелъ совершенно, не упомянулъ о немъ ни слова, а когда, по моей просьбѣ, соотвѣтствующая часть слѣдственнаго протокола была свидѣтелю, въ виду его запомнанія, оглашена, Красовскій упорнѣйшимъ образомъ затвердилъ, что не помнить, говорилъ ли онъ это слѣдователю, или нѣтъ, вслѣдствіе чего произошелъ такой діалогъ:

Замысловскій. Говорили вы это судебному слѣдователю?

Красовскій. Я уже три раза отвѣчалъ, что не помню.

Замысловскій. Но если слѣдователь записалъ, значитъ это такъ?

Красовскій. Нѣтъ, еще не значитъ, что это такъ.

Предсѣдатель. Да вы, свидѣтель посмотрите: этотъ протоколъ подписанъ вами?

(Свидѣтелю предъявляется протоколъ).

Красовскій. Подпись моя.

Предсѣдатель. Показаніе у слѣдователя вамъ тогда читали?

Красовскій. Да, какъ это обыкновенно бываетъ.

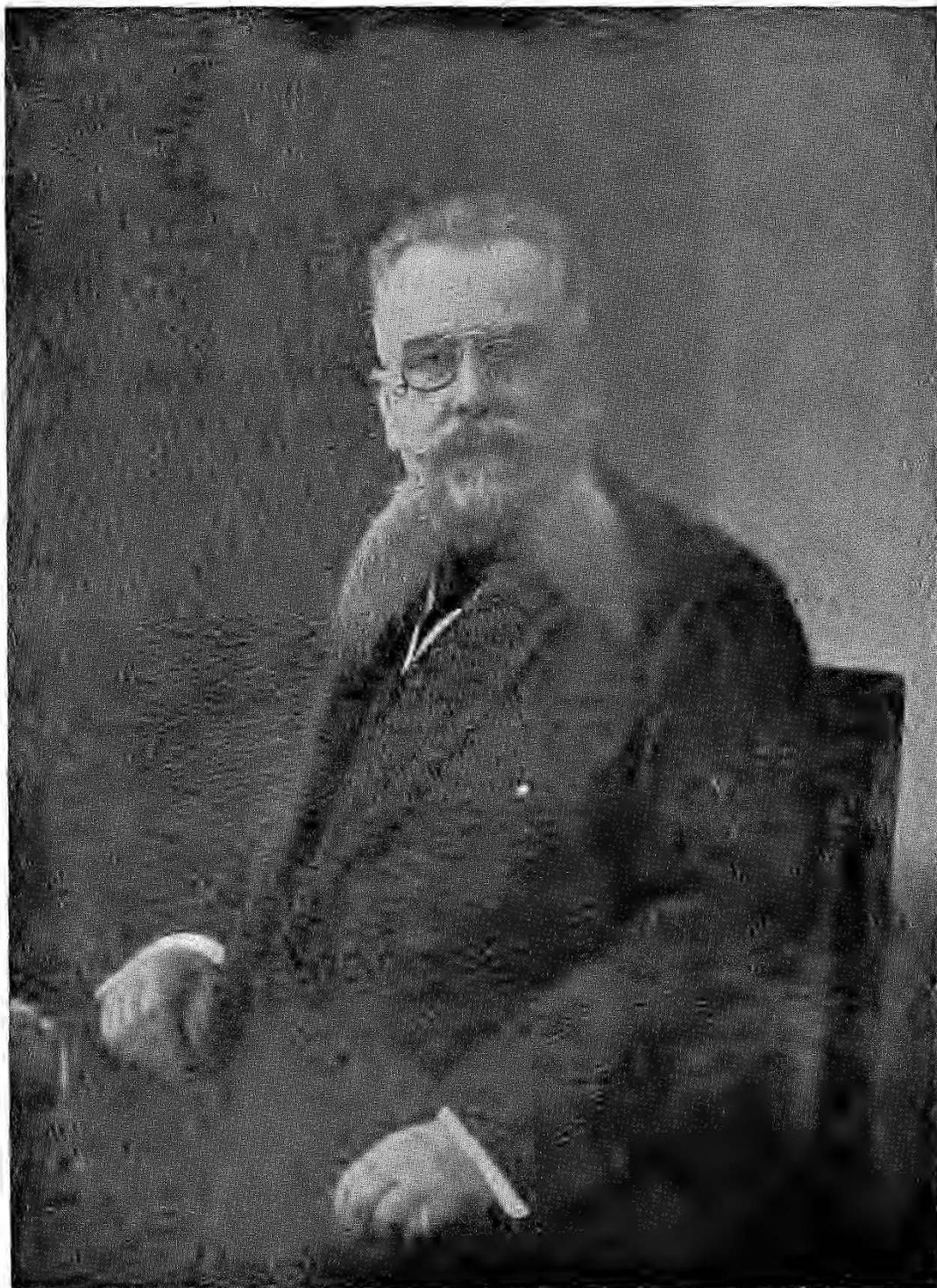
Итакъ, съ одной стороны, Бразуль утверждаетъ, что никакого разговора о вознагражденіи съ Чеберяковой не было, а съ другой—Красовскій, со словъ Бразуля, показалъ на предварительномъ слѣдствіи, что Чеберяковой сулили вознагражденіе за ея труды по раскрытію убійства въ опредѣленномъ направленіи.

Изъ столь затруднительнаго положенія Марголинъ вышелъ очень остроумно. Онъ занялъ среднюю позицію: то обстоятельство, что Чеберяковой на харьковскомъ свиданіи предлагалось вознагражденіе—отрицалъ, но, заявилъ свидѣтель, *если бы* оказалось, что Чеберякова рассчитываетъ на таковое, то онъ, Марголинъ, правда не самъ, а черезъ Бразуля, сказалъ бы ей... какъ разъ воспроизведенное намъ Красовскимъ: если она убійство раскроетъ, то будетъ вознаграждена, «ибо за всякій трудъ платятъ».

Про Бразуля Марголинъ сообщилъ, что это «человѣкъ очень искренній, очень честный—въ его работѣ проявлялось, я бы сказалъ, донкихотство въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова».

По вопросу о той странной и крайне разнообразной, по своему общественному положенію, компаніи, которая собралась у него въ номерѣ, Марголинъ объяснилъ, что Выгранова раньше не зналъ, а Бразуль рекомендовалъ его, какъ вольнослушателя—онъ былъ въ студенческой тужуркѣ.

Когда я спросилъ Марголина на судѣ, находитъ ли онъ такой поступокъ Бразуля очень искреннимъ, очень честнымъ и донкихотскимъ, Марголинъ отвѣтилъ, что «къ себѣ онъ относится строже, чѣмъ къ другимъ. Полагаетъ, что поступокъ Бразуля былъ вызванъ непремѣннымъ желаніемъ, дабы свиданіе состоялось, и его знаніемъ Выгранова съ хорошей стороны».

Ф. А. БОЛДЫРЕВЪ, предсѣдатель Кіевскаго окружнаго суда.

На мой вопросъ, подавалъ ли Марголинъ руку своимъ гостямъ, онъ отвѣтилъ, что никому изъ нихъ тогда руки не подавалъ и пояснилъ: «Мнѣ кажется, что даже очень фешенебельно при первомъ знакомствѣ не подавать руки. Такъ это принято въ Западной Европѣ. Такъ что, если вы считаете, что я долженъ былъ быть фешенебельнымъ, то я былъ на высотѣ положенія».

Однако, Кіевскій окружный судъ, подъ предсѣдательствомъ Ф. А. Болдырева, а затѣмъ и судебная палата, видимо, не сошлись съ Марголинымъ во взглядѣ на фешенебельность и за харьковскую эпопею исключили его изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

Заключительная часть опредѣленія окружного суда, утвержденнаго судебною палатою, гласитъ слѣдующее:

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и выслушавъ заключеніе Прокурора Суда, полагавшаго исключить присяжнаго повѣреннаго Марголина изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, Общее Собраніе окружного суда находитъ: фактъ свиданія Вѣры Чеберякъ въ Харьковѣ съ присяжнымъ повѣреннымъ Марголинымъ не подлежитъ сомнѣнію и имъ не оспаривается; что же касается цѣли этой поѣздки Чеберяковой въ Харьковъ, то въ распоряженіи Общаго Собранія имѣются два источника; съ одной стороны показаніе Вѣры Чеберякъ, а съ другой показанія Бразуля и Выгранова и объясненіе Марголина, сходныя по существу между собою, но противорѣчащія объясненію по этому поводу Чеберяковой. При оцѣнкѣ этихъ двухъ источниковъ въ связи съ имѣющимися въ дѣлѣ свѣдѣніями, необходимо, по мнѣнію Общаго Собранія, остановиться на первомъ изъ нихъ — показаніи Чеберякъ, какъ на наиболѣе соответствующемъ всѣмъ даннымъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что распорядителями поѣздки въ Харьковъ Вѣры Чеберякъ отъ начала и до конца ея, въ смыслѣ выбора дня и часа, являлись Бразуль и Выграновъ, причемъ поѣзка эта совпадаетъ со днемъ отъѣзда Марголина изъ Кіева, а возвращеніе — со временемъ отъѣзда Марголина изъ Харькова. Всѣ расходы, связанные съ этой поѣздкой и пребываніемъ въ Харьковѣ, принимаетъ на себя Бразуль. Объ арестантѣ Лисуновѣ за все время поѣздки не только не вспоминаютъ, но даже ни Бразуль, ни Выграновъ, ни Марголинъ предварительно не озаботились узнать и провѣрить, содержался ли Лисуновъ въ это время въ харьковской тюрьмѣ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ и не содержался въ теченіе всего 1911 года, и какія основанія имѣлись у Чеберякъ рассчитывать на самую возможность для нея добиться свиданія съ арестантомъ. Наконецъ, специально командированный для наблюденія за дѣйствіями Чеберякъ — Перехристъ сообщилъ Бразулю и Выгранову лишь на обратномъ пути изъ Харькова въ Кіевъ о томъ, что Чеберякъ въ этомъ направленіи ничего не предпринимала. Съ другой же стороны изъ дѣла видно, что

Чеберякъ выходила изъ гостиницы на свиданіе съ Марголинымъ сейчасъ же по прїѣздѣ въ Харьковъ.

Между тѣмъ ни Бразуль, ни Выграновъ не заботятся о томъ, чтобы по прибытіи въ Харьковъ была достигнута главная, по ихъ словамъ, цѣль поѣздки туда—полученіе черезъ Лисунова новыхъ свѣдѣній по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго, не интересуются даже въ Харьковѣ, видѣлась ли Чеберякова съ Лисуновымъ, несмотря на то, что поѣздка эта повлекла за собой у Бразуля значительный расходъ, достигающій, повидимому, ста или болѣе рублей. вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе Марголина о поѣздкѣ его въ Харьковъ для того, чтобы навести справку въ Харьковской Судебной Палатѣ о положеніи двухъ частныхъ жалобъ, поданныхъ на опредѣленіе Екатеринославскаго окружнаго суда или имъ, Марголинымъ, какъ юрисконсульту Общества пароходства по Днѣпру, или его помощниками (но этого онъ точно не помнитъ) и кстати увидѣться по настоянію Бразуля съ Чеберяковой, не заслуживаетъ, по мнѣнію Общаго Собранія, довѣрія, ибо подобную справку Марголинъ могъ съ успѣхомъ навести черезъ присяжнаго повѣреннаго Носалевича, на котораго онъ ссылается въ своемъ прошеніи, и если онъ поѣхалъ въ Харьковъ, то главнымъ образомъ, какъ полагаетъ Общее Собраніе отдѣленій суда, для условленнаго свиданія и бесѣды съ Чеберяковой и уже кстати навелъ справку по помянутымъ дѣламъ въ Харьковской Судебной Палатѣ.

Изложенныя данныя и соображенія приводятъ Общее Собраніе къ убѣжденію въ томъ, во-первыхъ, что инициатива поѣздки въ Харьковъ исходила отъ Бразуля, Выгранова и Марголина, и во-вторыхъ, въ томъ, что исключительной цѣлью ея было свиданіе послѣдняго съ Чеберякъ. Исходя изъ этого положенія и обращаясь къ разрѣшенію вопроса, какова же была цѣль такого свиданія и въ чемъ заключалась сущность переговоровъ Чеберякъ съ Марголинымъ, Общее Собраніе не находитъ возможнымъ признать вполне доказаннымъ утвержденіе Чеберякъ, что ей предложено было Марголинымъ и другими лицами въ его присутствіи принять за вознагражденіе на себя вину въ убійствѣ Ющинскаго, такъ какъ показаніе Чеберякъ въ этой части не могло быть вполне провѣрено другими объективными данными. Однако, несмотря на значительное противорѣчіе между показаніемъ Вѣры Чеберяковой и объясненіемъ присяжнаго повѣреннаго Марголина, и показаніемъ Бразуль-Брушковскаго, изъ нихъ можно сдѣлать несомнѣнный выводъ, что предметомъ переговоровъ между Чеберяковой и Марголинымъ было дѣло объ убійствѣ Андрея Ющинскаго. Что касается вопроса о томъ, было ли сдѣлано Марголинымъ предложеніе Чеберяковой принять вину въ убійствѣ Ющинскаго на себя, или же Марголинъ, какъ показывалъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтель Красовскій со словъ Бразуля, убѣждалъ тогда Чеберякову помочь раскрыть дѣло объ убійствѣ Ющинскаго и уничтожить версію о ритуальномъ убійствѣ, за что обѣщаль Чеберяковой матеріальное вознагражденіе, или наконецъ въ Харьковѣ велись переговоры съ Чеберяковой о томъ, чтобы она выступила лжесвидѣтель-

нищей по версії объ убійствѣ Ющинскаго Мифле и другими¹⁾, при обсужденіи неправильныхъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго Марголина по данному дѣлу рѣшающаго значенія не имѣетъ, но съ несомнѣнностью лишь нужно прійти къ выводу, что Чеберякову возили тогда въ Харьковъ для какихъ-то переговоровъ съ Марголинымъ по дѣлу Ющинскаго, причемъ и самъ Марголинъ, и лица, сопровождавшія Чеберякову, ясно сознавали, что переговоры эти по своему содержанию были неэтичны и предосудительны и могли вызвать серьезныя послѣдствія въ смыслѣ ответственности для прис. повѣр. Марголина, разъ это обнаружится въ будущемъ. Этимъ-то и объясняется, по мнѣнію Общаго Собранія, что мѣстомъ встрѣчи Чеберяковой съ Марголинымъ былъ избранъ другой большой городъ, находящійся отъ Кіева сравнительно въ значительномъ разстояніи, и поѣздка Чеберяковой обставлялась конспираціей, какъ заявилъ Выграновъ и какъ это ясно слѣдуетъ изъ всѣхъ предшествующихъ и сопровождавшихъ поѣздку обстоятельствъ, причемъ отъ Чеберяковой скрывается мѣсто свиданія съ Марголинымъ до самаго отъѣзда изъ Кіева, Марголина при свиданіи называютъ ей членомъ Государственной или Харьковской Думы, самъ Марголинъ также старается скрыть свою поѣздку въ Харьковъ. Если бы согласиться съ Марголинымъ относительно цѣли свиданія, характера бесѣды и побужденій, которыми Марголинъ руководствовался, скрывая отъ Чеберяковой свою фамилію, то представляется необъяснимымъ, почему мѣстомъ встрѣчи съ Чеберяковой былъ избранъ гор. Харьковъ, а не какой-либо ресторанъ или гостиница города Кіева, гдѣ при желаніи Марголинъ съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы сохранить свое инкогнито, причемъ такое свиданіе не повлекло бы за собой значительныхъ денежныхъ расходовъ, какъ въ данномъ случаѣ на поѣздку въ гор. Харьковъ, и непронзводительной траты времени по поѣздкѣ.

Поведеніе Мерголина, Бразуля и Выгранова въ Харьковѣ и показаніе Вѣры Чеберяковой даютъ полное основаніе сдѣлать предположеніе, что цѣлью свиданія Марголина съ Чеберяковой и переговоровъ его съ нею было стремленіе освободить отъ ответственности Менделя Бейлиса и уничтожить версію о ритуальномъ характерѣ убійства Ющинскаго, какое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ показаніи свидѣтеля Митрофана Петрова²⁾, удостовѣрившаго, что по возвращеніи изъ Харькова Бразуль-Брушковскій рассказывалъ ему объ этой поѣздкѣ и называлъ Чеберякову «дурой» за то, что она не приняла предложенныхъ ей условій, такъ и въ томъ, что послѣ свиданій съ Марголинымъ Чеберякова чувствовала себя въ опасности и старалась сохранить доказательства своего пребыванія въ Харьковѣ, для чего она послала изъ Харькова письмо своему мужу, написала свое имя на обояхъ того номера, гдѣ жила, взяла плакатъ своей гостиницы.

1) См. ниже.

2) См. ниже.

Кромѣ того свидѣтель Красовскій со словъ Бразуля-Брушковскаго удостовѣрилъ на предварительномъ слѣдствіи, что Марголинъ, какъ видный дѣятель еврейскаго общества въ Кіевѣ, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы разъяснить дѣло объ убійствѣ Ющинскаго—и разсѣять созлавшуюся версію о ритуальномъ убійствѣ, а потому и согласился на свиданіе съ Чеберяковой въ гор. Харьковѣ, причѣмъ на этомъ свиданіи Марголинъ обѣщаль матеріальное вознагражденіе Чеберяковой, если она поможетъ раскрытію дѣла Ющинскаго и уничтоженію версіи о ритуальномъ убійствѣ.

Въ виду изложеннаго Общее Собраніе Отдѣленій Кіевского окружнаго суда признаетъ доказаннымъ:

1) что инициатива поѣздки Вѣры Чеберякъ въ Харьковъ исходила если не всецѣло отъ присяжнаго повѣреннаго Марголина, то, съ его вѣдома и одобренія, отъ Бразуля;

2) что единственной цѣлью этой поѣздки было свиданіе Марголина съ Чеберяковой для переговоровъ по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго;

3) что переговоры эти велись присяжнымъ повѣреннымъ Марголинымъ съ Чеберяковой, которая являлась однимъ изъ главныхъ свидѣтелей по помянутому дѣлу, причѣмъ переговоры велись въ то время, когда Марголинъ предполагалъ быть защитникомъ Бейлиса, и

4) что самые переговоры Марголина съ Чеберяковой по характеру своему являлись недопустимыми и предосудительными.

Описанныя дѣйствія присяжнаго повѣреннаго Марголина противорѣчатъ основной задачѣ его профессиональной дѣятельности—служить идеѣ правосудія порядкомъ и мѣрами, закономъ установленными. Допущеніе подобныхъ неправильныхъ дѣйствій по столь серьезному дѣлу, какъ убійство, въ связи съ тѣмъ, что Марголинъ вступилъ въ дѣло защитникомъ лица, привлеченнаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго вскорѣ послѣ переговоровъ съ одной изъ главныхъ свидѣтельница по дѣлу, является важнымъ нарушеніемъ со стороны Марголина своего профессиональнаго долга, почему и должно повлечь за собой примѣненіе къ Марголину отвѣтственности, указанной въ 4 п. 368 ст. учр. суд. уст.,—а именно исключеніе его изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, каковое дисциплинарное наказаніе Общее Собраніе и избираетъ для Марголина.

Излишне распространяться, какую путаницу, какое вліяніе на ходъ дѣла, особенно въ то время, могло произвести письменное признаніе Чеберяковой, что она убивала, въ особенности если бы одновременно Чеберякова исчезла, пропала безъ вѣсти.

Дружба Бразуля съ Чеберяковой продолжалась и послѣ. Между прочимъ, по удостовѣренію Чеберяковой, Бразуль нѣсколько разъ былъ съ нею въ ресторанахъ то вмѣстѣ съ Выграновымъ, то съ Красовскимъ, то съ незнакомыми ей людьми, оказавшимися сотрудниками «Кіевской Мысли» Ордынскимъ и

Яблоновскимъ. Бразуль въ своемъ показаніи объяснилъ это послѣднее обстоятельство все тѣмъ же желаніемъ показать Чеберякову свѣжимъ людямъ; Чеберякова же удостовѣряла, что свиданія эти неизмѣнно оканчивались прямыми или косвенными уговорами со стороны Бразуля, Выгранова или Красовскаго, чтобы она приняла вину на себя. Какъ-то разъ Бразуль при этомъ жаловался, что у него больше нѣтъ силъ: ему пришлось быть въ обществѣ, гдѣ незнавшіе его въ лицо ругали его жиновскимъ наймитомъ и ему пришлось краснѣть. Относительно ресторанныя угощенія между показаніями Бразуля и Чеберяковой тоже возникло сильное разнорѣчіе. Въ то время, какъ Бразуль говорилъ, что пили сельтерскую воду, Чеберякова рассказывала о крупныхъ счетахъ и о шампанскомъ.

Между тѣмъ, предварительное слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго шло своимъ чередомъ и 5 января 1912 г. было закончено, послѣ чего, съ составленнымъ 10 января обвинительнымъ актомъ о Бейлису получило дальнѣйшее движеніе. Становилось очевиднымъ, что Бейлису суда не избѣжать, и вотъ 18 января Бразуль-Брушковскій подаетъ прокурору Кіевскаго окружнаго суда официальное письменное заявленіе, гдѣ излагаетъ, что убійство Ющинскаго,—«дѣло рукъ шайки преступниковъ», о дѣятельности которыхъ многое было извѣстно Ющинскому; это и побудило ихъ убить мальчика, являвагося для нихъ постоянно угрозою, причемъ, «для сокрытія слѣдовъ преступленія и направленія слѣдственныхъ властей въ другую сторону», имѣлось въ виду «инсценировать ритуальное убійство». Убивали вблизи пещеры Лука Приходько, Федоръ Нѣжинскій, два брата Мифле, Назаренко и еще какое-то неизвѣстное лицо. Къ мѣсту убійства Ющинскій былъ приведенъ Назаренкомъ, а первый ударъ ему нанесенъ Нѣжинскимъ. О добытыхъ данныхъ Бразуль-Брушковскій счелъ необходимымъ довести до свѣдѣнія властей, «все еще не теряя вѣры въ то, что слѣдствіе возвратится на вѣрный путь».

Главными свидѣтелями, могущими подтвердить достовѣрность всего изложеннаго въ заявленіи, были указаны Бразулемъ Чеберякова и нѣкій Митрофанъ Петровъ—мастеровой, столяръ, хорошій знакомый Чеберяковой, жившій даже послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ у нея на квартирѣ. Что касается проживавшихъ тамъ же, невдалекѣ, на Лукьяновкѣ, братьевъ Мифле, то одинъ изъ нихъ, Павелъ, былъ раньше въ очень близкихъ отноше-

ніяхъ съ Чеберяковой и та, изъ ревности, плеснула ему въ лицо кислотой, послѣ чего Павелъ Мифле почти совершенно ослѣпъ. Тогда Чеберякова съ нимъ помирилась и стала носить ему ежедневно обѣдъ, но, незадолго до подачи Бразулемъ его заявленія, осенью 1911 г., между Чеберяковой и Павломъ Мифле опять произошла ссора, причемъ Мифле довольно серьезно побилъ Чеберякову.

Совершенная вздорность бразулевскаго заявленія выяснилась очень быстро. О полной непричастности родственниковъ къ убійству Андрюши изложено достаточно. Участіе въ убійствѣ слѣпца Мифле, само по себѣ, было невѣроятно и, наконецъ, относительно Назаренки установлено, что 12 марта 1911 г., въ день убійства, онъ содержался подъ стражею.

Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля Митрофанъ Петровъ показалъ на предварительномъ слѣдствіи, а затѣмъ подтвердилъ подъ присягою и на судѣ, что съ Выграновымъ и Бразулемъ познакомился черезъ Чеберякову, которую они объ этомъ просили. Бразуль и Выграновъ многократно угощали его въ ресторанахъ, убѣждая, что Бейлисъ ни въ чемъ неповиненъ, что нужно быть мѣдальцемъ, дабы повѣрить въ «ритуальность» убійства и что, согласно провереннымъ свѣдѣніямъ, у нихъ имѣющимся, убивали Павелъ Мифле, Нѣжинскій, Назаренко. На вопросъ Петрова, зачѣмъ этимъ людямъ понадобилось убивать Ющинскаго, Выграновъ отвѣтилъ, что и самъ не знаетъ, зачѣмъ. Далѣе, Выграновъ показывалъ, и даже читалъ, копіи слѣдственнаго производства, говоря, что достать ихъ удалось съ большимъ трудомъ. Наконецъ, передъ подачею прокурору бразулевскаго заявленія, Выграновъ и Бразуль начали уговаривать Петрова подтвердить передъ властями все, тамъ написанное, обѣщая плату. На возраженіе Петрова, что не можетъ же онъ подтверждать обстоятельства, ему неизвѣстныя, его стали убѣждать, пусть онъ подтвердитъ хотя бы въ видѣ предположенія—это, молъ, не будетъ свидѣтельское показаніе, а потому и бояться нечего. Въ концѣ концовъ, Петровъ согласился и, будучи затѣмъ вызванъ, послѣ подачи Бразулемъ заявленія, къ жандармскому подполковнику Иванову, тамъ подтвердилъ. Однако, черезъ нѣкоторое время, Выграновъ сообщилъ Петрову, что бразулевскаго заявленія для освобожденія Бейлиса оказалось недостаточно и что было бы правдоподобнѣе всего, если бы Чеберякова приняла вину на себя, такъ какъ у Чеберяковыхъ

часто бывалъ Ющинскій. Вслѣдъ затѣмъ Выграновъ сказалъ, что достанетъ такую тетрадь, какая была у Ющинскаго, а онъ, Петровъ, сможетъ подбросить ее Чеберяковой и такимъ образомъ Чеберякову изобличить. Однако, отъ такой продѣлки Петровъ отказался наотрѣзъ, сказавъ, что пока дѣло шло о предположеніяхъ, онъ еще могъ ихъ высказывать, но подбрасывать кому-нибудь вещи — не согласенъ. На этомъ и порвались его отношенія къ Выгранову и Бразулю. Еще раньше, послѣ харьковской поѣздки, про которую онъ, Петровъ, зналъ, Бразуль говорилъ ему, что Чеберякова дура: ей предлагали въ Харьковѣ и деньги, и документъ, обѣщали перевести черезъ границу, лишь бы приняла вину на себя, но она не согласилась. Самъ онъ, Петровъ, получилъ отъ Бразуля, послѣ того, какъ подтвердилъ бразулевское заявленіе, 50 рублей.

Чеберякова, также, какъ и Петровъ, показала сначала слѣдователю Машкевичу, а потомъ и на судѣ, что бразулевское заявленіе подтвердила властямъ вслѣдствіе уговоровъ, просьбъ и посуловъ Бразуля, получивъ отъ него тогда же 25 рублей и спустя нѣкоторое время 10 рублей. Еще раньше, когда она отказывалась принять вину на себя, Бразуль говорилъ: «Ну, тогда будемъ продолжать, что начали—ахнемъ на Мифле». Затѣмъ какъ-то Выграновъ обратился къ ней съ порученіемъ узнать, нѣтъ ли у Мифле бумаги съ проколами, такой, какую нашли у трупа Ющинскаго. На отвѣтъ Чеберяковой, что такую бумагу она видала у рабочихъ, везшихъ кирпичъ отъ Бейлиса, Выграновъ сказалъ: «Васъ не про Бейлиса спрашиваютъ, а про Мифле». Кромѣ 25 и 10 рублей, о которыхъ уже упомянуто, она какъ-то получила отъ Бразуля черезъ Выгранова еще 20 рублей. Потомъ Бразуль даже спросилъ, сколько передалъ ей Выграновъ. Она отвѣтила, что 20 рублей, а Бразуль сказалъ, что далъ въ тотъ разъ Выгранову для передачи ей не 20, а 25 рублей.

Такъ какъ измышленность поданнаго Бразулемъ 18 января 1912 г. заявленія обнаружилась съ полной очевидностью и весьма быстро, то никакого вліянія на дальнѣйшее движеніе дѣла это заявленіе и не возымѣло. Дѣло было назначено къ слушанію на 17 мая 1912 г., безъ обращенія его къ дослѣдованію. 6 мая 1912 г. поступило къ властямъ новое заявленіе Бразуля, что убійство Ющинскаго совершено въ квартирѣ Чеберяковой, съ ея вѣдома и участія, ворами Сингаевскимъ, Рудзинскимъ и Латышевымъ.

Такъ какъ у Бразуля нашлись новые свидѣтели, начавшіе подтверждать эту его версію, то для приведенія въ полную ясность сихъ новыхъ обстоятельствъ, дѣло, уже готовое къ слушанію, пришлось обратитъ опять къ производству слѣдствія, къ дослѣдованію, которое закончилось лишь въ апрѣлѣ 1913 г. Такимъ образомъ, слушаніе дѣла оказалось отложеннымъ больше, чѣмъ на годъ и состоялось лишь въ сентябрѣ 1913 г. Дослѣдованіе производилось уже не Фененкою, а слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ С.-Петербургской судебной палаты Машкевичемъ.

Подробно разбирать эту новую версію будемъ въ слѣдующихъ главахъ, а пока вернемся все къ тому же Бразулю-Брушковскому. На протяженіи четырехъ мѣсяцевъ—съ 18 января до 6 мая—онъ подалъ властямъ два заявленія, совершенно исключаютъ одно другое. По первому заявленію оказывалось, что убивали родственники съ Мифле и Назаренкою, а Чеберякова—главная ихъ изобличительница. По второму заявленію—что убійство у самой Чеберяковой и совершалось, при ея участіи, на ея квартирѣ. Чтобы выйти изъ такого противорѣчія, Бразуль не задумался отъ перваго заявленія отречься совершенно. Судебному слѣдователю Машкевичу онъ показалъ, что, подавая первое заявленіе, своимъ же свѣдѣніямъ не довѣрялъ, а опубликовалъ ихъ лишь съ «тактической цѣлью»—внести тѣмъ раздоръ въ преступную среду и такимъ образомъ создать благоприятную почву для разъясненія дѣла. Онъ лично, — вопреки тому, что написано въ первомъ заявленіи, — увѣренъ, что убивавшіе Ющинскаго не думали о ритуальномъ убійствѣ и поддѣлкѣ подъ него.

Еще труднѣе было изворачиваться Бразулю на судѣ подъ перекрестнымъ допросомъ. Съ самаго начала Бразуль заявилъ, что отношенія его къ Чеберяковой дѣлились на три періода: во-первыхъ, періодъ полной вѣры, тянувшійся вплоть до перваго заявленія, т. е. до 18 января 1912 г.; во-вторыхъ, періодъ и вѣры и недовѣрія, окончившійся ко второму заявленію, т. е. къ 6 мая 1912 г. и, наконецъ, третій періодъ—полнаго недовѣрія. Достаточно ясно, для чего понадобилась Бразулю эта теорія трехъ періодовъ. Разъ онъ утверждаетъ, что въ Харьковѣ ѣздили для свиданія Чеберяковой съ Лисуновымъ, котораго въ Харьковѣ вовсе и не было, то объяснить сей противный здравому смыслу поступокъ можно единственно вѣрой въ Чеберя-

кову. Если онъ, Бразуль, подалъ доносъ, гдѣ обвиняетъ въ убійствѣ ни въ чемъ неповинныхъ родственниковъ Андрюши, слѣпого Мифле и какого-то Назаренку, сидѣвшаго во время убійства подѣ стражею, если теперь его же, Бразуля, интересы требуютъ отъ этого доноса отпереться—то на что же можно еще сослаться, какъ не на довѣріе къ Чеберяковой; если, наконецъ, въ настоящее время нужно на самое Чеберякову взводить обвиненіе въ убійствѣ, ибо иного выхода изъ положенія нѣтъ, то какое же иное заявленіе возможно, какъ не то, что полная вѣра смѣнилась полнымъ недоувѣріемъ. Однако, лишь только удалось Бразулю вытащить хвостъ, какъ у него завязъ носъ, ибо естественно послѣдовалъ вопросъ, чѣмъ же собственно, какими дѣлами и подвигами удалось Чеберяковой, при ея весьма скверной репутаціи, снискать довѣріе Бразуля. Увы, ни одного факта Бразуль, какъ и слѣдовало ожидать, привести не могъ, но съ выводомъ, что, значитъ, вѣра была слѣпая, безотчетная—упорно не хотѣлъ согласиться. Далѣе, Бразулю пришлось признать, что, согласно его собственному разсказу, Чеберякова его въ Харьковѣ надула—никакихъ свѣдѣній тамъ не собирала, да еще изобрѣла про Лисунова. И однако, видя такое надувательство, Бразуль продолжалъ вѣрить до 18 января! Но при этомъ, однако, не затруднился для негласнаго наблюденія за Чеберяковой, тайно отъ нея, приставить къ ней особаго человѣка—поступокъ изумительный въ отношеніи той, которой такъ вѣришь! Въ этихъ противорѣчіяхъ Бразуль запутался безнадежно, а такъ какъ онъ, вдобавокъ, очень обижался на то, что дѣянія его называли сыскомъ, а заявленія—доносами, то защитники подсудимаго, въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ Карабчевскаго и Маклакова, не замедлили протянуть утопающему руку помощи, въ результатѣ чего произошелъ такой діалогъ:

Карабчевскій. Вы не слышали о томъ, что во время запутанныхъ процессовъ какіе-либо литераторы принимали участіе въ разслѣдованіи? Вы не знаете объ этомъ изъ литературы? Можетъ быть, лавры этихъ литераторовъ не давали вамъ спать?

Бразуль-Брушковскій. Не то, что не давали спать, но я зналъ, что такіе случаи бывали за границей; я зналъ, однако, и то, что тѣ приемы, которые примѣнимы за границей, неприемѣнимы у насъ въ Россіи. Я во всякомъ случаѣ думаю, что границъ не перешелъ.

Карабчевскій. Не имѣли ли вы свѣдѣній изъ литературы, что въ дѣлѣ о Филоновѣ принималъ участіе Короленко, а въ дѣлѣ братьевъ Скитскихъ—Дорошевичъ, известный журналистъ? Или у васъ были какія-нибудь спеціальныя побужденія?

Бразуль-Брушковскій. Нѣтъ. Спеціальныхъ побужденій у меня не было, а былъ цѣлый рядъ входящихъ соображеній о томъ, что это дастъ мнѣ возможность выдвинуться, что это дастъ мнѣ заработокъ.

Маклаковъ. Вы думали, что деньги вамъ вернутся, траты ваши окупятся.

Бразуль-Брушковскій. Я былъ увѣренъ, что деньги мои не пропадутъ.

Маклаковъ. Такъ что вы тратили послѣднія деньги въ надеждѣ, что онѣ сторицей вернутся?

Бразуль-Брушковскій. Да.

Замысловскій. Вы надѣялись, что деньги вамъ вернутся. Можетъ быть онѣ уже вернулись?

Отвѣта на мой вопросъ не послѣдовало, ибо меня остановилъ предсѣдатель,—какъ мнѣ думается, незаслуженно, ибо, если можно спрашивать о свѣдѣніяхъ свидѣтеля по литературѣ и о его надеждахъ покрыть свои расходы въ будущемъ, то почему же нельзя спросить, не покрылись ли они въ настоящемъ?

Впрочемъ, съ «расходами» положеніе Бразуля тоже оказалось не изъ блестящихъ, что можно усмотрѣть хотя бы изъ такой страницы допроса:

Членъ суда Юркевичъ. Свидѣтель, давали вы деньги когда-нибудь Петрову, сколько и за что?

Бразуль-Брушковскій. Никогда не давалъ.

Членъ суда Юркевичъ. Не давали вы ему 50 рублей за то, чтобы онъ подтвердилъ ваше заявленіе, поданное 18 января?

Бразуль-Брушковскій. Нѣтъ.

Карабчевскій. Петрову, вообще, не за то, чтобы онъ показывалъ, а за какія-либо другія услуги вы какія-нибудь деньги давали?

Бразуль-Брушковскій. Давалъ мелкими суммами.

Предсѣдатель. Вы сейчасъ на вопросъ члена суда отвѣтили, что никакихъ денегъ Петрову не давали—ни 50 рублей, ни вообще—а на вопросъ защитника сказали, что мелкими суммами давали.

Бразуль-Брушковскій. Мелкими суммами давалъ.

Приглашается свидѣтель Петровъ.

Предсѣдатель. Свидѣтель Петровъ, вы слышали, Бразуль-Брушковскій говоритъ, что не давалъ вамъ 50 рублей.

Петровъ. Я получилъ отъ него и 50 и 25 рублей.

Предсѣдатель. За что?

Петровъ. 25 рублей я получилъ отъ Бразуля, чтобы внести въ казначейство наложенный на меня штрафъ за ношеніе револьвера, 50 рублей за подачу заявленія.

Предсѣдатель. Свидѣтель Бразуль-Брушковскій, вы удостовѣряете, что ни 25, ни 50 рублей не давали?

Бразуль-Брушковскій. Я денегъ ему не давалъ. Чеберякова просила освободить его отъ штрафа за ношеніе оружія, и я внесъ за него 25 рублей.

Замысловскій. Свидѣтель Петровъ, на эти 25 руб. въ казначействѣ должна быть росписка?

Петровъ. Да.

Замысловскій. Такъ что, если бы Бразуль-Брушковскій вздумалъ это отрицать, то имѣется росписка.

Петровъ. Безусловно.

Замысловскій. Значитъ, на 25 рублей есть росписка, а на 50 рублей росписки нѣтъ?

Петровъ. Нѣтъ.

Какое тонкое разграниченіе понятій! 25 рублей *Петрову* не давалъ, но 25 рублей *за Петрова* вносилъ... Значитъ, такъ или иначе, а 25 рублей отъ Бразуля въ пользу Петрова пошли. Этого не можетъ отрицать и самъ Бразуль, ибо есть квитанція. Но въ такомъ случаѣ очень искреннему, очень честному и донкихотствующему Бразулю не мѣшало бы объяснить, за что, собственно, онъ былъ такъ щедръ въ отношеніи Петрова.

Не лишнее добавить, что въ показаніи своемъ Бразуль нѣсколько разъ подчеркивалъ, въ какое стѣсненное матеріальное положеніе онъ попалъ во время своего «служенія правосудію», изъ-за крупныхъ расходовъ, вызванныхъ этимъ служеніемъ. У него, де, накопился чуть не цѣлый пукъ ломбардныхъ квитанцій на заложенные вещи. Однако, не замедлило выясниться, что очень скоро послѣ подачи своего второго заявленія отъ 6 мая Бразуль уѣхалъ на довольно продолжительное время въ Крымъ, на курортъ, чего раньше за нимъ не водилось.

Жандармскій подполковникъ Ивановъ, вызванный на судъ по ходатайству защиты и дававшій свое свидѣтельское показаніе послѣ Бразуля, удостовѣрилъ, что по свѣдѣніямъ безусловно достовѣрнымъ, за точность которыхъ онъ ручается, всѣ лица, принимавшія участіе въ добровольномъ разслѣдованіи, получали вознагражденіе. Суммами до 50 рублей завѣдывалъ Бразуль, выше 50 рублей—присяжный повѣренный Виленскій; самъ Бразуль, когда ѣздилъ въ Крымъ, получилъ три тысячи рублей.

Опроверженій этихъ фактовъ на судѣ мы отъ Бразуля не слышали.

V.

Красовскій и Дьяконовы.

Итакъ, послѣ упорныхъ обвиненій, арестовъ и обысковъ, направленныхъ противъ родственниковъ Андрияши, послѣ поддѣлки вещественныхъ доказательствъ, такъ своевременно откопанныхъ на Юрковской горѣ, послѣ загадочной поѣздки въ Харьковъ, послѣ заподозриванія Романюковъ, Цупенокъ, Кучеренокъ, даже слѣпного Мифле и Назаренка, сидѣвшаго въ день убійства подъ арестомъ, черезъ годъ съ лишнимъ по совершеніи преступленія, когда слѣдствіе было окончено, обвинительный актъ написанъ и судъ надъ Бейлисомъ являлся дѣломъ самаго близкаго будущаго — въ этотъ моментъ была выдвинута новая «версія», что Андрияша убитъ въ квартирѣ Чеберяковой, при ея участіи, волами Сингаевскимъ, Рудзинскимъ и Латышевымъ. Въ подтвержденіе этой версіи объявился цѣлый рядъ новыхъ показаній: знакомыя Чеберяковой, проживавшія недалеко отъ нея сестры Дьяконовы видѣли, будто бы, у нея въ квартирѣ нѣчто чрезвычайно подозрительное. Проживавшая въ томъ же домѣ, подъ Чеберяковыми, Малицкая слышала, будто бы, у нихъ странное перетаскиванье какого-то предмета изъ комнаты въ комнату. Нѣкимъ Махалину и Караеву Сингаевскій, братъ Чеберяковой, прямо сознался, и т. д.

Версія эта была изложена въ заявленіи Бразуля отъ 6 мая 1912 г. Несомнѣнно, однако, что настоящимъ ея авторомъ и вдохновителемъ былъ не Бразуль, а Красовскій, а потому на его дѣятельности необходимо остановиться.

Красовскій раньше исправлялъ должность начальника кievской сыскной полиціи и приобрѣлъ извѣстность, ибо считали, что имъ раскрыто нѣсколько громкихъ и загадочныхъ преступленій. Изъ кievской сыскной полиціи Красовскій попалъ на должность пристава 3 участка Сквирскаго уѣзда. Когда характеръ работы Мищука по дѣлу Ющинскаго выяснился достаточно, то специально для разслѣдованія этого убійства «прикомандировали» въ Кіевъ Красовскаго, который, однако, продолжалъ числиться приставомъ Сквирскаго уѣзда. Исторія съ бритьемъ и завиваніемъ Луки Приходько не оставляетъ сомнѣній, что Красовскій очень быстро пошелъ по мищуковской дорожкѣ, однако, повидимому, онъ отлично соображалъ и учитывалъ всѣ особенности своего положенія. Въ самомъ дѣлѣ, отрицательное отношеніе начальства къ Мищуку создалось вначалѣ потому, что Мищукъ упрямо, вопреки очевидности, сосредоточивалъ розыски на Слободкѣ и не желалъ вести ихъ какъ слѣдуетъ на Лукьяновкѣ, твердя, что разслѣдованія въ отношеніи евреевъ производить нечего, ибо ритуальныхъ убійствъ въ двадцатомъ вѣкѣ не бываетъ. Если въ этомъ заключались «ошибки» Мищука, вызвавшія къ нему недовѣріе, а Красовскаго выписали изъ Сквирскаго уѣзда для поправленія сихъ ошибокъ, то представлялось очевиднымъ, что, искренне или для вида, на самомъ ли дѣлѣ или на показъ, но Красовскому произвести розыски въ отношеніи Лукьяновки, въ отношеніи евреевъ, было необходимо.

И онъ это прекрасно сообразилъ. Не менѣе хорошо понялъ Красовскій и то, что съ нимъ будутъ серьезно считаться только тогда, когда изъ этихъ розысковъ увидятъ, что онъ въ курсѣ дѣла, что онъ нащупалъ, гдѣ настоящія нити — только тогда онъ, временно прикомандированный приставъ Сквирскаго уѣзда, явится настоящей величиною, съ которою и разговоры будутъ настоящіе.

Отсюда вытекаетъ, прежде всего, двойственность въ поведеніи Красовскаго. Весьма характернымъ является въ этомъ отношеніи первое показаніе, которое онъ далъ слѣдователю Фененкѣ 29 іюля 1911 г.:

«5 мая текущаго года, по распоряженію прокурора Киевскаго Окружнаго Суда, я пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ мнѣ было поручено производить разслѣдованіе по настоящему дѣлу... Изъ осмотра пещеры я убѣдился, что убійство это было совершено гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и трупъ покойнаго мальчика, конечно, ночью»

былъ принесенъ въ пещеру, причемъ, несомнѣнно, былъ принесенъ тѣмъ лицомъ, которое было знакомо съ этой мѣстностью и особенно съ пещерой... Осматривая квартиру Приходекъ, я убѣдился, что убійство здѣсь не могло быть совершено. Квартирка состоитъ всего изъ одной комнаты съ перегородкой, причемъ рядомъ помѣщается квартира хозяевъ Заблудскихъ, въ которой все рѣшительно слышно, что дѣлается у Приходько. Придя къ этому заключенію, я главнымъ образомъ перенесъ всѣ свои розыски на Лукьяновку... Удалось мнѣ установить, что Жена вмѣстѣ съ Андрюшей и другими мальчишками часто ходили въ заводскую усадьбу Зайцева, гдѣ катались на мялѣ... Та усадьба, въ которой проживаетъ Чеберякова, граничитъ съ усадьбой Зайцевскаго завода, причемъ заборъ, отдѣляющій эти двѣ усадьбы, былъ поломанъ и въ усадьбу Зайцева изъ усадьбы, гдѣ жила Чеберякова, не только можно было пройти въ мартѣ мѣсяцѣ, но и проѣхать. Въ усадьбѣ Зайцева, въ зимнее время очень пустынной, мальчишки даже устраивали войны, причемъ любимымъ ихъ занятіемъ было устраивать игры въ громадной гофманской печи, расположенной въ оврагѣ этой усадьбы... Я обратилъ, главнымъ образомъ, вниманіе на гофманскую печь. Въ этой печи, по моему мнѣнію, скорѣе всего и было совершено убійство Андрюши. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ усадьбѣ Зайцева лежалъ еще снѣгъ и на открытомъ мѣстѣ да еще и утромъ трудно было совершить такое дѣло. О снѣгѣ я упомянулъ вотъ почему. Когда мнѣ показали вещи убитаго мальчика, я увидѣлъ на нихъ приставшую глину, что указывало на то, что убійство совершено было именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ была глина, а послѣдняя была тогда именно только въ гофманской печи, такъ какъ всюду въ другихъ мѣстахъ имѣлся снѣгъ... 26 іюля я, между прочимъ, произвелъ обыскъ въ квартирѣ Бейлиса и нашелъ тамъ среди другихъ инструментовъ и четыре швайки. Въ квартирѣ Менделя помѣщалась и въ настоящее время помѣщается шорная мастерская... Сына Менделя Бейлиса Пиньку я разспрашивалъ, причемъ мнѣ онъ говорилъ, что ни Андрюшу Ющянскаго, ни Женю Чеберякова онъ не зналъ и съ ними никогда не гулялъ. Такое заявленіе Пиньки оказалось ложнымъ, такъ какъ мнѣ удалось установить, что Пинька хорошо былъ знакомъ съ Андрюшей и Женей, съ которыми онъ неоднократно гулялъ въ заводской усадьбѣ».

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о швайкахъ, о глинѣ, о гофманской печи—все это будетъ подробно рассмотрѣно въ своемъ

мѣстѣ. Пока для меня важно общее впечатлѣніе отъ заявленій Красовскаго. Они не оставляютъ сомнѣній, что по его, Красовскаго, убѣжденію, мѣсто убійства—заводская усадьба. «Въ этой печи (гофманской), по моему мнѣнію, скорѣе всего и было совершено убійство» — таковы буквальные слова Красовскаго въ ту пору. «На вещахъ убитаго мальчика я увидѣлъ глину, а послѣдняя была тогда именно только въ гофманской печи». Утвержденіе не вполне вѣрное: глина была тогда и въ сгорѣвшей впоследствии конюшнѣ, къ которой примыкала расположенная съ ней подъ одной крышей шорная, и въ сарайчикѣ, тоже сгорѣвшемъ, который тянулся противъ конюшни и шорной. Но нѣкоторая ошибка, допущенная Красовскимъ, не мѣняетъ общаго характера этихъ его указаній, всецѣло направленныхъ къ изобличенію заводскихъ жидовъ.

Кромѣ умозаключеній, онъ даже даетъ какъ будто реальную, осязательную улику, имѣя самимъ обнаруженную все въ томъ же направленіи—на обыскѣ, произведенномъ въ квартирѣ Бейлиса, найдены имъ, Красовскимъ, четыре швайки, и не его вина, что таковыя не подошли къ ранамъ, причиненнымъ Ющинскому. Во всякомъ случаѣ, его, Красовскаго, нельзя упрекнуть, что онъ не направилъ розысковъ на Лукьяновку. Нѣтъ, онъ дѣйствовалъ всесторонне, онъ искалъ и на Лукьяновкѣ и даже—больше того—на самомъ заводѣ. Искалъ, нашелъ швайки, сдѣлалъ изобличающія евреевъ умозаключенія насчетъ глины. Чего же еще требовать? «Видимость» соблюдена въ полной мѣрѣ. Раскусить сразу, что это только хожденіе кругомъ да около, нужное для показа, для отвода глазъ — не такъ легко, а пока не раскусили, какія же основанія для судебной власти не довѣряютъ Красовскому? И слѣдователь Фененко, видимо, довѣряетъ. Красовскій заявляетъ ему прямо, что производитъ «обыски», и слѣдователь считаетъ это какъ будто въ порядкѣ вещей, по крайней мѣрѣ ничѣмъ на таковое заявленіе не реагируетъ, между тѣмъ, постановленія Устава Уголовнаго Судопроизводства не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, разъ началось предварительное слѣдствіе, обыски долженъ производить *слѣдователь* самолично, а полиція на ихъ производство не имѣетъ ни малѣйшаго права, за исключеніемъ лишь тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, о которыхъ въ данномъ случаѣ, разумѣется, не было и рѣчи (напримѣръ, необходимости произвести одновременно нѣсколько обысковъ въ разныхъ мѣстахъ). Такимъ обра-

зомъ, Красовскій пріобрѣтаетъ такое довѣріе слѣдователя, что какъ будто почти его замѣняетъ: самъ обыскиваетъ, самъ арестуетъ, производитъ совершенно самостоятельные допросы, даетъ свое заключеніе объ одеждѣ убитаго, которую онъ видѣлъ не на трупѣ, а лишь въ качествѣ вещественнаго доказательства, — слѣдователь же все сіе заноситъ въ протоколъ.

Итакъ, съ этой стороны Красовскій сумѣлъ устроить свое положеніе наилучшимъ образомъ. Однако, никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ уликъ противъ завода и его обитателей онъ не далъ, и здѣсь ни одного ареста не произвелъ. Общія соображенія и разсужденія Красовскаго, тщательно записанныя слѣдователемъ, еще не суть улики, а представленныя Красовскимъ четыре швайки (отобранныя, кстати сказать, не въ квартирѣ Бейлиса, а въ шорной мастерской) мало-мальски серьезнаго значенія имѣть тоже не могли. Важно, что на заводѣ была шорная мастерская. Для установленія этого обстоятельства въ Красовскомъ никакой нужды не настояло. А затѣмъ, сколько оставалось въ той мастерской шваекъ черезъ четыре съ половиною мѣсяца послѣ убійства — было рѣшительно безразлично. Однако, если убійство дѣйствительно совершалось въ шорной или въ конюшнѣ (а мое убѣжденіе именно таково), то обыскъ, произведенный Красовскимъ, повидимому, весьма поверхностный, не давъ никакихъ положительныхъ результатовъ, никакихъ уликъ, несомнѣнно, всполошилъ убійцъ и заставилъ ихъ видѣть въ Красовскомъ человѣка, который сунулся въ одно изъ наиболѣе опасныхъ для нихъ мѣстъ, съ которымъ надо серьезно считаться.

Пріобрѣтя довѣріе слѣдователя Фененки, поразказавъ ему цѣлый рядъ соображеній о томъ, что убійство было на заводѣ, но не представивъ въ этомъ направленіи ни одной фактической улики, Красовскій одновременно учинилъ такія дѣйствія, которыя приводятъ къ прямому выводу, что повеленіе его у слѣдователя было только для показа, только для пріобрѣтенія довѣрія у судебныхъ властей и для укрѣпленія тѣмъ своего положенія.

При допросѣ на судѣ Красовскій, напримѣръ, показалъ слѣдующее:

«Это было приблизительно недѣли двѣ съ половиной послѣ того, какъ я вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Генераль-губернаторъ потребовалъ, чтобы я высказалъ свой взглядъ,

свое определенное мнѣніе по этому дѣлу. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыми я располагалъ, я доложилъ генераль-губернатору, что, по моему мнѣнію, это дѣло рукъ воровской шайки. Генераль-губернаторъ спросилъ меня, почему у меня составилось такое мнѣніе? Тогда я высказалъ ему свои соображенія».

Итакъ, въ концѣ мая Красовскій докладываетъ генераль-губернатору, что убійство совершено шайкою воровъ; въ концѣ іюля онъ же, Красовскій, показываетъ слѣдователю, что убійство совершено на заводѣ, вѣрнѣе всего въ гофманской печи—ни словомъ не упоминая о ворахъ, о воровской шайкѣ, а въ промежутокъ между этими совершенно противоположными сообщеніями, Красовскій, переходя отъ словъ къ дѣлу и не трогая ни одного жида, арестуетъ чуть не всѣхъ родственниковъ Юцинскаго и подстраиваетъ улики противъ Луки Приходько, не останавливаясь передъ приемами, явно преступными.

Къ августу такая его дѣятельность была, наконецъ, оцѣнена по достоинству и Красовскій откомандированъ обратно въ Сквирскій уѣздъ, а затѣмъ, къ началу 1912 года, вовсе уволенъ отъ службы. Съ этого времени, съ весны 1912 года, начинается дѣятельность Красовскаго, какъ добровольца, въ тѣсномъ единеніи съ Бразулемъ, а нѣсколько позже съ Караевымъ и Махалинымъ. «Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1912 г.—показываетъ Красовскій судебному слѣдователю Машкевичу:—на основаніи опыта прежнихъ лѣтъ и на основаніи глубокаго убѣжденія въ томъ, что убійство Юцинскаго есть обыкновенное убійство обыкновенныхъ преступниковъ изъ мести, я сталъ собирать свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ въ преступной средѣ, гдѣ у меня были связи еще по моей прежней службѣ въ должности начальника сыскной полиціи въ Кіевѣ». Какъ видите, ничего общаго съ тѣмъ, что годъ тому назадъ этотъ же самый Красовскій показывалъ слѣдователю Фененкѣ. На вопросъ Машкевича, почему Красовскій не прибѣгъ раньше, годъ тому назадъ, когда еще былъ на службѣ, къ помощи этихъ своихъ связей въ преступномъ мірѣ, которыя, по его, Красовскаго, словамъ, сразу дали столь успѣшные результаты, — послѣдовалъ отвѣтъ, что тогда мѣшали Мищукъ и правыя организаціи! Въ чемъ выражалась эта помѣха со стороны правыхъ организацій, какъ могли таковыя помѣшать ему сносятся съ преступнымъ міромъ—Красовскій такъ и не разъяснилъ, но, во всякомъ случаѣ, когда онъ брилъ и завивалъ Луку Приходьку, то помѣхи правыхъ организацій не побоялся.

Первымъ шагомъ Красовскаго въ апрѣлѣ 1912 г. было сближеніе съ сестрами Екатериною и Ксенією Дьяконовыми, дѣвками въ возрастѣ одна 21, другая 23 лѣтъ, по ремеслу, согласно ихъ заявленію, модистками, хорошими знакомыми Чеберяковой.

Сближеніе выразилось въ томъ, что на другой же день послѣ того, какъ Красовскій, подъ видомъ москвича, корреспондента московскихъ газетъ, познакомился съ Екатериною Дьяконовой, они вчетверомъ — вмѣстѣ съ Ксеніей Дьяконовой и Выграновымъ — ужинали и пили вино въ отдѣльномъ кабинетѣ одного изъ ресторановъ. Такіе ужины Красовскаго съ Екатериною Дьяконовой повторялись, согласно ея показанію, разъ тридцать. По счетамъ платилъ Красовскій, но сколько — она не помнитъ. Въ періодъ сихъ ужиновъ и появились «откровенныя показанія» сестеръ Дьяконовыхъ.

О прошломъ свидѣтельница самъ Красовскій заявилъ судебному слѣдователю между прочимъ такъ:

«Дьяконовы мнѣ говорили, что черезъ Чеберякову какая-то содержательница тайнаго дома терпимости продала ихъ какому-то старому чиновнику», а затѣмъ, рассказывая о различныхъ кражахъ, къ которымъ была причастна Чеберякова, и о томъ, какъ она изъ дѣлъ объ этихъ кражахъ выпутывалась, Красовскій показалъ, что однажды, дабы выпутаться, Чеберяковой пришлось сослаться, будто оказавшееся у нея краденое платье она купила на толчкѣ, и эту ссылку *завѣдомо ложно* подтвердила у мирового судьи Ксенія Дьяконова, вслѣдствіе чего Чеберякова была оправдана. Правда, свѣдѣнія эти приводились Красовскимъ въ той части его показанія, гдѣ онъ расписывалъ Чеберякову олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ, всѣхъ злодѣяній, однако нельзя сказать, чтобы и Дьяконовы были обрисованы здѣсь чертами, возбуждающими довѣріе къ этимъ свидѣтельницамъ. Относительно же Чеберяковой яркихъ красокъ не жалѣли. Такъ, на примѣръ, Красовскій, со словъ Дьяконовыхъ, повѣствуетъ въ своемъ показаніи судебному слѣдователю, что въ 1905 году, послѣ еврейскаго погрома, къ Чеберяковой на квартиру свозили много награбленныхъ вещей, и когда пошли обыски, то у нея остались цѣлыя штуки шелка. И сбывать, и хранить его было опасно, а потому Чеберякова рѣшила сжечь все въ печи и такъ накалила печь сжиганіемъ шелка, что, не подкладывая дровъ, испекла булки, а чеберяковская компанія шутила потомъ, какъ вкусны булки, испеченныя на шелку.

Однимъ словомъ, злодѣйство, преступность, доведенныя почти до легендарности.

Еще до знакомства съ Красовскимъ, Екатерина Дьяконова была знакома, оказывается, съ жандармскимъ подполковникомъ Ивановымъ, который по этому поводу показалъ, что, производя разслѣдованіе по дѣлу Ющинскаго, пользовался своей агентурой, въ которой состояла и Екатерина Дьяконова, однако свѣдѣнія она доставляла очень скромныя. Затѣмъ, послѣ появленія въ маѣ 1912 г. второго Бразулевскаго заявленія, Дьяконова вдругъ стала давать свѣдѣнія одно сенсаціоннѣе другого. При изложеніи ею этихъ совершенно новыхъ фактовъ, Иванова поразила слѣдующая особенность: въ первый день, когда онъ ее допрашивалъ, Дьяконова на цѣлый рядъ вопросовъ давала туманные и сбивчивые отвѣты, въ слѣдующій же день на вопросы, которые ей были заданы ранѣе, слѣдовали отъ нея вполне ясныя и опредѣленные отвѣты, а на новые вопросы она снова затруднялась отвѣчать, говорила туманно и сбивчиво. У Иванова получилось впечатлѣніе, что ясность отвѣтовъ Дьяконовой появлялась изрѣкъ, т. е. ее кто-нибудь подучалъ. При допросѣ Красовскаго, Ивановъ тщетно старался выяснить, откуда, изъ какого первоисточника были получены Красовскимъ свѣдѣнія для майскаго заявленія Бразуля: Красовскій придавалъ отвѣту таинственность и заявлялъ, что назвать источникъ не считаетъ себя въ правѣ.

На судѣ, по поводу отношеній Екатерины Дьяконовой къ Иванову мой допросъ этой свидѣтельницы принялъ такую форму:

Замысловскій. Свидѣтельница Дьяконова, вы не были агентомъ у подполковника Иванова?

Дьяконова. Нѣтъ. Я только ходила къ нему, говорила то, что знаю—разсказывала.

Замысловскій. И деньги получали?

Дьяконова. Да, онъ мнѣ иногда давалъ.

Замысловскій. За свѣдѣнія?

Дьяконова. За свѣдѣнія онъ мнѣ не платилъ.

Замысловскій. А за что же?

Дьяконова. Онъ давалъ мнѣ деньги на трамвай.

Замысловскій. Копѣекъ по пять, по восемь?

Дьяконова (обидчиво). Нѣтъ, по пять рублей давалъ.

Замысловскій. Сколько разъ онъ вамъ по пять рублей давалъ?

Дьяконова. Раза два, три.

Замысловскій. Можетъ быть, и больше?

Дьяконова. Не помню.

Показанія Екатерины Дьяконовой сводились въ общемъ къ слѣдующему: дня за три до убійства Ющинскаго къ ней пришла Чеберякова и пригласила ее съ сестрой къ себѣ въ гости, такъ какъ, молъ, у нея, Чеберяковой, поселились интересные квартиранты: доктора и профессора. Вечеромъ Дьяконовы пришли и застали у Чеберяковой четырехъ молодыхъ людей, съ которыми и познакомились. Одного Екатерина Дьяконова знавала раньше: это былъ Николай Мандзалевскій, котораго Чеберякова называла Колинешкой, объясняя раньше Дьяконовой, что онъ фельдшеръ и всегда имѣетъ деньги. Другой былъ Михалкевичъ, третій Иванъ Латышевъ—его Чеберякова выдавала за доктора, четвертаго звали «Витька Бритый».

По этому поводу прокуроръ спросилъ на судѣ Дьяконову: «Что-жь, его такъ и звали «Витькой Бритымъ», несмотря на то, что онъ былъ профессоръ?»

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало.

Когда всѣ эти доктора и профессора собрались, то, по словамъ Дьяконовой, «у насъ разыгрался журфиксъ»: начали играть въ почту. Мандзалевскій вынулъ изъ кармана книжку съ бѣлой бумагой, листики которой имѣли *проколы*. Изъ этой книжки игравшіе вырывали по листку, а затѣмъ Мандзалевскій книжку спрятали. Во время игры Дьяконова получила «по почтѣ» «оскорбительное письмо». Оказалось, что написалъ его «Витька Бритый». Дьяконова назвала его дуракомъ, обидѣлась и ушла. Въ ближайшіе дни, однако, обида прошла и Дьяконова съ сестрой опять была у Чеберяковой уже днемъ. Застали тамъ тѣхъ же четырехъ мужчинъ, а кромѣ нихъ приходили Рудзинскій, Клименко, Лисуновъ. 11 марта Екатерина Дьяконова вновь пошла къ Чеберяковой уже одна, утромъ. Во время этого ея посѣщенія, между 12 и 1 часомъ дня, во всякомъ случаѣ не позже часа, къ Чеберяковымъ явился Андрюша Ющинскій. Дьяконова ушла около трехъ часовъ дня и въ это время Андрюша только собирался съ Женей гулять на Загоровщину.

12 марта Дьяконова была у Чеберяковой между 12 и часомъ дня. Застала тамъ Рудзинскаго, Ивана Латышева, Лисунова и брата Чеберяковой, Петра Сингаевскаго. Коверъ, лежавшій передъ диваномъ, былъ завернутъ приблизительно на половину. На полу валялись окурки. При появленіи Дьяконовой, Сингаев-

скій, Латышевъ, Рудзинскій и Лисуновъ успѣшили скрыться въ другую комнату, а Дьяконову Чеберякова пригласила въ кухню, сама же нѣсколько разъ выходила въ большую комнату и спрашивала у «хлопцевъ», не будутъ ли они пить чай, не послать ли за булкой. Дьяконова освѣдомилась у Чеберяковой, почему «хлопцы» спрятались, а Чеберякова отвѣтила, что они отдыхаютъ, такъ какъ имъ скоро надо идти на дежурство, однако, судя по смѣху и разговору, они не отдыхали. Въ кухнѣ Дьяконова обратила вниманіе на «бадю» съ грязной водой. На вопросъ Дьяконовой: зачѣмъ въ лоханкѣ вода,—Чеберякова отвѣтила, что мужъ, Василій Петровичъ, и дѣти будутъ купаться. По сему поводу на судѣ произошелъ такой разговоръ:

Замысловскій. Свидѣтельница Дьяконова, относительно этой ванны Чеберякова вамъ говорила, что будетъ купать и дѣтей и мужа?

Дьяконова. Да, и мужа.

Замысловскій. А вода какая была, холодная или горячая (въ протоколѣ слѣдователя записано «холодная»).

Дьяконова. Я не знаю, я не видѣла.

Замысловскій. Вѣдь отъ горячей воды паръ идетъ? (Молчаніе). Вамъ не показалось страннымъ, какъ же мужа 12 марта будутъ купать въ холодной грязной водѣ? (*Смѣхъ въ публикѣ*).

Дьяконова. Я не придавала этому значенія.

Замысловскій. Вамъ не показалось это чѣмъ-то несообразнымъ?

Дьяконова. Мнѣ подозрительно было, что вода грязная.

Послѣдующія за днемъ 12 марта событія свидѣтельница описывала такъ: того же числа, часовъ въ 8 вечера, пришла къ ней Чеберякова и собралась уходить уже послѣ 12 ночи, говоря, что ей нужно сдавать на вокзалѣ въ багажъ докторскіе инструменты «Ваньки», т. е. Латышева. На другой день, 13 марта, Чеберякова снова пришла къ Дьяконовымъ и говорила, что предчувствуетъ какую-то непріятность, ибо видѣла въ окнѣ тѣнь городского, а это у нея всегда къ непріятности. Вечеромъ она стала просить Дьяконову идти къ ней ночевать: дѣтей и мужа нѣтъ дома, ей одной будетъ скучно и страшно спать. Екатерина Дьяконова согласилась. Онѣ зашли за ихъ знакомой Еленой Черняковою и всѣ втроемъ пошли къ Чеберяковой ночевать, но, какъ только пришли, ихъ объялъ какой-то непонятный страхъ и онѣ, оставивъ въ кухнѣ зажженную лампу, всѣ

втроемъ отправились къ Дьяконовой, гдѣ и переночевали. 14 марта подъ вечеръ Чеберякова опять принялась звать Екатерину Дьяконову къ себѣ ночевать. Та согласилась. Онѣ пришли на квартиру Чеберяковой, гдѣ никого кромѣ нихъ не было, и улеглись спать на одной кровати, Дьяконова ближе къ стѣнкѣ. Ночью, протянувъ во снѣ ногу, свидѣтельница прикоснулась къ какому-то предмету, и ощущение прикосновенія напомнило ей прикосновеніе къ предмету, напоминающему по упругости человеческое тѣло. Утромъ Дьяконова обнаружила, что это былъ мѣшокъ, прикрытый сверху грязнымъ бѣльемъ, набросаннымъ въ беспорядкѣ.

Таково, въ главныхъ чертахъ, показаніе, данное Екатериною Дьяконовою слѣдователю и долженствовавшее послужить тою канвою, на которой была вышита Красовскимъ «версія», изложенная въ послѣднемъ бразулевскомъ заявленіи.

Игра въ почту давала указаніе на ту бумагу съ проколами, которая фигурировала въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, какъ найденная около трупа. Не была ли это совсѣмъ такая же, съ такими же проколами бумага, какъ та, на которой профессоръ Витка Бритый написалъ дерзость мадемуазель Дьяконовой и получилъ отъ нея дурака!?

Появленіе у Чеберяковыхъ Андрюши 11 марта, наканунѣ убійства, не дастъ ли нитей къ выясненію того, зачѣмъ, собственно, Чеберякова и ея сотрудники учинили такое, на первый взглядъ, совершенно для нихъ бессмысленное убійство?

Смятеніе и беспорядокъ, застигнутые Дьяконовою у Чеберяковой 12 марта, не показываютъ ли, что она попала туда, гдѣ только что совершено тяжкое преступленіе? Завернутый наскоро коверъ не скрывалъ ли трупа, а вода въ лоханкѣ не предназначалась ли для замыванія слѣдовъ убійства — можетъ быть это замываніе уже и началось, потому что вода была грязная, мутная.

Упорное нежеланіе Чеберяковой оставаться одной ночевать 13 и 14 марта не указываетъ ли на беспокойную совѣсть, на тотъ страхъ убійцы, который передается окружающимъ? А заброшенный грязнымъ бѣльемъ мѣшокъ, производившій впечатлѣніе чего-то упругаго — не въ него ли былъ спрятанъ трупъ Ющинскаго, пока не перетащили его въ пещеру!?

Именно такъ и вышивалъ на этой канвѣ свои узоры Красовскій. Онъ былъ допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ Маш-

кевичемъ раньше, чѣмъ Дьяконова, и между прочимъ показалъ:

«Изъ сообщенія Дьяконовой я узналъ, что Чеберякова со своими единомышленниками представляла тѣсно сплоченную организацію, выработавшую извѣстную систему конспирацій». По словамъ Красовскаго выходило, что сія «организація» совершала чуть ли не большую часть всѣхъ кievскихъ кражъ и была «потревожена» обысками и арестами ея сочленовъ какъ разъ передъ 12 марта—это дало основаніе членамъ организаціи предполагать, что ихъ кто-то выдалъ. Пока компанія Чеберяковой не была потревожена, у нея, какъ рассказывала Красовскому Дьяконову, постоянно происходили пирушки, а на нихъ игра въ почту, причемъ записки писались на небольшихъ квадратахъ бумаги съ проколами—«а мнѣ извѣстно, продолжаетъ Красовскій, что подобные куски бумаги съ проколами были найдены въ пещерѣ у трупа Ющинскаго». Передавая далѣе рассказъ Дьяконовой о ночевкахъ, Красовскій показываетъ:

«Впослѣдствіи Чеберякова, вспоминая объ этой ночи, говорила Дьяконовой, что ей казалось, будто за нею по пятамъ слѣдуетъ Ющинскій. Такъ какъ у трупа былъ найденъ кусокъ наволочки, который я видѣлъ и внимательно изучалъ, то я и спросилъ у Дьяконовыхъ, какія были наволочки у Чеберяковой... Однажды Екатерина Дьяконова бросила такую фразу: Когда начали колоть Ющинскаго, то онъ пытался было закричать, Вѣрка же крикнула: «Сорвите вторую наволочку съ подушки и заткните ему ротъ». Сказавъ мнѣ это, Екатерина Дьяконова была крайне взволнована. На мои же просьбы, чтобы она продолжала рассказывать подробности, она отвѣтила, уклоняясь отъ разсказа: «Страшно, страшно, страшно!» Въ такомъ же душевномъ состояніи Дьяконова сообщила мнѣ, что Ющинскаго кололи швайкой, чтобы нечаянно не разбрызгать кровь, и въ то время, когда одинъ кололъ, другой подставлялъ тряпку и вымакивалъ кровь. Я спросилъ у Дьяконовой: откуда она все это знаетъ, на что Дьяконова, крайне взволнованная, смущенно отвѣтила:—Мнѣ это по-дружески сказала сама Вѣрка».

Однако, всѣ эти рассказы, при первой же проверкѣ ихъ, начали расползаться по всѣмъ швамъ.

Во-первыхъ, рассказъ Дьяконовой оказался въ непримиримомъ противорѣчій съ нѣкоторыми, совершенно несомнѣнными обстоятельствами дѣла; во-вторыхъ, между показаніемъ самой

Дьяконовой и тѣмъ, что съ ея, будто бы, словъ воспроизводилъ Красовскій, обнаружилась весьма существенная разница, очень ясно показывающая, какъ весь рассказъ выдумывался и пригонялся къ тѣмъ уликамъ, которыя нужно было создать.

Дьяконова удостовѣрила, что 11 марта, наканунѣ убійства, видѣла у Чеберяковыхъ Андриюшу: онъ пришелъ не позже часа дня и еще въ три часа дня оставался у Жени, собираясь съ нимъ гулять.

Этого быть не могло, ибо данными дѣла твердо установлено, что 11 марта Андриюша учился въ Софійскомъ училищѣ, откуда вышелъ со своими школьными товарищами, купилъ, по порученію своей тетки, Наталіи, особыхъ кнопокъ, нужныхъ ей для ея коробочнаго производства, около двухъ часовъ дня вернулся уже домой, а около трехъ явился съ кнопками къ теткѣ. И 10 и 9, вообще всѣ послѣдніе дни онъ, по окончаніи училища, — гдѣ нахожденіе его было установлено и показаніями товарищей, и класснымъ журналомъ, — сразу же возвращался домой.

Не могъ быть у Чеберяковой 12 марта и Лисуновъ по той простой причинѣ, что въ это время, какъ документально установлено, онъ содержался подъ стражей. Сіе недоразумѣніе Дьяконова постаралась исправить: на судѣ она говорила уже, что 12 марта видѣла у Чеберяковой не четырехъ, а только трехъ «хлопцевъ», Лисунова не было и назвала она его слѣдователю «по ошибкѣ». Однако, стоитъ обратиться къ тексту слѣдственнаго протокола, дабы убѣдиться, что о случайной ошибкѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Въ протоколѣ отъ 20 іюля 1912 г. читаемъ: «Все то, что я вамъ до сихъ поръ показывала, я рассказывала и Красовскому, а также и подполковнику Иванову, причемъ и тому, и другому говорила, что 12 марта я видѣла въ большой комнатѣ Чеберяковыхъ четырехъ человекъ, а не трехъ. Мнѣ показывалъ Ивановъ карточки, и я ему указала на карточкахъ всѣхъ 4-хъ: Латышева, Сингаевского, Рудзинекаго и Лисунова. Я фамиліи эти помнила, и когда я рассказывала объ этомъ Красовскому, то всѣхъ 4-хъ человекъ назвала по фамиліямъ. Послѣ вашего сообщенія о томъ, что Красовскій съ моихъ словъ не называетъ Лисунова въ числѣ бывшихъ у Чеберяковой 12 марта, я могу лишь сказать, что Красовскій забылъ про Лисунова. На вашъ вопросъ, почему фамилія Лисунова пропущена въ моемъ показаніи 15 мая с. г., даннымъ

подполковнику Иванову, я ничего не могу объяснить и не знаю, почему какъ Ивановъ, такъ и Красовскій о Лисуновѣ ничего не упоминаютъ. Я и теперь утверждаю, что 12 марта при моемъ входѣ въ квартиру Чеберяковой Латышевъ, Лисуновъ, Сингаевскій и Рудзинскій скрылись въ комнату Чеберякова».

Такимъ образомъ, точность, опредѣленность заявленія полнѣйшая.

Очевидно, въ первоначально составленномъ разсказѣ Лисуновъ фигурировалъ; затѣмъ, при дальнѣйшей провѣркѣ, въ разсказъ были внесены поправки, но Дьяконова, ко времени слѣдственнаго допроса, ихъ не усвоила. Въ дѣлѣ есть любопытныя данныя, что околоточный Кириченко собиралъ по полицейскимъ участкамъ справки, какія лица тамъ содержались подъ арестомъ въ серединѣ марта 1911 г., и сообщилъ эти свѣдѣнія Красовскому, которому былъ очень преданъ, хотя тотъ былъ въ это время уже разслѣдователемъ добровольцемъ. Премудрая осторожность, послѣ недоразумѣній сначала съ Назаренкой, потомъ съ Лисуновымъ...

Съ дьяконовскимъ разсказомъ о ночевкахъ вышли тоже осложненія. Передавая слѣдователю эту часть повѣствованія Дьяконовой, Красовскій первою по времени поставилъ ту ночевку, которая была доведена до конца и гдѣ происходило прикосновеніе къ мѣшку, а второю — ночевку съ ужасомъ и бѣгствомъ. Разумѣется, правдоподобность разсказа требовала именно такого порядка: если въ первую же ночь на ночевавшую напалъ ужасъ, заставившій ее бѣжать безъ оглядки, то на слѣдующую ночь она уже ночевать не пойдетъ, тѣмъ болѣе, что къ тому нѣтъ и никакой нужды. Съ другой стороны, если надлежало дать намекъ, указаніе, что, молъ, въ мѣшкѣ былъ трупъ, то, конечно, слѣдовало отнести сіе къ 13-му, а не къ 14-му марта: трудно предположить, чтобы мертвое тѣло могло пролежать въ теплой комнатѣ свыше сутокъ, не издавая запаха и не оставляя на мѣшкѣ пятенъ, но распространить такое предположеніе на двое съ половиною сутокъ совершенно невозможно. Соотвѣтственно сему, въ показаніи Красовскаго ночевки и были поставлены, такъ сказать, въ правильномъ порядкѣ: сначала ночевка, доведенная до конца, съ прикосновеніемъ къ ужасному мѣшку, а потомъ ночевка, прерванная паническимъ страхомъ, бѣгствомъ, но Дьяконова, увы, ихъ переставила и получилось уже нѣчто совершенно невѣроятное.

Между прочимъ, слѣдователь Машкевичъ, составивъ планъ чеберяковской квартиры, предложилъ Дьяконовой указать на планѣ, гдѣ была кровать, на которой она спала, и гдѣ мѣшокъ. Изъ указаній, сдѣланныхъ свидѣтельницами и подтвержденныхъ ею по плану на судѣ, совершенно очевидно, что, лежа къ стѣнѣ и просунувъ ногу, она дотронуться до мѣшка никоимъ образомъ не могла.

Съ другими свидѣтельскими показаніями рассказъ Екатерины Дьяконовой о ночевкахъ тоже находится въ полномъ противорѣчій. Такъ, сестра ея Ксенія показала по сему поводу судебному слѣдователю.

«До Пасхи, но уже *послѣ обнаруженія трупа Ющинскаго*, Чеберякова приглашала меня и сестру идти ночевать къ ней... Я не пошла тогда, а ходила моя сестра съ Еленой Черняковой. Онѣ среди ночи вернулись къ намъ съ Чеберяковой. Это былъ *единственный случай*, когда сестра ходила ночевать къ Чеберяковой. Ни раньше, ни позже сестра никогда у Чеберяковой не ночевала».

Такимъ образомъ, Ксенія Дьяконова, хотя, какъ будто, и подтверждаетъ ночевку ея сестры у Чеберяковой, но описываетъ событія совершенно иначе, ибо категорически заявляетъ, во-первыхъ, что ночевка была одна, а не двѣ, какъ рассказываетъ ея сестра, и, во-вторыхъ, уже послѣ обнаруженія трупа Ющинскаго, т. е. послѣ 20 марта, а вовсе не 13 или 14, какъ повѣствуетъ Екатерина. На судѣ Ксенія пробовала отговариваться, что этихъ обстоятельствъ она хорошо не помнитъ, но впечатлѣніе, что весь рассказъ о ночевкахъ измышленъ, едва ли путемъ такой отговорки ослабилось, тѣмъ болѣе, что столь же крупное противорѣчіе оказалось у Екатерины Дьяконовой съ Еленой Черняковой, показаніе которой слѣдователемъ записано такъ:

«Я категорически заявляю, что не было такого случая, чтобы я отъ Дьяконовыхъ, по приглашенію Чеберяковой, ходила когда-либо съ Екатериной Дьяконовой и Чеберяковой къ послѣдней ночевать... Положительно такого случая никогда не было. Съ Чеберяковой я еще въ 1910 г. прекратила всякое знакомство, такъ какъ она, приревновавъ меня къ Ивану Дьяконову, подстерегла на улицѣ и побила».

На судѣ Чернякова измѣнила это показаніе, но противорѣчіе отъ такого измѣненія не только не устранилось, но усугу-

билось; свидѣтельница показала, что припомнила такой случай: мѣсяцевъ за шесть до убійства, она была у Дьяконовой. Явилась Чеберякова и попросила придти къ ней посидѣть — ей скучно. «Когда мы пришли къ Чеберяковой на квартиру, она приняла насъ не въ комнатѣ, а въ кухнѣ. Мы задали вопросъ, почему она принимаетъ насъ не въ комнатѣ, а въ кухнѣ. Чеберякова заявила, что это ея любимый уголокъ, стала угощать насъ чаемъ. Когда она стала наливать чай, на насъ напалъ ужасъ. Я взглянула на Дьяконову — Дьяконова на меня; я обратилась къ ней съ просьбой: уйдемъ, я сидѣть не могу... Мы ушли, а когда были на улицѣ, Чеберякова догнала насъ. Я пошла къ себѣ ночевать, она къ Дьяконовой».

Прокуроръ. Не было тогда какого-нибудь разговора о мертвецахъ, о чемъ-нибудь страшномъ? Почему напалъ на васъ такой ужасъ?

Чернякова. Мнѣ вообще квартира была непріятна.

Прокуроръ. Потому что тамъ былъ какой-то притонъ?

Чернякова. Не потому, что притонъ, но мнѣ было несимпатично.

Прокуроръ. Можетъ быть, такое впечатлѣніе производила на васъ кухня, ванна, напрімѣръ?

Чернякова. Нѣтъ, ванна не производила: когда я бывала у Чеберяковой, я всегда бывала у нея на кухнѣ и тамъ всегда стояла ванна.

Прокуроръ. Екатерина Дьяконова ничего вамъ не рассказывала, что послѣ этого паническаго ужаса она посѣщала Чеберякову, ночевала и тронула мѣшокъ съ трупомъ?

Чернякова. Ни звука не говорила.

Прокуроръ. Вы чѣмъ занимаетесь?

Чернякова. Я теперь замужемъ.

Карабчевскій. Вы бывали у Чеберяковой не часто?

Чернякова. Очень рѣдко. Я ее считала для себя подругой совершенно неподходящей. Вообще я считала ее дамой солидныхъ лѣтъ, а я была молодая дѣвица.

Карабчевскій. Въ тотъ разъ, когда вы испугались, вы дальше кухни не вошли?

Чернякова. Не вошла. И вообще, когда я заходила, она въ комнату не приглашала, а принимала въ кухнѣ.

Карабчевскій. Говорила, что это ея любимый уголокъ?

Чернякова. Да.

Карабчевскій. Вродѣ будуара?

Чернякова. Да.

Показанія сестеръ Дьяконовыхъ стоятъ въ связи и съ вещественными по дѣлу доказательствами. Въ числѣ таковыхъ, какъ упомянуто, находились два куска бумаги съ проколами и тряпка съ вышивкой—повидимому, обрывокъ наволочки. Кто и гдѣ именно нашелъ эти предметы, такъ и осталось, къ сожалѣнію, въ точности невыясненнымъ. Не исключено предположеніе, что ни куски бумаги, ни обрывокъ тряпки никакого отношенія къ трупу не имѣютъ, что ихъ оставили около пещеры въ другое время другія лица; но, конечно, много вѣроятія за то, что бумага и тряпка принадлежали преступникамъ, брошены ими. И вотъ оказывается, что сестры Дьяконовы, играя на чеберяковскихъ журфиксахъ въ почту, видѣли тамъ какіе-то листки бумаги, какъ разъ съ проколами. Правда, Екатерина Дьяконова говоритъ, что книжечка, изъ которой вырывались эти листки, принадлежала Мандзалеvскому, а Ксенія—что Чеберяковой, но о проколахъ на листкахъ обѣ твердятъ весьма настойчиво. Дальнѣйшая исторія съ тряпкой дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что если бы слѣдователь предъявилъ Дьяконовымъ находящіеся при дѣлѣ два листка съ проколами, сестры бы немедленно воскликнули: «Это точь-въ-точь такіе, какіе мы видѣли у Чеберяковой». Но Н. А. Машкевичъ поступилъ иначе: онъ предложилъ сестрамъ, каждой порознь, нарисовать тѣ листки, на которыхъ играли въ почту. Оказалось, что форма листка и расположеніе на немъ проколовъ, изображенные Екатериною, совершенно непохожи на то, что изобразила Ксенія, причемъ какъ то, такъ и другое, совсѣмъ несхоже съ листками, имѣющимися при дѣлѣ, которые, кстати сказать, вовсе не представляютъ изъ себя листковъ изъ отрывной книжки, блокъ-нота, ибо края у нихъ гладкіе, безъ проколовъ, а проколами отдѣляются лишь однѣ части самаго листка отъ другихъ частей.

Послѣ этого, имѣя въ виду, что свидѣтельницы явно говорятъ о какихъ-то другихъ листкахъ, а не о томъ, который при дѣлѣ, слѣдователь счелъ предъявленіе свидѣтельницамъ этого листка излишнимъ.

То же самое повторилось и съ тряпкой. Дьяконовы усиленно подчеркивали, что отлично помнятъ чеберяковскія наволочки и вышитый на нихъ рисунокъ, а Красовскій прямо уже сопоставлялъ эти свѣдѣнія съ находженіемъ у трупа куска наволочки,

внимательно, де, имъ, Красовскимъ, «изученнаго» и съ разсказомъ Екатерины Дьяконовой, какъ во время убійства «Вѣрка крикнула: сорвите вторую наволочку съ подушки и заткните ему ротъ». Тогда слѣдователь опять предложилъ Дьяконовымъ описать внѣшность чеберяковскихъ наволочекъ. Дьяконовы показали, что съ вышивкой была лишь одна наволочка, бумажная, причемъ вышивка, сдѣланная «крестикомъ», состояла только изъ красныхъ нитокъ—ни черныхъ, ни какихъ либо другихъ небыло.

Такъ какъ тряпка, находившаяся при дѣлѣ, была не бумажная, а полотняная, вышивка на ней не «крестикомъ», а «елочкой» и не только красными, но и черными нитками, то, очевидно, свидѣтельница говорили не про нее, а потому и въ предъявленіи Дьяконовымъ этой тряпки слѣдователь надобности не встрѣтилъ.

Конечно, защитѣ это было весьма не по вкусу, и вотъ на судѣ присяжный повѣренный Зарудный обратился къ Предсѣдателю съ такимъ заявленіемъ: «позволю обратить себѣ ваше вниманіе на то, что по закону свидѣтелю предъявляются вещественныя доказательства, относящіяся къ предмету его допроса на предварительномъ слѣдствіи, между тѣмъ свидѣтельница Екатерина Дьяконовой на предварительномъ слѣдствіи не были предъявлены ни кусокъ наволочки, ни бумажка съ проколами».

Черезъ нѣкоторое время, при допросѣ Ксеніи Дьяконовой, въ томъ же направленіи сталъ дѣйствовать и Грузенбергъ, заявивъ: «Я просилъ бы замѣтить, что судебный слѣдователь Машкевичъ не предъявилъ ей наволочки, спрашивая ее объ этомъ».

Тогда мнѣ пришлось обратиться къ Предсѣдателю съ просьбой разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ, обязанъ былъ или нѣтъ судебный слѣдователь предъявлять свидѣтельницамъ тѣ вещественныя доказательства, о коихъ шла рѣчь. И если обязанъ, то на основаніи какой статьи закона. Я утверждалъ, что ни такого закона, ни такой обязанности не существуетъ, между тѣмъ заявленіями защиты у присяжныхъ засѣдателей создается совершенно невѣрное впечатлѣніе, будто судебный слѣдователь Машкевичъ учинилъ какія-то неправильности, противозаконныя нарушенія во вредъ подсудимому.

На мою просьбу Зарудный возражалъ такъ:

«Позвольте заявить: этотъ вопросъ можетъ быть спорный; можно быть разныхъ мнѣній; нужно ли сейчасъ говорить объ

этомъ? Не лучше ли, если мы въ рѣчахъ выскажемся, а вы, г. Предсѣдатель, скажете тогда, кто изъ насъ правъ».

Изумительно! Не самъ ли Зарудный поднялъ вопросъ, который онъ, произведя на присяжныхъ извѣстное впечатлѣнiе, объявляетъ теперь несвоевременнымъ? Не Зарудный ли заявлялъ, въ категорическомъ тонѣ, не допускающемъ сомнѣнiй, что «по закону» вещественныя доказательства надо было предъявлять; а теперь оказывается, это «вопросъ спорный», допускающій «разныя мнѣнiя». Но, главное, гдѣ же тотъ «законъ», та статья уголовного судопроизводства, которой пугалъ насъ г. Зарудный? Почему ни онъ, ни Грузенбергъ, который такъ любитъ сыпать кстати и некстати статьями закона и сенатскими рѣшенiями, упустили такой прекрасный случай привести если ужъ не статью, то, хотя бы, соответствующее сенатское рѣшенiе?

Предсѣдатель исполнилъ мою просьбу и объяснилъ присяжнымъ, что такого закона нѣтъ и никакой неправильности слѣдователемъ не допущено.

Однако, въ стенографическомъ отчетѣ, который издавался газетою «Кiевская Мысль», а затѣмъ былъ выпущенъ отдѣльнымъ изданiемъ, читаемъ: «Предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что слѣдователь при допросѣ ея (?) всегда обязанъ предъявлять вещественныя доказательства» (т. I, стр. 649)—т. е. въ «стенографическомъ» отчетѣ удостовѣрено, во славу Грузенберга и Заруднаго, какъ разъ обратное тому, что произошло въ дѣйствительности. Лишь послѣ предсѣдательскаго разъясненiя Зарудный попросилъ «прочестъ, въ дополненiе къ разъясненiю, точный текстъ, если не ошибаюсь, статьи 695 Устава Уголовнаго Судопроизводства».

Г. Зарудный опять ошибался, ибо статья 695 ни вещественныхъ доказательствъ, ни свидѣтелей не касается вовсе. Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду одну изъ сосѣднихъ статей, 697-ую, которая гласитъ: «Вещественныя доказательства, по осмотрѣ ихъ судьями и присяжными засѣдателями, предъявляются подсудимому и потерпѣвшему отъ преступленiя, если онъ находится на лицѣ». Такимъ образомъ, статья эта, во-первыхъ, говоритъ о судѣ, а не о предварительномъ слѣдствiи и, во-вторыхъ, о судьяхъ и сторонахъ, а не о свидѣтеляхъ.

Видимо, хорошо понимая, что сей номеръ не прошелъ, Грузенбергъ замѣтилъ, что «совершенно безцѣльно теперь спорить о статьяхъ».

Противъ ходатайства защиты о предъявленіи Дьяконовымъ здѣсь, на судѣ, тряпки и бумажекъ съ проколами представители гражданского иска не возражали. Сначала Екатерину Дьяконову—она допрашивалась первою—спросили о той вышивкѣ, которую она видѣла на чеберяковской наволочкѣ, и свидѣтельница отвѣтила, что та вышивка шита и красными и черными нитками. Показавъ слѣдователю, что тамъ только красныя нитки, она ошиблась, а потомъ вспомнила. Какъ только затѣмъ Екатерины Дьяконовой предъявили полотняную тряпку, свидѣтельница сейчасъ же, почти не глядя, заявила съ полной опредѣленностью, что это чеберяковская наволочка.

Предсѣдатель. Вѣдь вы говорили слѣдователю, что та наволочка бумажная?

Дьяконова. Я не говорила, что бумажная.

Предсѣдатель. Свидѣтельница, вы посмотрѣли бы лучше, а то сразу взяли и сказали, что наволочка эта та самая. Значитъ, у слѣдователя вы показывали неправильно?

Дьяконова. Нѣтъ, правильно.

Предсѣдатель. Господа присяжные засѣдатели, я напоминаю, что свидѣтельница говорила слѣдователю, что наволочка бумажная и вышита краснымъ цвѣтомъ—другихъ цвѣтовъ нѣтъ.

Когда очередь дошла до Ксеніи Дьяконовой, то ее допросили предварительно о примѣтахъ чеберяковской наволочки уже болѣе подробно; такъ, свидѣтельница было предложено нарисовать узоръ той вышивки. Дьяконова изобразила нѣчто, совершенно непохожее на рисунокъ вещественнаго доказательства. Далѣе, такъ какъ Ксенія, подобно сестрѣ, утверждала, что у слѣдователя она, говоря только о красныхъ ниткахъ, ошиблась, а теперь вспомнила, что были и черныя нитки, то я предложилъ ей объяснить, какъ чередовались эти два цвѣта на вышивкѣ. Свидѣтельница очень увѣренно заявила, что чернаго цвѣта было столько же, сколько и краснаго—пополамъ, и что черный цвѣтъ все время чередовался съ краснымъ—«крестикъ черный, крестикъ красный, крестикъ черный, крестикъ красный», а на тряпкѣ, приложенной въ качествѣ вещественнаго доказательства, черныхъ нитокъ гораздо меньше, чѣмъ красныхъ, и идутъ онѣ лишь съ одного бока въ видѣ маленькаго стерженька, сплошь зашитаго черными нитками.

Несмотря на все это, какъ только Ксеніи Дьяконовой предъявили тряпку, она немедленно заявила, что это та самая, чеберяковская.

— Но вы же рисовали и рассказывали совсѣмъ иначе?

— Теперь я вижу, что та самая.

Такая же исторія повторилась при предъявленіи приобщенныхъ къ дѣлу листковъ съ проколами, совершенно непохожихъ на рисунокъ, сдѣланный свидѣтельницею слѣдователю. Она сейчасъ же заявила: «я припоминаю, что начерчено неправильно».

Предсѣдатель. Почему же вы тогда этого не заявляли?

Кс. Дьяконова. Теперь я припоминаю, что бумага была другого размѣра, чѣмъ нарисовано...

О предъявленіи листковъ Екатеринѣ Дьяконовой защита уже не просила.

Но самая интересная часть показанія этой свидѣтельницы— рассказъ о таинственной маскѣ. Какъ уже изложено, Красовскій, ссылаясь на слова Екатерины Дьяконовой, воспроизвелъ даже картину убійства: какъ кололи, затыкали наволочкой ротъ и вымакивали кровь тряпками, чтобы не разбрызгать. «Все это по-дружески рассказала мнѣ сама Вѣрка» — такъ, по удостовѣренію Красовскаго, говорила, будто бы, ему Екатерина Дьяконова. Однако сія послѣдняя на слѣдовательскомъ допросѣ не рѣшилась показать, что Чеберякова ей прямо созналась въ убійствѣ. Но заявить, что она вовсе ничего подобнаго Красовскому не говорила — Дьяконовой тоже нельзя было. И вотъ, въ протоколѣ ея допроса читаемъ: «Передъ Пасхой въ 1912 году, когда я однажды часовъ около 8 вечера шла къ одной своей знакомой, живущей на Кадетскомъ шоссе, ко мнѣ, возлѣ больницы для чернорабочихъ, подошелъ человекъ въ маскѣ. Ни по голосу, ни по фигурѣ я его опознать не могла и до сихъ поръ не знаю, кто это былъ... Подойдя ко мнѣ, незнакомецъ назвалъ меня по имени и сказалъ, что онъ меня знаетъ и видѣлъ меня у Чеберяковой... я съ нимъ простояла часовъ до 11 и къ своей знакомой такъ и не попала. Во все это время онъ велъ со мною общіе разговоры и не касался дѣла Ющинскаго. Онъ тогда же мнѣ назначилъ свиданіе тамъ же на второй или третій день. Я въ то время еще съ Красовскимъ не была знакома... Я была на свиданіи и снова встрѣтилась съ маской... Маска сказала, что собирается компанія, чтобы убить судебного слѣдователя Фененко, Красовскаго и Иванова и что для этого дѣла нужна я

На мой вопросъ, зачѣмъ я имъ нужна, онъ отвѣтилъ, что не нужно будетъ ничего дѣлать, а что я лишь буду стоять на стражѣ... Слѣдующаго свиданія онъ мнѣ не назначалъ, но сказалъ, что можетъ быть встрѣтимся случайно. Маска въ этотъ день предлагала мнѣ поѣхать ужинать. На мой вопросъ, какъ онъ въ маскѣ поѣдетъ ужинать, онъ сказалъ, что я должна буду войти первой и заказать ужинъ, а онъ явится впоследствии. Я отказалась ужинать за неимѣніемъ свободнаго времени... Дня черезъ два-три послѣ этого я снова встрѣтила маску... Онъ снова сталъ меня уговаривать не бояться того дѣла, которое онъ мнѣ раньше предлагалъ. Я тогда же сказала ему, что соглашусь вступить въ ихъ дѣло только тогда, когда онъ скажетъ, кто убилъ Ющинскаго. Этотъ способъ узнать, кто убилъ Ющинскаго, принадлежитъ мнѣ, и меня къ этому никто не подговаривалъ. Онъ отказался... Я стала шутя его спрашивать... Я ему высказала, какъ свое мнѣніе, что убійство было въ квартирѣ Чеберяковой. Тогда онъ отвѣтилъ: «какая хитрая! сама знаетъ, а спрашиваетъ». Бесѣда у насъ становилась болѣе откровенной... Въ дальнѣйшемъ онъ уже безъ вопросовъ съ моей стороны самъ рассказалъ, что убійство было совершено въ квартирѣ Чеберяковой тремя лицами: Латышевымъ, Сингаевскимъ и Рудзинскимъ, что Ющинскаго кололи швейками и кровь впитывали въ тряпки... На этомъ наша бесѣда окончилась.. Я ушла и больше мнѣ съ нимъ не приходилось встрѣчаться».

На судѣ Дьяконова подтвердила свой рассказъ о маскѣ почти буквально, пояснивъ, что первый разъ бесѣдовала съ маской три часа. На изумленный вопросъ: «о чемъ же?», отвѣчала: «такъ-себѣ».

Такого же характера были и другіе ея отвѣты, вродѣ, на-примѣръ, слѣдующихъ:

— Когда вы разговаривали съ маской, публика проходила?

— Да, проходила.

— Не обращали на васъ проходившіе вниманія: стоитъ барышня съ человѣкомъ въ маскѣ и разговариваютъ?

— Это было въ тѣни.

— А васъ не удивило, что по Кіеву ходитъ человѣкъ въ маскѣ?

— Я спросила его, но онъ мнѣ не отвѣтилъ.

Итакъ, первоисточникомъ свѣдѣній о Сингаевскомъ, Рудзинскомъ и Латышевъ, о томъ, что убивали у Чеберяковой, оказалась... таинственная маска!

Повторился тотъ же заколдованный кругъ, которымъ выгораживалъ себя Мищукъ:

— Откуда извѣстно, что убивали Цупенко и Кучеренко, а вещи закопали на Юрковской горѣ?

— Отъ подсѣвайлы Кушнира.

Обращаются къ Кушниру. Онъ невозмутимо поясняетъ, что знаетъ это дѣло отъ неизвѣстнаго человѣка, свиданіе съ которымъ устроилъ ему Мищукъ.

Въ такомъ родѣ и здѣсь. Гдѣ первоисточникъ? Красовскому извѣстно, что убивали у Чеберяковой, что затыкали ротъ наволочкой, а кровь «вымакивали» тряпками. Извѣстно со словъ Дьяконовой. А ей рассказалъ незнакомецъ въ маскѣ, предлагавшій убить того Красовскаго, котораго Дьяконова тогда, по ея словамъ, даже и не знала.

Впрочемъ, въ концѣ своего показанія слѣдователю, Екатерина Дьяконова начинаетъ увѣрять, что ей полусозналась дочь Чеберяковой, десятилѣтняя Люда, на разспросы Дьяконовой будто бы сказавшая, что «мама не убивала, а стояла въ это время на лѣстницѣ», что «кололи швайками, взятыми у Мифле, а потомъ ихъ повыбрасывали».

На судѣ Дьяконова заявила, что признаніе это происходило весной, а слѣдователю—что послѣ смерти Вали, которая умерла въ августѣ. Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ своего обширнаго показанія, Дьяконова говорила, что на все время убійства Чеберякова отослала дѣтей къ родственникамъ, гдѣ тѣ и ночевали, и что дѣти ужасно боялись и слушались Чеберякову и противъ воли матери никогда ничего не дѣлали и не говорили.

Хорошо, что послѣ повѣствованій Дьяконовой о маскѣ показаніе ея приобрѣло совершенно опереточный характеръ. Хорошо, что всѣ ея безчисленныя нелѣпости и противорѣчія весьма рельефно, отчетливо вылѣзли наружу. Хорошо, что судебный слѣдователь Машкевичъ съ большимъ талантомъ и съ отменнымъ терпѣніемъ тщательно допросилъ сестрицъ о всѣхъ подробностяхъ ихъ встрѣчъ, ночевокъ и свидѣній. Если бы только къ этимъ показаніямъ отнестись поверхностно, если бы не поставить ребромъ вопроса о первоисточникѣ сихъ свѣдѣній, если бы сразу предъявить свидѣтельницамъ и листки съ проколами, и тряпку съ вышивкой—тогда весьма возможно, что у людей, недостаточно вдумчивыхъ, создалось бы впечатлѣніе совершенно иное.

Недаромъ защита такъ негодовала на слѣдователя, что онъ не предъявилъ свидѣтельницамъ вещественныхъ доказательствъ.

Недаромъ послѣ того, какъ мы убили въ судѣ цѣлый день на допросъ Дьяконовыхъ, пятый защитникъ, Григоровичъ-Барскій заявилъ «подъ занавѣсъ»: «Я прошу обратить вниманіе присяжныхъ засѣдателей, что сегодня въ теченіе цѣлаго дня имя Бейлиса не было произнесено ни разу».

Дѣйствительно, произнесено не было, но кто же тому причиной? Не тѣ ли, кто и на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіи прилагали всѣ усилія, чтобы *отвлечь вниманіе* отъ Бейлиса?

Показаніе Дьяконовыхъ не осталось одинокимъ. Въ подтвержденіе ему была выдвинута свидѣтельница Малицкая, сидѣлица винной лавки, помѣщавшейся въ первомъ этажѣ того дома, гдѣ во второмъ этажѣ жили Чеберяковы.

Допрошенная слѣдователемъ первый разъ 8 іюля 1911 г., она показала, что «рѣшительно ничего по настоящему дѣлу не знаетъ», съ Чеберяковой состоитъ въ ссорѣ: «Какъ-то во дворѣ я взяла ее за плечо, а она ударила меня по физиономіи—съ тѣхъ поръ я съ ней и разсорилась». Вслѣдъ затѣмъ Малицкая начала заявлять иное: что она слышала въ квартирѣ Чеберяковой какую-то странную возню и дѣтскій крикъ, а потому не сомнѣвается, что убійство Ющинскаго совершено именно тамъ. Однако, будучи допрошена по сему поводу въ полиціи, свидѣтельница показала, что возня эта происходила въ 7—8 часовъ вечера и лишь впослѣдствіи приурочила описываемыя ею событія къ 11 часамъ утра, объяснивъ, что полиція ее неправильно поняла, а слѣдователю она первый разъ ничего не показала отчасти потому, что опасалась Чеберяковой, отчасти потому, что была занята и не раздумывала надъ этимъ случаемъ. Вообще, съ показаніемъ Малицкой произошло какъ разъ обратное тому, что всегда бываетъ со свидѣтельскими показаніями. Обычно, чѣмъ больше времени проходитъ послѣ описываемаго событія, тѣмъ болѣе человѣческая память тускнѣетъ и свидѣтель подробности, отгѣнки, которые онъ помнилъ вначалѣ, потомъ забываетъ. Не то было съ Малицкой: съ каждымъ новымъ слѣдовательскимъ допросомъ она воспроизводила все новыя подробности, которыя слышало ея чуткое ухо въ квартирѣ Чеберяковой и, наконецъ, на судѣ свидѣтельница рассказала намъ о «слабомъ звукѣ черезъ носъ», который былъ изданъ ребенкомъ, о томъ, какъ она по

Н. А. МАШКЕВИЧЪ, Судебный Слѣдователь.

шуму опредѣлила длину мягкаго предмета, который тащили во второмъ этажѣ, о томъ, что когда несли, то Чеберякова шла по-серединѣ и т. д. — все это она слышала изъ своей квартиры.

Во время мѣстнаго осмотра судомъ былъ произведенъ опытъ: часть судей и присяжныхъ засѣдателей помѣстились въ квартирѣ Малицкой, а другая часть наверху, въ квартирѣ Чеберяковой, гдѣ велѣли мальчику бѣгать и кричать. Я былъ во второмъ этажѣ. Тѣ изъ бывшихъ въ первомъ этажѣ, кого я спрашивалъ, всѣ говорили мнѣ, что никакого крика они не слышали и отдѣльныхъ шаговъ различить совершенно не могли. Если даже допустить, что при очень изощренномъ слухѣ можно было уловить крикъ и отдѣльные шаги, то, во всякомъ случаѣ, было очевиднымъ, что невозможно, немислимо различить тѣ отбѣнки и подробности, о которыхъ показывала Малицкая.

Такимъ образомъ, и показаніе Малицкой едва ли произвело болѣе убѣдительное впечатлѣніе, чѣмъ показаніе Дьяконовыхъ.

Однако, кругъ доказательствъ, пріуроченныхъ къ квартирѣ Чеберяковой, симъ еще не заканчивается. По сосѣдству отъ нея проживала нѣкая Адель Равичъ, державшая тутъ же, на Верхней Юрковицѣ, бакалейную лавочку. Эту Равичъ судебный слѣдователь Фененко допрашивалъ дважды — 22 апрѣля и 18 октября 1911 г.

Свидѣтельница дала показанія, по существу не имѣющія особаго значенія — о горѣ Андрюшиной бабушки, о разсказѣ дѣвочки Чеберяковъ, какъ бывалъ у нихъ Андрюша, но свой взглядъ на дѣло она выразила очень опредѣленно. Въ показаніи ея читаемъ:

«Въ тотъ день, когда былъ обнаруженъ трупъ Андрея Ющинскаго, я около 11 часовъ вечера уѣхала съ сестрой въ Минскую губернію и о находкѣ этого трупа услышала около пяти часовъ вечера. Уѣзжая изъ Кіева, я была увѣрена, что убійство это совершено евреями и въ вагонѣ объ этомъ говорила своей сестрѣ, причемъ говорила ей, что лѣтъ двадцать тому назадъ въ мѣстечкѣ Долгиновѣ, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи, гдѣ жила тогда и я, былъ похищенъ евреями сынъ мѣстнаго обывателя Красовскаго, причемъ трупъ мальчика, всего исколотатаго, нашли потомъ въ лѣсу. Послѣ этого случая въ Долгиновѣ былъ даже еврейскій погромъ. Вамъ, можетъ быть, и странно слышать, что евреи могутъ убить ребенка для того,